

Сборник прозы

«Сокровенные мысли»

Выпуск 19

Независимое Издательство

Аннотация

«Как только в вашем сознании возникает одна мысль сомнения, земля становится преградой для вас. Как только в вашем сознании возникает одна гневная мысль, огонь начинает обжигать вас. Как только в вашем сознании возникает одна радостная мысль, ветер начинает дуть на вас..» (С)

Мысли - это неотъемлемая часть нашей жизни, мысль руководит нашим сознанием. В сборнике «Сокровенные мысли» мы собрали авторов, прозы которых заставят каждого из Вас глубоко окунуться в мир непостижимого, которым мы окружены.

ISBN: 978-1-79478-061-3

УДК: 1751

Budapest 2019

Итоги конкурса

1 место: Наталия Еремина

Дополнительная информация от первого лица:

Проживаю в г. Курске (Курская область). Пишу давно, преимущественно прозу. Публиковалась всего дважды и только в сборниках. Имею аккаунты в Избе-Читальне и на Прозе.ру, Стихи.ру, где, в основном, и публикую свои рассказы.

2 место: Олег Романов

Дополнительная информация от первого лица:

Я родился в 1970 году в Павловском Посаде Московской области. В 2003 году, когда дочери было три года, на ночь я рассказывал ей сказки, которые сочинял, пока она укладывалась спать. Однажды, пока дочь готовясь ко сну, принимала ванну, я сел за компьютер – так родилась первая глава удивительной волшебной сказки «Лучики». За последующие две недели сказка была написана. И вот наконец благодаря издательству «Первая книга» она увидела свет. Надеюсь, в скором времени закончить книгу «Записки настигнутого любовью», главы из которой публикую на Проза.ру.

3 место: Анна Логинова Трушкова

Дополнительная информация от первого лица:

Родилась в семье служащего. В 1969 году окончила среднюю и музыкальную школы и поступила в педагогический институт. Мечтала стать филологом, но по настоянию родных изменила профиль обучения, окончив физико-математический факультет, ныне это Ульяновский педагогический университет. В 70-е годы преподавала математику в школе Бухарской области по направлению. Большую часть жизни (более 30 лет) обучала детей военнослужащих в школе №12 г. на Космодроме Плесецк. Последние годы - в лицее Санкт-Петербурга. Литературным творчеством начала заниматься совсем недавно. Есть печатные работы в сборниках «Сокровенные мысли» и «Страницы жизни».

Содержание

Наталия Еремина	5
Олег Романов	12
Анна Логинова Трушкова	31
Андрей Романов	35
Изабелла Блейз	57
Борис Колесов	63
Виктор Астанин	77
Ellochka	108
Елена Мария Вербалес	113
Николай Шоластер	123
Наталья Алексеевна Горенко.	128
Контактная информация авторов	134

Наталия Еремина

Неделя в деревне

Деревенская бабушка

Юрка Сергеев до пяти лет не знал, что в деревне у него есть бабушка. Почти у всех ребят из их многоквартирного дома были бабушки в деревне, а у Юрки — нет. Так бы он, наверное, и прожил всю жизнь, ничего не зная, если бы однажды их детсадовскую группу не закрыли летом на ремонт. Поскольку все в семье работали, родители Юрки некоторое время мыкались с ним по друзьям, родственникам и знакомым, чтобы на три недели, пока будет длиться этот ремонт, пристроить к кому-нибудь сына. Маме отпуск еще не полагался, а папа все время находился в командировках. И когда мама, пару раз бравшая с собой Юрку на работу, уже отчаялась найти решение, папе в голову пришла счастливая мысль. Он вспомнил, что в пригороде живет его еще не совсем старая двоюродная тетушка. Раньше, когда папа сам был маленьким, они довольно часто виделись. Но время шло, папа стал взрослым и отдалился от своей не самой близкой родни. Опасения, что тетушка не примет на время Юрку, оказались напрасными. Бабушка Лида встретила семью Сергеевых с радостью. Долго расспрашивала родителей обо всем и обо всех. Узнав причину их приезда, нисколько не удивилась, а как будто только этого и ждала:

— Что ж! Надо помогать своим близким! Две недели — это даже и не трудно! У моих девок еще нет детей, так что буду вспоминать, как с мальцами управляться, да и опыта наберусь на случай своих внуков.

И, уже обращаясь к Юрке, добавила:

— А мы с тобой тут много чему поучимся? Да, сынок?

— А я вам и не сынок. Я мамин с папой сынок.

— Ну, значит, внучек?

— И бабушка с дедушкой у меня есть! — гордо ответил Юрка. — Я вас тетей Лидой называть буду. Ладно?

— Вот это характер! — удивилась тетя Лида. — Называй! Мне еще проще! — и подбоченившись, весело рассмеялась.

Юрка надеялся, что мама с папой останутся с ним до завтра, но родители заторопились, сели в машину и, пожелав Юрке приятного отдыха, уехали в город. Юрка как-то сразу скис и заскучал.

Тетя Лида, взглянув на мальчика, подмигнула ему и пошла куда-то по улице. Через несколько минут она вернулась, ведя за руку чумазого босоногого мальчишку, которого представила Юрке:

— Вот познакомься — это Пашка. Ему тоже пять лет. Он местный хулиган.

Пашка выдернул руку и, шмыгнув носом, сердито ответил:

— Ничё не хулиган. Я чё, уже большой? Это наши пацаны — хулиганы, а я еще маленький.

— Ну, дурное дело не хитрое. Может, еще и не хулиган, но бедокурить уже научился. Мало твоя бабка жаловалась?! — ответила тетя Лида. — Но, Юрочка, других твоих сверстников у нас пока нет. На ближайшее время Пашка будет тебе другом и соратником в играх. Так что, знакомься, — сказав так, вздохнула, и, оставив мальчишек во дворе вдвоем, поспешила в огород.

Едва тетя Лида скрылась за домом, Пашкина угрюмость на лице сменилась задорным выражением и любопытством. И он стал засыпать Юрку вопросами, не давая ему даже вставить ни единого слова:

— А ты, чей сын? Наташкин или Олькин? А чего тебя до сих пор никто не видал? А ты зачем к бабе Лиде приехал? Надолго? А ты умеешь гонять мяч? А у тебя обруч есть? А ты на велике катаешься? А давай к нам во двор смотаемся: я тебе такое покажу! — И не дожидаясь ответа, рванул к калитке на улицу, таща за руку Юрку, который от такой напористости растерялся и, абсолютно не сопротивляясь, побежал с ним на край деревни, ко двору, где жил новый друг.

Пашка

Пашка Костин — небольшого роста, но крепкий мальчишка, слыл в деревне сорванцом, каких свет не видывал. Родители работали в городе, а за ним присматривала бабушка Муся, которой все время приходилось оправдываться и извиняться перед соседями. Вроде бы и не злобный, но озорной внук доставлял ей немало хлопот. Едва он выходил на улицу, как не только чужие кошки, но даже куры прятались по подворотням. На памяти у односельчан было немало случаев, когда просто из любопытства малец наделал в деревне немало шума. Когда ругали его за проделки, виновато опускал голову и неустанно повторял: «Я нечаянно. Я просто хотел посмотреть, что получится». Бить его бабушка не била, а вот когда на выходные приезжали домой родители, то Пашка становился тише воды, ниже травы — отец без лишних разговоров мог отстегать ремнем. Мать при этих экзекуциях уходила из дома, чтобы не слышать

воплей сына и не вмешиваться в «воспитательный процесс». Полученных «уроков» хватало только на пару дней после отъезда отца с матерью, и уже в начале следующей недели бабушка растерянно разводила руками перед возмущенными соседями.

Буквально накануне появления в деревне Юрки Пашку изрядно потрепала соседка Костиных Люська. Подоив на выпасе в обед корову, занесла она на время подойник с молоком на веранду, а сама пошла в хату, чтобы марлю для процеживания взять. И когда только Пашка успел в ведро лягушку бросить? Стала Люська переливать молоко в чистую посуду, да как завизжит что есть мочи: лягушка из подойника прямо на марлю вывалилась. Не успел далеко Пашка сбежать, поймала его соседка и задала такую трепку, на какую только была способна. На расспросы бабушки ответил, будто та ему сама говорила, что в пору ее молодости лягушек в молоко кидали, чтоб оно не скисло. Вот он и попробовал.

А еще тремя днями раньше послала его бабушка отнести лопату тетке Нюре. Дело вроде бы и не хитрое: поставь во дворе и всего-то. Но Пашке надо было удостовериться, что соседка увидит инструмент. Позвал он ее, но та не откликнулась. Тогда пошел искать по двору и в огороде. Так и не обнаружив хозяйки, уже собрался идти домой, как увидел забредшую в незакрытую им же калитку чужую козу. Забеспокоился, что та пойдет в огород, решил выгнать ее на улицу, да не тут-то было: коза испугалась и лихо перемахнула через низенький заборчик прямо в хозяйский цветник. Пашка, конечно, за ней. Долго гонялся, аж умаялся, но все же своего добился. А вечером тетка Нюра с руганью пришла к бабушке — от палисадника, как после прохода трактором, ничего не осталось.

Все тайное когда-нибудь становится явным

По дороге к дому ребята заглянули во двор двоюродной сестры Пашки, Анюты. Мальчишки потихоньку подкрались к раскрытым окнам дома, и Пашка осторожно заглянул в одно из них. В коляске спала новорожденная дочка Анюты. Заметив, что в хату вошла бабушка девушки, друзья присели под окном и затаились. Едва услышав, что комната опустела, Пашка снова заглянул в нее и, обнаружив коляску на месте, произвел звуки, напоминающие плач новорожденного. Женщина, недавно покинувшая комнату, тут же вернулась и взглянула на спящего ребенка. С удивлением пожала плечами, снова вышла. Мальчишки, на это время притаившиеся под окном, давились от сдерживаемого смеха. Пашка решил повторить действия. Едва он высунул голову и издал

первый звук, как почувствовал острую боль в ухе — цепкие женские пальцы с силой зажали его:

— Что, гадёныш? Давно не получал от отца? Давно хворостину о твою задницу не обламывали? — прошипела бабушка Анюты.

— Ой-ёй-ёй! Баб Варь! Отпустииии! Больше не бууууду! — запричитал Пашка, в то время как Юрка уже перелез через низкую изгородь палисадника и изо всех сил мчался по направлению к их убежищу.

— Ах, сорванец! Ты тут еще и не один, а с товарищем? Теперь вас вообще двое?! Отпустить, говоришь? Нет. Пойдем к бабке. Пусть она тебя поучит, как людей пугать, да над младенчиками измываться! — выговаривая так, трепала его за ухо баба Варя.

Вырвавшись из рук старухи, Пашка бросился вслед за сбежавшим Юркой.

Вечером за ужином тетя Лида спросила Юрку:

— Ну как день прошел? Что интересного? Как Пашка? Не обижал?

— Хорошо. И меня никто не обижал, — жадно глотая еду, ответил Юрка.

— А что ж ты своего товарища в беде-то бросил?

— Я?! Когда? — округлил глаза мальчишка.

— А под окном Анютки?

— Я не бросил... Просто не стал связываться с бабой Варей... — оправдался Юрка.

— А! Ну, конечно! Что с ней разговаривать? Да и ты ведь ни при чем, правда? Это же все сам Пашка придумал? — с усмешкой ответила тетя Лида, укладывая Юрку в постель.

— Ну, не совсем... Я тоже...немножко... — пробормотал мальчик, сквозь наваливающийся на него сон. «И как это она все узнала? Мы же никому ничего не говорили! Она же до позднего вечера в огороде была. Теперь, наверное, папе скажет, что я трус...» — засыпая, подумал Юрка с досадой, потому что папа всегда говорил, что самое постыдное для мужика — трусость.

Пивная кружка

Пашка сидел на крылечке своего дома и, подперев кулаками щеки, задумчиво смотрел на дорогу. Юрка ещё, наверняка, спал, баба Муса рано утром уехала с соседом в город за продуктами, а мальчику одному было невероятно скучно.

На улице интересного не происходило и, таким образом, ничто не отвлекало его от серьезных рассуждений на тему «Как жить дальше?» Такие мысли пришли в его кудрявую головку не случайно. Он только что пролил бидон с молоком, и, старясь затереть пол кухонным полотенцем, нечаянно толкнул стол и свалил непонятно зачем стоявшую там папину пивную кружку. Кружка не разбилась, а всего лишь отвалилась ручка. Пашка попытался приклеить ее клеем-карандашом, но ручка почему-то все равно отваливалась.

— Непонятно — почему? — рассуждал вслух парнишка. — Мамина косметичка так хорошо приклеилась к обоям, что папе потом пришлось покупать новый рулон и заменить целую полосу у шкафа. А эта ручка просто дурацкая!

Он еще раз натер кружку клеем, старательно приладил отбитую ручку и, немного выждав, осторожно отошёл в сторону. Кружка стояла почти как новая, если не считать грязных отпечатков маленьких пальчиков по всей ее поверхности. Аккуратно повесив полотенце на вешалку, стряхнув с него налипшие крошки и разровняв края руками, Пашка вдруг представил грозные лица своих родителей, которые должны были в пятницу вечером приехать из города.

— Нужно было мне это молоко! Надо было бабулю подождать... а вот придет и скажет: «Что? Опять набедокурил? Что я тебе говорила? Как себя надо вести? Тебе уже пять лет, а ты...» а папа обязательно накажет.... Да и в город не возьмут... — сокрушался Пашка, которому очень хотелось поехать в город и покататься на элетромобиях.

Котовасия

Время тянулось в тревожно-томительном ожидании, как вдруг под их калитку пролез соседский кот Рыжик, который почему-то боялся Пашки. Мальчик, как ему казалось, никогда не обижал кота, только пытался обнять и погладить, но обычно покладистый кот, после их первой жаркой встречи чуть не потерявший сразу все свои девять жизней, старался обходить его стороной. Но на этот раз произошло чудо: кот важно прошествовал мимо парнишки в открытую дверь прямо в дом, подошел

к небольшой лужице молока, оставшейся от попытки ее вытереть, и начал жадно лакать. Пашка вначале опешил от этой невероятной наглости, но потом обрадовался счастливой мысли, что все можно свалить на Рыжика! Он осторожно поднялся и тихонечко прикрыл за собой дверь.

Кот оказался запертым внутри. Ничего не подозревая, он с удовольствием вылизал все до последней капли и степенно направился к выходу. Каково же было удивление Рыжика: дверь, еще недавно гостеприимно распахнутая, была совершенно непроходима, то есть ЗАКРЫТА! Кот истошно завопил и стал неистово драть её когтями. Он пытался подсунуть лапу то снизу, то сбоку, старался так скрестить саму дверь, как будто надеялся выдрать из нее пару досок или просочиться в маленькие щели между ними. Но не тут-то было. Дверь не поддавалась. Оставив эту затею и обнаружив в кухне окно, Рыжик опрометью бросился к нему. Но и здесь его ждала неудача: не рассмотрев со страху длинные тюлевые занавески, кот не преминул в них увязнуть. Отчаянно стараясь выпутаться, он все больше нитей наматывал на свои острые, как лезвия, когти. Устав от напряжения, и окончательно отчаявшись выбраться, Рыжик безвольно повис на шторе.

Обрадовавшись такой удаче, Пашка с осторожностью подкрался к коту и схватил его обеими руками. Рыжик стал отчаянно сопротивляться, издавая при этом жуткое завывание, от которого у любой мурашки побежали бы по коже, но не у Пашки: во что бы то ни стало нужно удержать в руках это живое оправдание его проступков. Однако молодой и сильный кот сумел извернуться и выскользнуть из рук. Что тут началось! Пашка, пытаясь поймать животное, с невероятной ловкостью забирался за Рыжиком все выше и выше по мебели. Наконец он обнаружил себя сидящим наверху старого буфета. Несмотря на всю свою ловкость, оказавшись под самым потолком и не видя способа слезть, мальчишка немало испугался. Кое-как дотянувшись до шторы, висевшей на окне, Пашка обеими руками ухватился за нее, решив таким образом спуститься вниз. То ли штора оказалась плохо закрепленной, то ли вес мальчишки был для нее велик, но она оторвалась и вместе с Пашкой свалилась на пол, потянув за собой карниз, сильно ударивший Пашку по голове.

Дверь распахнулась, и в кухню вошел Юрка, которого тетя Лида разбудила пораньше, чтобы отправить вместе с Пашкой за земляникой. Рыжик, ошалевший от ощущения видимой свободы, с диким криком кинулся под ноги Юрке, от неожиданности не успевшему увернуться и получившему чувствительный удар кошачьей лапой по коленке. Не обращая внимания на боль, мальчик бросился на помощь к другу, безмолвно лежавшему под окном. Не получив ответа на оклик, Юрка

схватил кухонное полотенце и, намочив его в ведре с питьевой водой, приложил к Пашкиной голове.

Баба Муся вошла в дом в тот момент, когда Пашка уже пришел в себя и, опираясь на друга, шел в спальню по направлению к кровати. Оставив хозяйственную сумку с продуктами у порога, бабушка подхватила перевязанного полотенцем внука и отнесла на кровать, отправив Юрку за фельдшером в здравпункт. Юрка не бежал, а как будто летел через всю деревню. Путанно объяснив, что произошло у Костиных, цепко ухватив за руку фельдшера, Марию Максимовну, потянул ее за собой к дому друга, где у калитки их уже ждала обеспокоенная здоровьем своего мальчика баба Муся.

Расставание

Все объяснения Пашкина бабушка не приняла во внимание и не поверила ни единому слову внука. Даже когда он попытался рассказать правду, в ее глазах читалось недоверие, но все же она пообещала ничего не рассказывать его родителям. До конца недели Пашка оставался запертым дома на ключ. Юрка целых четыре дня общался с другом через форточку в окне, рассказывая ему обо всем, что видел сам или слышал от бабушки. Он угостил Пашку земляникой, за которой они все-таки сходили с тетей Лидой, принес в коробочке жука-короеда, найденного в дровах, когда помогал их складывать в поленницу. А в субботу приехали Юркины родители и с радостью сообщили тете Лиде о досрочном завершении ремонта в детском саду. Теперь Юрка вполне может вернуться домой.

— Спасибо вам огромное. Очень выручили. Мы прекрасно понимаем, насколько не просто справляться с мальчишками. Надеемся, он не сильно вас обременил? — глядя на загоревшего и как будто немного подросшего сына, сказал на прощанье Юркин папа.

— Ну, не больше, чем другие, — уклончиво ответила тетя Лида. Потом, немного помолчав, добавила: — А вообще, хороший парень растет у вас и верный товарищ.

Присутствовавший при разговоре Юрка немного смутился и, прижавшись к отцу, робко спросил её:

— А можно я вас бабушкой буду называть?

— А кто же я, как не бабушка! — радостно ответила тетя Лида.

Олег Романов

Моей любимой дочери Кате посвящается

Лучики

Ясность не концептуальна,
в ней Свет, открывающий предназначение

Глава первая, в которой Грид встречается с Квинки и узнает о лучах любви

В обычном лесу на болоте жил фиолетовый великан Грид. Он очень любил ромашки. Грид брел по берегу, усеянному ромашками, и размышлял:

– Они такие славные. У них желтая сердцевинка, как солнышко. И белые лепестки, как лучики. Эти лучики равнонаправлены во все стороны. И они всем посылают свое тепло и делятся своей радостью, – думал Грид, – Вот бы и мне стать ромашкой, светящейся и лучащей добро..., – мечтал Грид.

– ... будь ей! – продолжил мысли великана лягушонок Квинки...

– Но как? – очнувшись от размышлений, спросил Грид.

– Наверное, это просто, – квакнул Квинки, – просто делись своей любовью со всем, что ты видишь вокруг, посылай свои лучики, так же как солнышко, всем!

– Ура! – воскликнул великан, – я понял, здорово!.. кстати, как тебя зовут?

– Я лягушонок Квинки, я уже несколько лет живу на этом болоте, но ты заметил меня только сегодня, – сказал Квинки.

– Квинки, извини меня, я не замечал ничего вокруг, пока не полюбил ромашки. Тогда я стал задумываться о красоте мира. Меня зовут Грид. Будем друзьями? – загоготал великан.

– Конечно, Грид, лови лучик моей признательности, – воскликнул Квинки, – пойдем дарить любовь вместе всем в округе?

– Пойдем, – сказал Грид, – садись ко мне на плечо, так будет удобней путешествовать. И они двинулись в путь.

Глава вторая, в которой Грид и Квинки спасают Рии

Забавно было наблюдать, как бережно нес лягушонка на своем плече великан — зелененький комочек на фиолетовой глыбе. Погода выдалась прекрасной, солнышко блистало.

— Грид, посмотри на солнышко, оно посылает свои лучики на все живое, — сказал Квинки — так же и ты можешь посылать лучики своей любви... И тут наши друзья услышали жалобный писк как раз над своими головами, на верхушке старого дуба:

— На помощь, спасите!

Здрав голову, Грид разглядел в ветвях дерева коршуна, держащего в когтях воробья. Несчастная птичка изо всех сил пыталась выбраться, но тщетно... Квинки, тоже заметивший коршуна, храбро закричал:

— Немедленно отпусти. — Но слова лягушонка, конечно же, не дали никакого результата, коршун, по-видимому, не собирался отпускать добычу. Он понимал, что помешать ему наши друзья не смогут, у них нет крыльев.

— Что делать? — обратился Грид к Квинки, — нам ни чем не помочь бедняжке.

— Великан, чему я тебя только что учил? Давай вместе пошлем лучики любви коршуну, сказал лягушонок. Грид вместе с Квинки стали посылать свою любовь в ветви дерева, к коршуну. И тут произошло чудо. Хищник что-то почувствовал, приоткрыл пошире глаза, и... отпустил воробья. Тот мгновенно, почувствовав свободу, вспорхнул крыльями и подлетел к Гриду. Воробей всем своим видом выражал признательность, он льнул к великану, ласкался к лягушонку. Когда побежденный коршун скрылся в чаще, воробей промолвил:

— Спасибо вам, я Рии.

— Грид. — Квинки, — ответили приятели.

Глава третья, в которой Грид и Квинки учат Рии посылать лучики любви

Рии уселся на одно плечо великана, Квинки — на другое, и компания уже втроем продолжала путь. Вскоре глазам путников открылось потрясающее зрелище — поляна чудесных ромашек.

— Мои любимые цветы, — воскликнул Грид, — они великолепны, такое ощущение, будто тысячи ярких солнышек светят во все стороны своими лучиками.

– Да, ромашки прекрасны, – подхватил Квинки, – Вот у кого можно учиться посыланию любви и света. Взгляните друзья, поляна словно светится изнутри удивительным светом.

– Это похоже на тот свет, применяя который вы спасли меня, – сказал Рии. Он уже оправился от испуга и двумя крышками старался обнять Грида за шею.

– Рии, все это было не сложно, мы просто послали свою любовь коршуну, – сказал великан, – и хищник отпустил тебя.

– Научите и меня этому, и что, значит, посылать любовь? – спросил заинтересованно воробей.

– Представь себе, что ты солнышко, и ты посылаешь лучики своего тепла, своего света, своей любви, идущей из самого сердца всем в округе, – объяснил Грид.

– Да, просто представь себе светлый луч любви, идущий прямо из твоего сердца, на это поле ромашек, добавил Квинки.

– А давайте сделаем это все вместе! – воскликнул Рии.

– Конечно, это будет здорово, давайте начнем это прямо сейчас, – подхватил Грид.

– Все готовы? Начинаем, – скомандовал лягушонок. И лучи любви от всех троих полились на поляну ромашек. Поляна наполнилась необычайным светом. Над цветами запорхало несметное количество, откуда ни возьмись появившихся бабочек причудливых окрасок. Сотни птиц наполнили воздух своими трелями. Множество пчел прилетело опылять цветки. Даже деревья, казалось бы, протянули свои ветви к поляне, стараясь подставить листву под удивительные лучи. Сколько прошло времени, друзья не заметили, лица их излучали радость и веселие.

– Как красиво вокруг, – вдруг заметил Рии.

– Удивительно, как прекрасна это поляна, – сказал Квинки.

– А ромашки стали еще ярче, и лепестки у них раздают нашу любовь всей поляне. У нас отлично получилось. Пойдемте дальше путешествовать вместе, – предложил Грид. И компания продолжила свой путь дальше.

Глава четвертая, в которой друзья спасают лес от пожара

Солнце уже клонилось к закату, когда Грид, произнес:

— Мы попали в незнакомый мне лес, я никогда раньше здесь не был.

— Нам было так хорошо вместе, что мы не заметили, как прошел день, пора бы возвращаться, если мы не хотим заночевать в незнакомом месте, — сказал Рии.

— Великан, поворачивай к дому, я хотел сказать, пойдём на родное болото, — забеспокоился лягушонок.

— Чем-то пахнуло, вы чувствуете, — крикнул Грид и повел ноздрями, пытаясь уловить тонкий запах, примешанный к свежести леса.

— Определенно, это что-то горит, — вторил ему Квинки, — кто-то оставил не затушенный костер.

Тут с рядом стоящей сосны к ним спустился бельчонок. Его глаза были испуганы, движения выражали крайнее беспокойство, он трясся от страха.

— Беда, лес горит, спасайтесь, — крикнул он.

Грид протянул ему руку и, взяв бельчонка, спросил, — Ты кто?

— Я Стик, — пискнул тот.

— Грид, — Рии, — Квинки — одновременно воскликнули друзья, — бежим, мы должны попытаться чем-нибудь помочь лесу.

— Стик, карабкайся мне на плечо, — крикнул великан, — показывай нам дорогу.

Бельчонок в одно мгновение оказался рядом с Квинки, а Грид побежал по весь дух туда, куда указывал Стик. Уже вскоре запах едкого дыма был не просто явно ощутим, от него начинали слезиться глаза, и тяжело стало дышать.

— С таким пожаром вам не справиться, — запаниковал Стик, — надо самим спастись, если вам жизнь дорога, и вы не хотите сгореть в огне, бегите в противоположную сторону.

— Ты прав лишь в одном, — ответил ему Квинки, — мы действительно не справимся, но есть кое-что, и надо попробовать...

— Верно, Квинки, пошлем наши лучики любви горящему лесу отсюда, дальше приближаться к огню опасно, — сказал Рии, — Эй, бельчонок, присоединяйся, посылай вместе с нами свою любовь деревьям.

— А у меня получится? — проговорил нерешительный Стик.

— Знаешь, несколько часов назад Грид и Квинки показали мне силу любви, при помощи своих лучиков они спасли меня из когтей коршуна. А

после мы вместе наполнили любовью поле с ромашками. Если б ты видел, как потянулись к этому месту птицы и насекомые. А теперь сосредоточь все свое внимание на своем сердце и из его глубины посылай лучик своей любви лесу, охваченному огнем.

И они вчетвером стали посылать лучики любви туда, откуда клубился дым. Вначале ничего видимого не произошло. Но друзья не теряли надежды. И тут в небе раздался раскат грома, а за ним другой, и начался ливень. Дождь хлестал по щекам нашим приятелям, замочил всю шерстку Стика, стекал потоками по фиолетовому великану. А они радовались этому явлению и чувствовали благодарность леса – спасение подоспело вовремя.

– Хотите думать, что это совпадение, но я лично знаю, что дождь был вызван нашими лучами любви, – сказал восторженно Квинки.

– Ура, у нас получилось, – закричал Стик.

– Лес спасен, да здравствует ливень! – радовался намокший Риш. Он встряхнул крыльями, и брызги попали великану в глаз.

– Аккуратней, – проревел великан, видимо не от раздражения, а скорее от неожиданности, – чудо-лучи любви и на этот раз сотворили чудо, ай да мы!

И вся компания заплясала под дождем.

Глава пятая, в которой Грид выращивает лучиком грибы

Дождь лил, не переставая, несколько дней подряд. Все это время Грид сидел в своей хижине и наблюдал за пузырями на лужах. Он смотрел на холм и посылал ему свою любовь. И ему не могло надоесть это удивительное занятие. Так всегда бывает, когда работаешь с любовью.

– Так здорово делиться своей любовью, – думал Грид, – Этот холм уже лучится, как приятно смотреть на него. Он просто радуется взгляду.

И вот выглянуло солнышко. День выдался подходящим для сбора грибов. Грид не очень любил это занятие, но на зиму всегда запасал несколько баночек солений. Обычно он уходил почти на весь день в поисках грибов, та часть леса в которой он жил была мало пригодна для их произрастания. Грид надеялся, что сегодня ему повезет, ведь прошел такой ливень.

И все же, оттягивая время, великан перед своим походом решил подойти ближе к холму, который он же называл холмом любви. Погреться в лучах его благодати. Дорога к холму не заняла много времени. И вот он в этом чудесном месте.

Грид с наслаждением карабкался на холм, и тут он увидел. О, чудо! Весь склон был покрыт белыми грибами! От неожиданности Грид даже присел. Он столько раз ходил на этот холм, и знал, что кроме брусники, на нем ничего съедобного никогда не было. И тут... Рядом с домом такое изобилие. От радости Грид стал пританцовывать и напевать себе что-то под нос. И тут он понял, что грибы выросли под действием его же лучиков любви, которые он несколько дней подряд посылал сюда.

– Надо бы рассказать друзьям, – подумал великан. Прикрыл глаза и стал мысленно посылать им лучики своей любви. Сначала Квинки, потом Рии и, наконец, Стику. Спустя некоторое время он уже посылал им свои лучики одновременно.

– Ну, вот теперь можно и грибы пособирать, – промолвил Грид и стал складывать белые грибы в кучку. Уже вскоре он понял, что их так много, что не унести за один раз. Тогда он решил, что теперь может ежедневно ходить и приносить понемногу, ведь холм был совсем рядом с его домом.

Когда Грид подходил к своему дому, он увидел Квинки и Рии, поджидающих его.

– Привет, как я соскучился по вам, друзья, – сказал им Грид.

– А мы почувствовали твою любовь и поспешили на ужин с грибами, – ответил ему Квинки.

– ... но откуда вы узнали про грибы? – удивился великан.

– А разве не ты послал нам любовь, приглашая нас на ужин? – ответил Рии.

– Кто тут грибами угощает? – прокричал Стик, спускаясь с дерева.

– Привет!!! – закричали друзья ему в ответ в один голос.

– Чудеса творит с нами любовь, – воскликнул Грид.

– Как приятно быть нам вместе, – сказал бельчонок.

Глава шестая, в которой лучики любви приводят к друзьям Диллу

– Какие же удивительно вкусные грибы получились, – восхищался Квинки, когда вся компания уселась вокруг стола.

– Не удивительно, ведь Грид посылал им столько любви, когда они росли, да еще мы добавили в них лучиков, когда они готовились, – сказал Рии.

– А давайте пойдем после ужина вместе посылать лучики любви на полянку Грида, – предложил Стик.

– Это замечательная идея, – согласился лягушонок.

– Верно, – сказал Рии, доедая гриб.

– Тогда в путь, – скомандовал великан.

Поляна ромашек с восторгом встретила приятелей. Все цветочки, казалось, приветственно замахали. Лес вокруг замер, в ожидании импульсов любви.

– Смотрите, – воскликнул Квинки, – поляна узнала нас!

– Удивительно, но у меня тоже создалось такое впечатление, – проговорил Грид.

– Конечно же, она помнит, как мы ей вместе посылали любовь, – напомнил Рии.

– Поляна, прими мою любовь, – сказал Стик.

И вот лучи любви полились на поле ромашек. Сначала не было заметно никаких видимых изменений. Затем опять появились бабочки.

– Откуда они вечером? – задумался великан.

Потом по поляне прошелся луч заходящего солнца, как бы вторя лучикам друзей. Он окрасил все вокруг в удивительные оттенки алого и золотого. Затем стали появляться щебечущие птицы. Они дружно порхали над ромашками, садились на деревья, кружили вокруг. И вот на поляну выбежала лисичка. Она хотела пробежать мимо, но вдруг остановилась. Повела носом, и... расплылась в довольной улыбке. Ее мордочка излучала умиротворение. Она явно почувствовала любовь лучиков компании. Первым ее заметил бельчонок:

– Привет, лисичка! Я Стик, – вливайся в нашу компанию.

– Ой! – от неожиданности вскрикнула лисенка, – меня зовут Дилла. Я никогда раньше не видела такой красоты, и никогда не испытывала такой радости.

– Толи еще будет, – сказал Грид. – Очень приятно познакомиться, я Грид.

– Привет, Дилла! – прокричал лягушонок, – лови лучик моей любви! Я Квинки.

– Называй меня Рии, – сказал воробей, – какая ты красивая!

– Спасибо, у меня такое ощущение, что я с вами давно знакома и не знаю почему, хочется всех вас обнять и расцеловать, – растрогалась лисенка, – мне так приятно ваше общество. Будем друзьями.

– У нас есть необычное занятие, то, что всех нас собрало вместе и подружило – мы работаем с любовью, – сказал Стик.

– Я уже ощутила действие вашей любви. Только что ваши лучики привели меня на эту поляну. Сама не пойму, как я оказалась здесь. Но я так счастлива, и так благодарна вам! Шлю вам свою признательность, – молвила лисичка, – научите меня посыланию любви.

– Это просто, – сказал Стик – наполни свое сердце светом, сосредоточься на этом видении. А теперь из такого сердца посылай лучик света.

– Его можно посылать живому существу, как, тому, которое видишь, так и на расстоянии, – добавил Грид.

– Лучиком можно позвать кого-то, или передать информацию, – сказал Квинки, – только всегда целью должна оставаться любовь.

– С помощью этих лучей можно выращивать грибы, их можно посылать в пищу, и она будет приобретать удивительный вкус, – продолжил пояснения Рии. Можно посылать ее в предметы и наполнять пространство в округе радостью.

– Кажется, я поняла, – сказала Дилла, – я посылаю всем вам свою любовь.

Глава седьмая, в которой все знакомятся с Ледой и Мелусом

Прошло несколько дней, наполненных светом и радостью. Друзья не раз проводили время вместе в удивительном занятии – дарении своей любви. Вот и сегодня компания снова собралась за столом в хижине великана. Они ели грибы, которых теперь было в изобилии. Ведь Грид ежедневно пополнял запасы, отправляясь на волшебный холм. Беседа текла радостно и непринужденно, порой прерываемая дружным хохотом. Когда очередной взрыв смеха стих, Дилла произнесла:

– Я хотела поделиться с вами. Мне кажется, что у меня не совсем правильно получается посылать лучики своей любви.

– Поясни, что у тебя не получается? – спросил Рии.

– Дело в том, что я никак не могу сосредоточиться в своем сердце, – пожаловалась лисенка, – я постоянно отвлекаюсь на что-нибудь, я такая непоседа.

– Постараемся тебе помочь, – сказал Квинки, – попробуй потренироваться с закрытыми глазами, лежа на диване.

– Можешь это сделать прямо сейчас, – предложил Грид, – а мы поможем этому своими лучиками.

– Прекрасная идея, – согласился Стик, – конечно же, мы приложим к этому усилия.

– Я попробую, – неуверенно сказала Дилла.

Когда она прилегла и закрыла глаза, компания стала посылать ей свои лучики любви.

– Попробуй расслабиться, – посоветовал Рии.

– Опять не получается, – расстроилась Дилла.

Некоторое время она не могла сосредоточить внимание. Когда это наконец ей удалось, лисичка увидела перед своими глазами плачущую рысь. Эта рысь сидела на волшебном холме и потирала лапами глаза. И тут Дилла очнулась.

– Ой, я, кажется, уснула и даже увидела сон, – сказала она встревожено.

– Я уверен, это был не сон, – возразил Квинки.

– Расскажи нам свое видение, – попросил великан.

Когда лисичка пересказала все, что она видела у холма, Стик воскликнул:

– Друзья, по-моему, это крик о помощи, и он пришел к нам опять через волшебные лучи. Вспомните, как Грид позвал нас всех на ужин!

– Нельзя терять ни минуты, – скомандовал Грид, – бежим к холму. И вся компания поспешила на помощь.

Когда они прибежали на грибное место великана, они увидели рыдающую рысь. Она так была расстроена, что не сразу заметила их появление.

– Что случилось, – спросил Квинки?

– У меня... у меня...пропал...мой Мелус, – всхлипывала рысь.

– Кто это? – спросил Рии.

– Мой сынок, он...он погнался за мышкой, и... – я искала его по всему лесу,... но так и не нашла.

– Я знаю, как помочь, – сказала Дилла, – надо послать ему наши лучики любви и позвать его.

– Верно, лисенка, – поддержал Стик.

И вся компания стала посылать лучики своей любви потерявшемуся рысенку. Через некоторое время Грид произнес:

– Теперь остается немного подождать. А пока давайте познакомимся.

– Я Леда, – сказала рысь. Она уже перестала плакать, и глаза ее засветились надеждой.

– Квинки, – представился лягушонок.

– Рии, – чирикнул воробей.

– Я Грид, – отрекомендовался великан.

– Меня зовут Стик, – сказал бельчонок.

– А я Дилла, – произнесла лисичка.

Потом выяснилось, что рысь оббегала весь лес в поисках сына. И когда надежда покинула ее, она побрела, не ведая куда. И таким образом оказалась у волшебного холма, там, где ее и обнаружила в видении лисенка.

Прошло около часа, и вот к подножию холма, к всеобщей радости, выбежал рысенок. Увидев маму, он кинулся к ней, обнял ее лапками, прижался к ней мордочкой, и долго прибывал в таком состоянии. Друзья с умилением наблюдали за этой сценой любви и нежности. Это были счастливые минуты не только для рысиной семьи, всех захватил этот момент теплой встречи. После чего все познакомились с Мелусом, а в завершении Грид пригласил всех снова к себе на чай с сушками. И все вместе они праздновали возвращение потерявшегося рысенка и приятное знакомство. Дилла объяснила Леде и Мелусу о лучиках любви. Все остальные добавили это рассказами об их посылании и работе с любовью. Великан разместил всех на ночлег, а вместительная хижина великана предоставила всем уютные кровати.

Глава восьмая, в которой компания собирается в путешествие и встречается с Илисом

Когда все проснулись и вместе завтракали, Дилла предложила:

– А пойдемте все вместе в путешествие.

– Надо бы хорошо подготовиться к этому, – сказал Стик.

– Думаю, неплохо будет наполнить наши рюкзаки грибами, – промолвил Грид.

– Надо собрать с собой все необходимое, – сказала Леда.

– Возьмем котелок и миски для еды, – поддержал всех Рии.

– На всякий случай прихватим с собой теплые одеяла, – предложил Квинки.

Они составили список вещей и отправились на холм за запасами грибов.

Рысь и рысенок считали, что вначале нужно направить лучики любви на волшебный холм. Это было встречено всеобщим одобрением. В момент посылания лучей на грибное место произошло новое чудо. Неожиданно появился коршун. Он присел рядом с приятелями. Настроен он был явно по-дружески.

– Извините меня, я больше не буду нападать на беззащитных, – сказал он. Его глаза были столь искренны, что даже Рии поверил в его изменение.

– Давайте знакомиться, я Илис, – промолвил коршун, – я давно хотел подружиться с вами. И всегда с интересом наблюдал за вами из лесной чащи. Но сегодня не удержался и решил попроситься в ваши ряды.

Все назвали ему свои имена, рассказали ему про использование лучиков любви, и предложили пойти вместе путешествовать. Илис был

счастлив. Он так растрогался, что обнял крылышками Рии, и попросил прощения, посылая воробью лучики своей любви. Тот отвечал взаимным теплом сердца. Потом все вместе послали лучики на волшебный холм, и наполнили корзинки грибами. Когда в хижине великана друзья перебирали собранное, Грид предложил взять в путешествие его уже сухие запасы.

– А эти, – сказал Грид, – к тому времени как мы вернемся из путешествия, как раз будут готовы. Нужно только нанизать их на ниточки и развесить в моем доме.

Было решено, что в поход приятели отправятся на рассвете.

– Давайте пошлем совместно лучики нашей любви удачному путешествию, – предложил Илис.

– Конечно, наполним любовью это предприятие, – обрадовались все, – и работа с любовью закипела.

Глава девятая, в которой друзья отправляются в путешествие и встречаются с Байном

Рано утром вся компания была в сборе. У всех за плечами виднелись увесистые рюкзаки с провиантом.

– Мне кажется, мы послали столько своей любви нашему предстоящему путешествию, что оно не может не быть удачным, – сказал Мелус.

– Так то так, – ответил Илис, – но мы даже не наметили маршрут.

– Наши лучики любви сами укажут нам дорогу, – произнес Рии, – причем наилучшую для нас.

– Это будет удивительное путешествие, – сказала Дилла.

– Тогда чего же мы ждем? В путь, – воскликнул Грид. И вся компания отправилась в путешествие.

Они прошли мимо волшебного холма, и послали на него свою любовь. Пересекли поле ромашек, наполнив его теплыми лучиками. Илису так понравилось посылать любовь ромашкам, что он долго не хотел уходить оттуда.

– Как же я жил раньше, не зная, что можно таким простым образом сделаться столь счастливым, – сказал он. – Спасибо вам, что научили меня открыванию своего сердца!

– Ты верно это заметил, когда ты начинаешь работать с любовью, твое сердце наполняется светом и радостью, ведь только когда ты сам любовь – ты можешь дарить ее вокруг, – сказала Леда.

Далее путь друзей пролегал через еловую чащу. Деревья в ней росли столь близко друг к другу, что пробираться меж ними было не легко. Иголки больно кололи приятелей. Тогда, по совету Рии, решено было послать любовь лесу. Ветви елей были благодарны теплу, посылаемому им, и расступились перед путешественниками.

– Смотрите, лес приветствует нас, – заметил Мелус.

– Он тоже дарит нам свою нежность, – сказал Квинки.

– И елки совсем не колючие, – промолвила Дилла.

И вот все вышли к ручью. Вода в нем была прозрачная и прохладная. Леда предложила посылать лучики ручью, перед тем как напиться. Было решено расположиться на берегу на ночлег.

– Привал, – скомандовал Илис, – разобьем здесь наш лагерь.

– Я принесу дров для костра, – сказал Грид.

– А мы с мамой соберем для всех черники, – произнес Мелус, – смотрите как много ее в этом месте.

Великан принес охапку сучьев, Квинки стал разжигать костер. Когда Грид отправился с котелком за водой, то, пробираясь через кусты, он встретил ежика.

– Привет, меня зовут Байн, – представился тот.

– Очень рад встрече, я Грид, – сказал великан, и послал ему свои лучики любви.

Ежик сразу почувствовал искреннее расположение и попросился к костру.

– Конечно, идем, я тебя познакомлю с моими друзьями.

Все были рады встрече с Байном. Его окружили теплотой и вниманием. Приятели послали ему лучики любви.

– Так приятно быть с вами, – сказал еж, – можно я буду путешествовать с вами?

– Мы с удовольствием принимаем тебя в свою компанию, – ответил, выражая общее мнение Рии.

Дилла и Илис подробно рассказали Байну про лучики любви. Затем все вместе посылали лучики в пищу. От этого ужин получился таким вкусным, что тарелки и котелок даже не пришлось мыть. Затем друзья залезли под свои одеяла, свернулись калачиками и крепко заснули.

Глава десятая, в которой путешественники переправляются через ручей

— С новым днем любви! — восторженным криком приветствовал всех Илис.

— Как приятно просыпаться в теплой компании, — сказала Леда.

— На завтрак я заварю цветочный чай, — промолвил Рии, — я уже приготовил все необходимое.

— Я видел здесь неподалеку полянку с земляникой, — сказал Байн, — мы с Илисом сейчас соберем на всех.

Пока чай заваривали и разливали по чашкам, еж и коршун уже пришли с полным лукошком земляники.

— Без лучиков тут не обошлось, — констатировал Грид, — уж больно вы быстро вернулись.

Чай с сушками и только что собранной земляникой — прекрасный завтрак. Но когда во все это еще послано столько любви — это неземное наслаждение.

— Никогда не ел ничего подобного, — сказал ежик, — как же вкусно.

— Это потому, что мы освятили нашу пищу любовью, — проговорила Дилла.

— А теперь давайте наполним любовью наш дальнейший путь, — предложил Квинки.

— Давайте, прекрасная идея, — ответил Байн.

После совместного посылания лучиков любви путешествию друзья свернули одеяла, затушили костер. Затем решено было перебраться через ручей. Так как великану вода была не выше колена, это не составило особого труда. И уже вскоре вся компания стояла на другом берегу. И тут Дилла с Мелусом обнаружили тропинку.

— Это явно наш путь, — промолвила Леда, — нас будто бы кто-то ведет.

— Это наши лучики любви освещают нам дорогу, и показывают нам направление, — заметил Грид.

Тропинка долго извивалась под ногами путников, и, наконец, им открылся удивительный вид. Лес заканчивался, а на его окраине, сквозь расступающиеся деревья виднелись заливные луга. Солнце искрилось через ветви, придавая этой картине необычную окраску.

— Красота какая, — замер в изумлении Рии.

— Чарующе! — воскликнула Дилла.

Приятели зашли вглубь пшеничного поля. Бесчисленное число колосков, отражая солнечные лучи, сверкало золотым.

– А куда же мы пойдем дальше? – спросил Мелус, – может мы уже на неправильном пути?

– Неправильного пути не бывает, – ответил ему кто-то рядом. Он посмотрел в направлении раздавшегося голоса. И увидел голову хомки.

– Приветствую, я Лори, – сказала хома.

Глава одиннадцатая, в которой друзья находят продолжение пути

Все очень обрадовались встрече с хомячихой. Байн рассказал ей о путешествии. Илис научил посыланию лучиков любви. Лори очень заинтересовалась работой с любовью. Она задавала много уточняющих вопросов, пытаясь уяснить для себя, что значит сердечный центр, из которого нужно посылать любовь. Почему и как его нужно прежде посылания любви заполнить световым потоком.

Потом хома попросила направить вместе лучики на пшеничное поле, чтобы лучше созрел урожай. Друзья сняли рюкзаки, прилегли на спины, закрыли глаза, и каждый устремил свою любовь колоскам. Когда все поле заискрилось золотистым светом и наполнилось ощутимым теплом, Стик забеспокоился о том, что не плохо бы было перекусить. Лори сказала, что неподалеку ее норка с огромной кладовкой, наполненной земляными орехами.

И все направились за хомой по полю, источающему свою любовь на путников. Хомячиха по только ей одной известным приметам находила дорогу среди одинаковых, на первый взгляд, колосков. Вскоре путешественники оказались на другом краю поля. Невдалеке виднелся лес. Дила воскликнула:

– Смотрите, этот лес явно зовет нас, мы нашли наш дальнейший путь.

Квинки сказал:

– Давайте поужинаем неподалеку от норки хомячихи, там же расположиться на ночлег, а утром снова пустимся в дорогу.

Это предложение было встречено всеобщим одобрением. Компания расселась в небольшой круг, а Грид помог Лори наполнить котелок орехами.

– Наверное, будет не лишним послать нашу совместную любовь в это удивительное кушанье, – предложил Мелус.

– Орехи, наполненные любовью! Что может быть вкуснее, – восхищалась Леда, когда компания уже ужинала.

– Вот и еще один день любви подошел к концу, – сказал Байн, когда все расположились под пушистыми одеялами.

– Да, это прекрасно, посылать во все свою любовь, – согласилась Лори. – Мир вокруг становится удивительно радостным.

– Спокойной ночи и приятных снов, пронизанных любовью, – сказал Рии.

Глава двенадцатая, в которой происходит неожиданная встреча

Ранним утром, когда Илис и Рии, решив поразмять крылышки, пролетали мимо опушки леса, они обнаружили поляну полную брусники. Ворон принялся собирать ягоды, а Рии слетал за Мелусом и Гридом. Вместе они быстро набрали котелок и лукошко. Бордовая ягода, переливающаяся в лучах восходящего солнца, оказалась прекрасным завтраком. Друзья собрали рюкзаки и поблагодарили Лору за теплый прием. Затем, послав вместе лучики любви открывающейся взору тропинке через лес, тронулись в путь. Несколько раз они оглядывались, и видели сквозь уже почти закрывшие поле ветви деревьев машущую им лапкой хомячиху. Тропинка извивалась под ногами, то поднимаясь, но устремляясь вниз. Путники шли уже не один час, солнце скрылось за тучками.

– Даже к лучшему, что солнышко спряталось, – сказал Стик, – не так жарко нести рюкзаки.

И тут, совершенно неожиданно ежик зацепился лапкой за торчащие из земли корни сосны. Его резко бросило через голову. Не готовый к этому Байн даже не успел свернуться клубочком. Он жалобно застонал. Подоспевший на помощь Грид осмотрел бедняжку и констатировал:

– Вывиха лапки нет, но в ближайшие часы продолжения путешествия невозможно.

Все расположились под деревом, прямо на тропинке. Поблизости не было ни поляны, ни воды. Даже где найти подходящую пищу никто не знал. Квинки первым нарушил уже назревавшее молчание:

– Предлагаю разбиться на три группы. Грид и Рии отправятся на поиски воды. Стик, Дилла и Мелус – попытаются найти еду. А мы с Ледой останемся вместе с Байном, и будем оказывать ему помощь. Но прежде нужно вместе направить наши лучики на эти мероприятия: поиск еды и воды, и исцеление ежика. Как раз в это время сквозь ветви из-за тучек выглянуло солнце, все почувствовали, как Кто-то этим говорит компании:

– Не бойтесь, все будет хорошо.

Когда добытчики оставили ежика и рысь под деревом, Леда сказала:

– А ты не заметил, Байн, что когда мы посылали наши лучики, лес и природа будто бы утешали нас?

– У меня точно такое же ощущение, – воскликнул еж, – и еще мне показалось, что свет наших лучиков слился со светом солнца.

Прошло несколько часов, приложенный к лапке Байна лист подорожника сделал свое дело, ежику стало легче. Потом Леда услышала голоса Грида и Рии, те вернулись счастливыми.

– Мы нашли ручей, – воскликнул Квинки, – это было очень и очень не просто. Мы уже почти отчаялись. Но потом послали лучики любви, чтобы найти воду, и почти сразу вышли к источнику.

Спустя некоторое время к дереву вышли Стик, Дилла и Мелус. Их мордочки были уставшими и опечаленными. Все сазу догадались, что еды раздобыть не удалось. Байн утешил друзей:

– Не отчаивайтесь. Все это произошло с нами, явно не случайно. Думаю, скоро мы поймем, почему это так.

Как раз когда ежик заканчивал эти слова, на тропике появилась хома с огромным рюкзаком:

– Фуф, я уже и не думала, что вас догоню. Это просто чудо! Но я не смогла оставаться без вас, я же привязалась ко всем. Оставшись одна, я не находила места. Потом послала лучики любви на себя, и меня озарило. Я наполнила самый большой рюкзак орехами. И вот я с вами.

– Если бы я не подвернул ногу, мы бы, наверное, уже не встретились, – воскликнул Байн.

– А если бы Лори не догнала нас, мы бы, остались без ужина, – продолжил Квинки.

– Все не случайно! – заключил Грид.

И компания бросилась обнимать Лору.

Глава тринадцатая, в которой компания научилась вместе смеяться в любви

– Вдесятером путешествовать на много лучше, чем вдевятьером, – смеялся Квинки.

– А посылаять любовь еще лучше, – радовалась хомячиха, – угощайтесь орехами.

Друзья встали кругом, и послали лучики любви на воду и еду.

Их глаза искрились светом, сердца источали радость.

– Как хорошо, – наконец произнесла Леда.

– Есть в такой теплой компании, так приятно, – улыбался великан.

– Я ощущаю каждый глоток воды, – наслаждалась Дилла.

– Орехи, – воскликнул Рири, – они такие вкусные!

– Смотрите, каким ярким стал свет солнца сквозь ветви елей, – заметил Стик, – как весь лес сливается с нами в потоке любви.

– Наполним его еще любовью, – предложил Мелус.

Поток любви заструился от компании во всю округу. Птицы наполнили пространство разноголосым щебетом, невыразимая словами красота природы присутствовала, безмолвно принимая путников.

– Я так счастлив, думаю это чувство сейчас испытывает каждый из нас, – произнес Илис.

– Моя лапка не болит, можно продолжать путешествие, – заключил Байн, тропинка ждет нас.

Друзья неспешно двинулись в путь, любовь потоком шла из их глаз, указывая им дорогу и преображая все в округе...

Когда ты в состоянии любви, все видится таким знакомым, близким и приятным, – заключил Грид, – лес отвечает нам взаимной любовью, смотрите. Ветви сосен и берез сливаются с нами в едином целом. Все так гармонично и целостно... Хотя, я немного груб в словах, чтобы передать оттенок того, что я сейчас чувствую...

Друзья молча шли, не было необходимости в словах, они слишком хорошо ощущали друг друга. Все они были в едином центре, каждый в своем сердце, полном любви, и от этого прекрасно взаимодействовали в глубине своих сущностей, разговаривая в тишине сердцами, лучшими любовью. Общее устремление еще больше объединяло и открывало путешественников в доверии друг другу. Каждый чувствовал открытое и любящее сердечко товарища, посылающего совместно с ним лучики лесу, миру, Вселенной. И в этом едином потоке любви все сливались в одно. У каждого было приятие всех в творении любви. Никто не желал, чтобы ближний был каким-то иным, не таким, какой есть. Никто не предъявлял претензии. И это было не сиюминутное ощущение – такие отношения у компании сложились сразу, и ни разу, ни кто не выпал из этого духа. А разве может быть иначе у пребывающих в любви? Когда тебя не корят за то, что ты не соответствуешь чьим-то представлениям о тебе, когда тебя принимают целиком, а не потому, что ты делаешь так, как от тебя ждут, нет вынуждающей силы лукавить, недоговаривать, заслуживать чье-то признание. Ты просто являешь себя естественным, и потому прекрасен в глазах тех, кто в подлинной любви видит твое сердце.

– Вот как о многом мы сейчас помолчали вместе, – резюмировал Квинки.

– И даже не будем тебя корить, за то, что прервал наше молчание, – рассмеялся Байн.

И друзья звонко захохотали, сбросив на несколько минут рюкзаки. Они едва не надорвали животики, заражая друг друга неослабевающим задорным смехом.

– Байн, смешарик ты наш колючий, – тряслась от смеха Дилла.

– Я сейчас лопну, – катался по траве Мелус, – вот Рыжундра, ты сказала.

– А ты не дуйся, – острил Стик.

Грид громыхал забористым смехом, Как только кто-то успокаивался, глядя на великана, он снова погружался в волну новой порции содроганий живота.

– Смеяться вместе во много раз смешнее, – прыснул Рии, и компания снова захохотала.

– А хохотать в потоке любви так приятно и целостно, это как полет в небеса, – чудила Лори.

– А! Держите меня, летающие хомячихи! – закричала Леда.

И смех в лесу еще долго не затихал.

Глава четырнадцатая, приводящая читателя к самому себе

Радость есть всегда, можно ее принимать и позволять ей быть, можно делать вид, что все не так как должно быть, что ожидания не сбылись... Конечно, важнее быть честным с самим собой, нежели выдавать желаемое за действительное, не признавая в себе то, что есть...

Наши друзья прекрасно знали это изнутри своих сердец, потому никогда, ничего не ожидали, потому и не разочаровывались в ожидаемом. Потому их радость была совершенной. Сегодня, они сидели на поляне у выходящего водовороты ручья и слушали журчащий поток. Они не произнесли ни единого слова. Поток, объединяющий их сердца, был ровный и спокойный, светлый и ненапряженный. Они не делали усилий, чтобы пребывать в этой тишине. Они просто были. Из глаз каждого струился лучик его любви на все творение. На все, что есть. Нет слов, чтобы охарактеризовать состояние путешественников. Сказать «хорошо» – все равно, что ничего не сказать. Сказать «на этом их путь закончился – они пришли» – тоже не отразит того, что они чувствовали изнутри. Ведь чувствовать можно только самому. Самое главное не передать словами извне. Это можно сказать только сердцем без слов, лучиком любви из самой глубины сердца. Опыт может быть лишь личным – это опыт восприятия, принятия, дарения – опыт любви.

Я могу много рассказывать о наших друзьях и их опыте дарения любви... Много историй, когда лучики любви творили чудеса. Но, пока,

ты, читающий эти строки, не почувствуешь свой лучик любви, бьющий мощным потоком из твоей глубины, растворяющим твое эго и единым тебя со всеми в акте дарения, мое повествование будет только описанием событий. Но эта сказка написана не для того... Это не просто еще одна из занимательных историй, позволяющих тебе отвлечься-забыться от того кто ты. Эта сказка ставит тебя перед выбором: жить в Любви или...

Я уверен... ты выберешь первое.

Люблю тебя.

Просто рад, что ты есть.

Анна Логинова Трушкова

О ШКОЛЕ

Заметки школьного учителя

- Вы думаете, всё так просто?

- Да, всё просто. Но совсем не так.

Albert Einstein

Как быстро изменилось время! Я начинала работать в школе в 20-ом веке, а сейчас уже 21-ый. Время летит со страшной скоростью. Вот и школа стала совершенно другой – кроме ОГЭ и ЕГЭ по математике и другим предметам, появились ВПРы. Отношения учитель – родитель – ученик тоже изменились, они стали технологичными. Все требуют от учителя индивидуального внимания, относиться зачастую к обучению, как к сфере услуг. А между тем учитель в России испокон веков нес на себе нагрузку государственной важности – воспитание и образование молодого поколения. Во всю историю государства российского к нему относились с большим уважением. Я не говорю о зарплате – речь идет о гражданской позиции самого учителя и об отношении к учителю со стороны родителей и самих учащихся.

Как-то на одной встрече Дмитрий Медведев сказал, что учитель – это профессия по призванию. И так считают многие! Это действительно так – ни один здравомыслящий человек не выдержит такую трудовую нагрузку, работая в современной школе. Труд учителя – это его жизнь с постоянным поиском правильных решений, наполненная радостными и грустными моментами взросления своих учеников, их победами и неудачами, становления их как личностей. Не каждый способен полностью отдать свою жизнь обучению молодого поколения. В 90-е годы многие учителя ушли в бизнес, а тот, кто остался в школе, самоотверженно переносит на себе все тяготы перестроечного, реформаторского периода. «Природа хочет, чтобы дети были детьми, прежде чем быть взрослыми. Если мы хотим нарушить этот порядок, мы произведем скороспелые плоды, которые не будут иметь ни зрелости, ни вкуса и не замедлят испортиться...– писал Жан Жак Руссо. – У ребенка свое особое умение видеть, думать и чувствовать; нет ничего глупее, чем пытаться подменить у них это умение нашим. Дайте детству созреть в детях».

Я учу детей математике. А это значит, встречаюсь с ними каждый день. Каждый день общения, знакомства не только с характером,

способностями, но и с состоянием души ребенка. И так с пятого по одиннадцатый класс – целых семь лет вместе. Они приходят в пятый класс маленькими «воробышками», глядя открыто и одновременно настороженно – что их ждет в старшей школе, ведь на смену одного учителя приходят совершенно разные по всем предметам, незнакомые учителя. Гиперактивные, медлительные, рассеянные или замкнутые – все они так не похожи друг на друга, с разным уровнем подготовки к обучению и мотивацией. Каждому ребенку необходимо участие и внимание взрослых, и, конечно, в первую очередь это помощь родителей, ведь именно они понимают своего лучше всего.

Обучая детей в школе, невозможно оставаться равнодушным к их судьбам. Несмотря на то, что работаю давно – многих помню. Помню, как они учились, как выросли, какие ситуации случались на их жизненном пути. И, конечно, приятно, что они тоже помнят меня. В 70-е годы после окончания педагогического института мне довелось работать в русской школе Бухарской области. Это были мои первые годы педагогической деятельности. Чтобы лучше познакомиться со своими учениками и их домашними условиями для занятий, приходилось посещать их на дому. Была приятно удивлена, как встречали меня, молодую и неопытную учительницу, в узбекских семьях. Такое доброжелательное отношение, какое оказывали мне в те годы – не редкое явление во всей моей долгой педагогической практике. А тогда, наверное, в силу моей молодости, особенно запомнилось: когда приходишь в семью, где гостеприимно встречают, разговор с родителями становится душевным и, как правило, плодотворным.

Среди моих учеников были трое из одной узбекской семьи. Учились они в разных классах – в пятом, восьмом и десятом – Тахир, Фатима и Зухра. Была у них младшая сестренка Матлюба. А мамы не было, она умерла от болезни. Воспитывал их один отец. Вся нагрузка по домашним делам лежала на старшей – Зухре. Замечательная помощница отцу в воспитании своих младших сестер и брата. Я пришла к ним, чтобы познакомиться, так как была классным руководителем Тахира. В доме – идеальный порядок и чистота, все приучены к труду.

– Тебе кто-нибудь помогает? – поинтересовалась я.

– Да, конечно, тетя приходит к нам иногда. Конечно, и Фатима, и Тахир тоже помогают, я их заставляю – одной мне не справиться.

Пообщавшись, я поняла, как не хватает им материнской заботы и ласки. Захотелось помочь этим детям не только в обучении...

Через сорок лет мы встретились. Так необыкновенно сошлись наши пути, мы оказались в одном городе. Все благополучно устроены, у

каждого своя семья. Их воспоминания обо мне поразили – я не думала, что они многое запомнили и пронесли эту память через многие годы. Зухра вспомнила, как я шила ей выпускное платье, и она великолепно выглядела в нем на вечере. Даже напомнила мне о моей любимой песенке, которую я напевала, когда мы ехали вместе на сбор хлопка.

– А Вы помните, какими мы были? – наперебой спрашивали они.

– Конечно, помню. Тахир сидел за первой партой, все время тянул руку, чтобы его вызвали к доске, и сильно обижался, когда я не спрашивала его. Помню ваш дом, чистый и уютный, с длинными дорожками от входной двери до кухни. Помню, Зухра, как старшая, была очень заботливой сестрой, следила за успеваемостью брата, часто заходила ко мне в класс, чтобы узнать о его учебе и поведении. По окончании 10 классов, поехала в Санкт-Петербург поступать в училище, писала мне письма о том, как устроилась.

Что может быть лучше и приятнее, как сознание того, что мое небольшое участие в их жизни не забыто. Наверное, это самое важное в работе учителя, когда ученики становятся хорошими людьми и с благодарностью вспоминают школу.

За всю педагогическую практику было много слов благодарности в мой адрес. Замечательно, когда родители поддерживают учителя в его работе, тогда и результаты обучения и воспитания радуют всех.

Однако не всегда отношения учителя и родителей учеников складываются радужно. На моей памяти был случай, когда в результате семейных проблем, ребенок перестал учиться, а мама не смогла правильно оценить сложившуюся ситуацию. Что помешало ей вовремя поговорить с учителем и, возможно, избежать каких-то общих ошибок в воспитании и обучении? Как часто, решая какие-то семейные проблемы, родители забывают о своих детях, а потом ищут крайнего в лице учителя, считая его (учителя) главным вершителем судьбы своего ребенка.

Ксения была обычной, ничем не отличающейся от своих одноклассниц, девочкой. Как и все ее одноклассники, перешла из начальной школы в пятый класс. Малоактивная на уроках, молчаливая, она всегда старалась уйти в «тень», чтобы ее не заметили, и не вызвали к доске. Таким детям особенно необходимо внимание и помощь старших. Возраст, в котором она находилась, переходный к взрослению и становлению личности. И если что-то не получается в учебе, то этот недостаток компенсируется взрослым поведением и новыми не по годам потребностями, а тут еще проблемы в семье. Окончив восемь классов, она перешла в девятый соседней школы, расположенной ближе к ее дому. Ребята моего класса продолжали общаться с Ксюшей, говорили, что

летом она подрабатывает на рынке, продает какие-то вещи. Так было всегда – молодежь стремится как можно быстрее стать взрослыми, часто во вред обучению в школе. Возможно, это и не плохо – быть самостоятельной, но рынок формирует совсем другие качества и полностью отвлекает от учебы. Перевод приоритета учебы ко взрослой жизни, видимо, поощрялся домашними. От ребят я узнала, что и в той школе у нее не заладилось с учебой. В итоге, не окончив девятый класс, в тот же год Ксения оказалась в вечерней, учебный план которой был полностью адаптирован на ребят с недостаточной мотивацией к обучению. В утренние часы в этой школе проводились консультации и индивидуальные занятия для обучающихся. Многим ребятам такие занятия помогли освоить программу успешно. Основные уроки по расписанию начинались с 14 часов. Все складывалось в пользу ученика, и я надеялась, что и у Ксюши все получится с учебой. Возможно, жизнь складывалась не по плану, как хотелось бы. Но, когда я увидела Ксюшу на том же вещевом рынке, в разговоре с ней никакой обиды на школу, никаких слов отчаяния от нее не прозвучало. Ее оптимизм порадовал меня. Городок, в котором мы жили, небольшой, скоро я увидела Ксюшу в положении. У нее родилась девочка. Думаю, в этот момент ее мама стала главной помощницей и опорой своей дочери и была с ней рядом. Как сложилась ее дальнейшая судьба мне неизвестно. Уверена, что самое сложное в жизни она преодолела.

Учение – это нелегкий и ответственный труд всех участников процесса. А работа учителя не менее сложна и трудоемка. Преодоление учебных трудностей приносит ни с чем не сравнимое чувство радости и удовлетворения учителю и его ученикам. Никто не желает плохого ребенку, а наоборот заинтересован в его успехах. Только совместные забота, внимание и участие учителя и родителей в жизни детей принесут долгожданные желаемые плоды.

1 сентября пришли выпускники, чтобы поздравить меня с началом нового учебного года. Общение с дорогими моему сердцу учениками, с теми, кто семь лет вырослел на моих глазах, развивался, приобретая знания, влюблялся, и осуществил свою мечту, став успешным – это ли не главное, к чему стремились все мы: учителя, родители и они, наши дети!

Андрей Романов

Зомбящик

Он смотрел на них, как будто они обсуждали его...

Он смотрел на них, как будто он был рядом с ними и на равных участвовал в процессе...

Он был с каждым из них за одно и одновременно попеременно вживался в роль каждого.

Экшн и шок-шоу в реальном времени.

- Мы сделаем его таким, - сказал один.

- Надо понимать, для чего, - возразил другой и предложил свой вариант с объяснением.

- Да, пожалуй, так ему будет лучше, - сказал третий.

Их было несколько. Они склонились над ним, как над пациентом в операционной... Да, в общем-то, так оно по сути и было. По крайней мере, с какой-то точки зрения.

- Как вы смотрите, если я предложу вот такой сценарий развития? - после некоторого периода многозначительного молчания и работы спросил ещё один...

Непонятно было, то ли это был первый из тех, говоривших до, то ли кто другой... Лица были не видны. У кого - скрыты масками, кто-то просто стоял в тени. Да, в этой операционной видели и работали лучше во тьме.

- А вот это попробуйте! - процитировал себя же кто-то рядом.

- По-моему, он начинает что-то понимать! - отметил один. - Я несколько раз заметил проблески сознания. Коллеги, что вы думаете по этому поводу?

- Ничего страшного, нормальное явление. Когда-то это должно было случиться. Тем более, что у этого наркоза так и так срок действия заканчивается.

- Срок действия! Ха-ха-ха-а! - прыснули все, - да, Время - такое Время!

- Но что он теперь будет делать с тем, что ему открывается? - озаботился кто-то.

- А что делать, что делать? - жить дальше... Как ни в чём не бывало!

- криво усмехнулся кто-то другой.

- Да уж, - согласился ещё один, - и теперь у него будет ломка, - как приговор, сделал он логичный вполне вывод. - Что мы будем делать на сей раз?

- А что обычно! - Чем этот отличается от остальных?...

Как-то после позднего просмотра, когда он даже почти не заметил, как уснул, ему приснился сон, будто его коллега рассказал ему о своём путешествии в далёкий край. Туда, где плещется Море... Такое бескрайнее и безраздельное, что только где-то вдали виден горизонт - где-то там далеко, где я был ли... там, там-тарам...

"А вот тут сын мне и говорит:

- Папа, я так больше не могу! Я не понимаю, что происходит, я не понимаю, что происходит со мной! - Я засыпаю и слышу эти волны! Просыпаюсь и слышу опять эти волны! - Они будто преследуют меня! - Я думал - я сюда отдохнуть приехал!"

В одной панковской песне есть фраза: "Маленькая девочка, ты уже не девочка!" Это вам не рифма "два рубля - три рубля" или "ботинок - полуботинок".

Это вам даже не "Фауст" Гёте.

- Да, мой мальчик, ты уже не мальчик - ты сюда уже не отдохнуть приехал.

Отдохнуть - как сдохнуть. Вздохнуть, продышаться и сдохнуть. Выдох - вдох. Родился, сдох.

"Вдох, выдох - и мы опять играем в любимых".

Дыхание Брахмы. Вдохнул Жизнь - запустил процесс, выдохнул жизнь - процесс окончен.

"А ты думал - я с тобой в бирюльки играть буду, ...?!"

Такие вот смутные образы ему порой снились... в облике котов и кошек, людей и теней...

А вот и ещё...

...И всё, что ты слышишь - ПРАВДА!

Даже если кто-то, кто говорит тебе это, думает, что лжёт тебе, или он просто не знает, о чём говорит... - и он действительно не знает. Вопрос в смысле! - Мысль изреченная есть ложь. Но в то же время мысль есть информация! А информация УЖЕ ЕСТЬ, т.е. она не может быть ложью!

Если б её НЕ БЫЛО, то она была бы Ложью - её не существует, пока она не проявлена, пока она в Небытии! - Стоит только ей появиться, как она сразу становится Правдой!... Ложь - Тьма, отрицание. Правда - Свет, согласие, сочетание!

"Правды Свет", "Солнце Истины"...

Критерий Истины. Когда она - Правда - становится Истиной? - Когда ты её понимаешь правильно!!! - Когда ты понимаешь, О ЧЁМ она. Это тоже, правда, своего рода обман, но ты уже потом будешь это проверять. Пока ты просто получаешь Правду в том, "необогатённом" виде. Обогащать её - сделать её Истиной - вычленив из неё Суть - вот твоя задача.

...В палате все переглянулись, помолчали секунду и дружно засмеялись... Каждый засмеялся о своём, но в целом, когда они опять замолчали и продолжили дело, они все думали и вспоминали то, что знали они все и каждый... в отдельности. И зритель как бы тоже о чём-то смутно уже догадывался... Только очень смутно пока что... Да, они как бы "вспоминали" - так, по задумке режиссёра, должно было показаться зрителю... на деле-то вспоминать им нечего - они всё и так помнят, у них память хорошая, руки длинные, сердца горячие, разум холодный, но острый - как мечи, которыми они орудуют, совершая свои новые подвиги - что сказать ещё - "герои" одним словом! Такие нравятся зрителю... - и как скальпели, которыми они орудуют, кромсая и рассекая, разделяя и отделяя...

А какие актёры были заняты!!!... Божественно! Таланты! Гиганты и Мастера перевоплощений!

Сериял не для слабонервных "Херурги". Занимательный проект, придуманный каким-то продюсером, автором нашумевших некогда своей популярностью и других проектов. Их названия, правда, не сохранились в памяти зрителей - память у зрителя короткая - на один сезон только обычно хватает. Редко кто вспоминает, что было в прошлом... Хотя, бывает, и вспоминают... Сначала это приходит смутными образами, а иногда наоборот ты начинаешь цитировать когда-то как будто заученные реплики полюбившихся актёров своих ролей. Некоторые настолько хорошо вспоминают - аж до мурашек пробирает - что начинают отыгрывать за героев целые сюжеты или отдельные сцены. А то и наколки делают в память о своих прошлых ролях... Или эти наколки сами как-то появляются... Сила убеждения, скажете? - Стигматы - такие стигматы... Но шрамы как будто рождаются из ниоткуда, и родимые пятна

появляются точно в срок... когда... - тогда! - Это было недавно, это было давно. И всё уже стёрлось из памяти... Почти. Но и сама память осталась. С архивным файлом, который надо как-то распаковать... правда нужно ещё и найти, куда! - Винчестер же не резиновый! А то понаедут тут всякие ребята - "свита короля" - куда их девать, этих олухов царя небесного, этих детей своего нерождённого отца, этих дикарей своего миссионера, рыцарей своего креста? - Санта-Барбара какая-то - кто-то в коме, кто-то с кем-то повздорил, кто-то с кем-то изменил, на кого теперь дети похожи, кто кому кем приходится в этой корзинной чехарде кармических клубков, которые сплелись так тесно, что взаимопроникновение уже за гранью всех возможных ограничений цензуры... А этот сериал можно смотреть всем. 0+. Во-о-от.

Так вот. Интересная находка того же продюсера - начиная даже с названия! - Игра слов в нём заключалась в совмещении смысла слов "Херо" - "герой" и "ург" - часть слова "демиург" и само отдельное слово из относительно старенького языка тех, кто ещё помнил их - прошлых настоящих (как бы это ни звучало) героев, означающее "дело, труд, работа". Да, слово "хирург" и так обозначает существо, "работающее руками", но тут "хери" (рука), а здесь - "Херо" - и это герой.

- Шеф, свободен?
- Да!
- Подбрось до Вишуддхи - тут недалеко!
- Ай, слущий, садысь! - Мигом далэтим! Мащина - агонь! Э!
- Сколько?
- 10 динариев!
- Э-э-эй! Товарищ Саахов, не гони! За 10 динариев ты меня с синим ведёрком полдороги до района Бездны катать будешь! Давай до вишуддхи за 5 динариев?!
- Твоя Воля!
- Ну, ни жезла, ни меча! Земля, прощай! В добрый путь!

- Однако ж вернёмся к нашим баранам - схохмил на ходу один из героев - как там наш король-агнец на закляние?
- Поживает.
- Поживает, пожёвывает или заживает? - одному из героев следовало родиться лингвистом - он любил все эти хохмы с

меняющимися от перестановки разных букв смыслами.

- "А Васька слушает да есть," - процитировал себя уже другой. - Да спит себе спокойно, что ему ещё делать - и ты успокойся!

- Спокойно?! Хххе!... А я и не нервничаю! - как будто непонимающе, что вообще происходит, возразили ему.

- О, давайте ещё потролльте друг друга!!! - встрял их товарищ, брат по оружию - ну, вы прям как наши пациенты, ей богу!!!

- Да, да, точно, давайте ещё больше им уподобимся?!

В палате опять дружный смех. Им весело. Они всё понимают. Даже когда делают вид, что не понимают, они всё осознают. Они же герои. Они дошли до этого... Или были такими... Пока сценаристы и режиссёры не раскрыли карты. А дата выхода в показ приквела нашего сериала ещё не обозначена. Это как наши историки, которые ещё не определились во мнении, как оценивать нашу историю, поэтому каждый ругает тех, кого не любит. А хвалит... А вот некоторые и не хвалят вовсе... Не любят, наверное, никого, поэтому и не хвалят. Они вообще никого и ничего не любят - ни страну, в которой живут, ни тех, кто живёт рядом с ними... А, может, врут это они всё? - Про то, что не любят. Может, они прикидываются? Ах, обманщики! - Точно, точно вам говорю - это они придуриваются! На самом деле они всех любят! Просто, наверное, они жалеют тех, кто как бы "тоже" кого-то не любит. Ну, чтоб тем, кто действительно пока кого-то не любит, не было за себя невыносимо стыдно, что они такие человеко-, страно-, "режимо"-, друг-другоненавистники... Чтоб у них оставалась хоть какая-то иллюзия, что ад - это где-то в другом месте, а не вокруг них, не с ними, не рядом, не В НИХ, что хоть кто-то ещё есть хуже, чем они...

"Кто же, кто ещё кроме тебя? Кто же, кто ещё, если не ты?" - И на такие вопросы иногда тяжело ответить... Ещё бы - они же риторические!!! На риторические вопросы ответы очевидны, но именно поэтому они бывают так тяжелы. А в ракушке просто. Спрятался - и всё! - "Я в домике!" - Крабы пусть на галерах пашут, а рачок спрятался и сидит себе тихонько - никто его не волнует, никто его не ... - Никто и ничто его не ... Так вот недотрога и живёт - недолюбленный. Ни себе, ни людям... Спрятался себе в ракушке и "озабоченно заснул".

Развалился он себе вольготно на операционном своём столе, только тёплым покрывалом прикрыл мохнатую тушку, пока его Рассветный Рыцарь где-то витает в эмпиреях... или другом, но таком же несколько ином мире... Рассекает там себе, сидя верхом на каком-то сверкающем небесном теле - на Звезде, например... Но когда-то ж он

вернётся в клетку к своей мышке и расскажет ей, что видел там, за горизонтом, там, за облаками... там, там-тарам, там-тарам...

Интересно, и что думают наши герои, короли подлунного мира, о том, что мышка настолько наслушалась своего возлюбленного, что теперь уже иногда и не спит, а видит его на своём скакуне... Но пока...

Пока он спит - их пациент! - Их! самый! важный! пациент! - Заснул анестезионным спасительным сном... спит он себе и видит, например, как мчит его Рассветный Рыцарь, управляя своей Звездой так, как ему теперь взнамерится... или ещё какой другой сон... Спит себе, развалившись в удобной позе на операционном столе, под тёплым покрывалом, только рабочая зона открыта, а герои нашего сериала склонились над ним и как раз копошатся в этой зоне... Хотя не корректно так о героях - у них вроде и мелкая работа, но вернее же сказать - тонкая! Очень аккуратно надо действовать! Особенно важно орудовать так, чтоб не навредить! - Чтобы даже то, что ПОЧТИ, но всё-таки не смогло убить, а сделало их пациента только сильнее.

- Как мы ему скажем, что всё вот так, как есть?... Ну, или хотя бы - так, как он, если очень напряжётся, сможет понять... может быть, хотя бы ненадолго, пока сил его барона, вытягивающего себя из болота, хватает?

- Хороший вопрос. Я думаю - он сам это поймёт. И примет.

- И, как ни в чём не бывало, преспокойно будет жить дальше!!!! Йухх-хууу!!! Кавабунга, дудец!

- Да, отмочил, зачётно, но всё же, брат, не отвлекай Гавра по пустякам! - Теперь такое с ним часто происходит, что почти стало обыденностью!

- Ми-иш, ну, ей богу, где я, а где Гавр?! Я вас обоих уважаю, и при том настолько, что считаю, что даже при желании не смогу отвлечь вас от ваших обязанностей!

- Прогиб засчитан, - голосом заправского аукциониста завещал ещё один из старших, продолжая выводить на чистую воду содержимое внутренних органов пациента, изводя НА них чистую же огненную воду.

- Ау! А тебе бы не воду лить, а землю мерить! Сколько же золотого песка ты уже намыл с него? Сколько драгоценных камней у него отложилось за оградой? На орден дружбы народов хоть хватит? - спокойно и размеренно, но очень чётко и с сознанием каждой песчинки и крупинки хохмы произнёс старший врач Михаил, при этом продолжая ловко орудовать своим скальпелем, сталь которого пламенела от скорости и

остроты производимых операций.

-... Зато я нашёл эту чёртову кнопку!!! Острая, как неожиданность - на такой геморрой сядешь - сразу подскочишь - душа даже из пяток к горлу подлетит!

- Ури-Ури, а шлем ты хоть не забываешь надевать? Чтоб она случайно ещё куда не улетела?...

Тут не до ржания - шутки у старшОго тонкие да больно острые - тут хмыкнешь да закуришь по пути к рабочему столу.

А их брат Гавр работал молча. Он всё слышал, но реагировал редко. С таким тонким слухом, как у него, он предпочитал больше слушать и лишь изредка возвещал, - только когда кто-то его окончательно припекал. Да уж, и тогда его громогласный рёв слышали все вокруг! Говорят, что он однажды так рявкнул на одного пациента, которого доставили с передозом, что у того весь кайф на нет сошёл - он очнулся на операционном столе... осознал, что, где и как, и аж встал от удивления, как из гроба... Слухи ходят, что операцию на нём так и не доделали, потому что он тупо свалил. Свалил тупо, но валил он так резко, что братья даже решили его не догонять. А что - когда его опять на чём-нибудь припрёт, его опять доставят к ним же. В мыльных же операх такое правило - если сериал про клинику, то такое ощущение, что поблизости других клиник вообще нет! - Только она одна одинёшенька! Как перст. Единственная, в которой теплится и заботливыми руками сохраняется Жизнь... Дом три от перекрёстка - его ещё считают некоторые круглой площадью, - вниз по Молочной улице, в одном из карманов-рукавов.

...И тут вдруг произошло то, чего все меньше всего ожидали.

Сначала "это" было похоже на то, как огромный дикий зверь, преследовавший добычу... или главный злодей, преследовавший героя, вроде бы сначала потерял его из виду, когда тот лихо спрятался от него, например, под мост. И тут мы, конечно же, вспомним несколько произведений, чей сюжет всплывает в наших сознаниях, как кино в нашем зомбоящике. Да, стандартные ходы, которые повторяются из раза в раз в потому-то знакомых и полюбившихся зрителю кунштштках.

Да, сначала вроде бы потерял, и мы даже успокоились, что злодей, если пока и не повержен, то по крайней мере хотя бы обманут на четыре кулака, а герой, как Гитлер с хвостом, сидит себе спокойно и в ус не дует... потому что бреет, дурик... Да нет, не в этот раз, в этот раз - потому что боится даже вздохнуть раз и не лишний, а вообще хоть раз, не то что кашлянуть или, не дай боже, чихнуть... каггыцца, ни дыхнуть, ни п... да уж, пердон муа.

Тихо, опять же на удивление, но очень явно, как гром среди ясного неба, зазвучало какое-то клокотание, переходящее в рык, потом в очень тихий, но рёв, при всей своей аккуратности и деликатности ужасающий своей тотальностью:

- Кто не выключил связь?

... Все в шоке. Прошёл миг, а ощущалось, будто пролетели годы.

- Я спрашиваю, кто не выключил связь?!!!

... Все окружавшие притихли, присмирели и будто вжались изнутри, да-да, в свои такие же белые, как теперь и их лица, халаты. Да, это был Гавр!

- Гавр, что случилось? - спокойно, как ни в чём не бывало, спросил брата Михаил, не отвлекаясь при этом от операции, скользя своим скальпелем так же уверенно, как и до этого. А что - конечно, это ж Старший Брат - что его может смутить? Только Главврач ему указ.

Опять пролетел век, как рекламный ролик, и исторические параллели попавшей в петлю времени цивилизации успели сменить декорации, когда за кадром прошёл не один съёмочный день, и в павильоне уже успело пройти какое-то очередное ток-шоу... А для зрителя всё, как обычно - "ну, вот опять, на самом интересном месте!"

Век замкнулся, век разомкнулся... Но глаз божий всё видит, и кто-то тоже теперь это понимает... Кто-то слышит глас божий, а кто-то уже и видит глаз... Ом-м-м... мантра! Божьим светом озарена операционная, и снова, будто из прошлой серии, звучит ретроспективной глас старшего смены - врача с необычным теперь, но вполне нормальным для времён, например, того же старика Державина именем. Гаврила был примерным архихирургом, - Гаврила во время операций связью не пользовался!... В отличие от некоторых, которых, похоже, и пришёл час уличить в этом клатвопреступлении.

- Я слышу вибрации!

Никто кроме него пока ещё ничего не слышал, но это же Гавр! Это же его тонкий музыкальный слух! - Он же трубач по первой специальности - музыкалка, высшее музучилище, консерва - всё, как надо, его туда ещё отец привёл, в своё время преподававший там. Да, в своё время, ибо когда-то то время прошло, небесный пастух увёл облака - отец перешёл на другую должность, и сыну пришлось пробиваться уже самому. Но он справился - талантливый, способный, да и характер в отца - продует свою линию, как надо! Его хотели в президентский оркестр взять на соло, но Гавр решил забить в трубу на это - не его формат, тем более что параллельно начал увлекаться медициной и решил получить второе образование. В итоге он теперь работает в клинике, в том числе на

хирургии глаза и уха, а музыка осталась как хобби - иногда он трубит в уличных оркестрах, и так по привычке мастерски, что на соседних улицах стёкла дребезжат, а стены этой так трясутся, что вот-вот рухнут, да в кабаках, где нужно реально стараться, чтобы перетрубить кричащую и вопящую, опьяневшую от возлияний и прочих излишеств нехороших публику, чтобы они наконец очнулись и услышали музыку, которую он им играет, и кажется им тогда, что эта музыка доносится с небес, будто это работают двигатели спустившихся с других планет космических аппаратов, и боги наконец вновь вернулись к своим... кому - рабам, кому - детям,... или так в предогражденном экстазе дрожит Земля с жаркими столами трущихся друг о друга тектонических плит, любящих друг друга так страстно, что от этих фрикций колыхавшаяся в такт их движениям упругая плоть континентов ходит ходуном из стороны в сторону вместе с нарастающим гулом, утробным звериным рыком и уже уносящимся в небо рёвом эякулирующих вулканов...

- У кого-то телефон звонит! - загудел Гавр. - Ну, не звонит ещё ни по ком, пока только вибрирует, но вот-вот зазвонит, и ташемта наш пациент кое-из-за-кого вообще-то как бы проснётся прямо посреди операции, например!!! - непривычно по-издевательски, но по привычной и по нарастающей с каждым следующим словом почти божьим ужасающей грозности изрёк, проясняя раскатами грома сами небеса, Гавр. - А вы, братья, понимаете, чем это может обернуться!!! - уже очевидно предостерёг он сослуживцев.

- Это не телефон... - смущённым голосом начал кто-то, - то есть, я хотел сказать, это не звонок! - Это будильник! - Напоминалка! - Мне на вторую смену просто пора! Это я поставил, чтоб не забыть! - начал оправдываться дежурный молодой врач. Вроде и не виноват, потому что все понимают, что у всех помимо основной работы здесь, в клинике, есть ещё и подработка на стороне - иначе нынче никак - кризис! Но в то же время это нарушение режима!

Пи-и-ик, пи-и-ик, пи-и-ик!!! - раздалось где-то будто в параллельном пространстве... или, может, это у зрителя что-то сработало...

- О-па! Телефончик?!... Нет, "пейджер"! - прервал короткое, как субполярная ночь, молчание один из средних братьев, - да-а, мне вот кстати маячок пришёл!

- Что там?

- Да Рафик приехал!

- А Рафик на рафике приехал? - переспросил его другой, и что-то изменилось в окружающем пространстве.

- А на фиг Рафик на рафике приехал? - переспросили ещё. И тут же продолжили - на фиг, на фиг такой график, когда Рафик на рафике приезжает! - и теперь уже настроение у всех совсем поплыло вверх краями ртов вместе с улыбками, прибаутками, шуточками...

- Охо-хой, ну вы прямо как дети, как обкурившиеся индейцы, ребята! - с наигранной суровостью старшего брата воскликнул расплывающийся постепенно в довольной улыбке Михаил. - Хорошо, сработали на славу! Теперь так же оперативно собираемся!

- Новый вызов! - пояснил он тут же дежурному практиканту. - Надо очередного гиганта мысли спасать - может, наконец, этот отец русской демократии попадётся! - опять удивительно непривычно, но при этом так естественно радостно схохмил Старший.

- А Рафик... это кто... или что? - осторожно задал Дежурный очередной уточняющий вопрос.

- Ха-ха-хааа!!!! - дружно засмеялись в палате, - кто это?! Кто-о-о э-этот че-ло-ве-ек?! Что это?!!! Исцеляющий Боже, ну, ты выдал!!! - по очереди сыпали репликами раздухарившиеся после окончания серьёзного дела братья.

- Рафик, - уже нежно и тепло, как целительный и убаюкивающий огонь родного очага, отвечал за брата Михаил, - это наша "Скорая помощь", медбрат, который по вызовам работает и, собственно, первым всех исцеляет. Ну, по возможности, конечно. А рафик - это его экипаж, транспортное средство, как мы говорим - "Тэ-эС"... Быстрый, как Ветер! Светлая голова! Многих успел спасти! Мы-то тут ковыряемся в четырёх стенах, а он летает по городу - ловит вашего брата-эманента, если так, конечно, допустимо выразиться, на грани порой частичного, а то и окончательного резкого приземления... Да уж, такая вот нелёгкая работа - из болота тащить... Да-да, разных монстров вытаскиваем порой друг из друга, - не только йогов-фантазёров Мюнхгаузенов, Святых Эдуардов-Мельников - вращателей жерновов и колёс своей судьбы, - да маленьких Муков-калифов-на-полночный-час и романтических Рыцарей Золотой Зари... Ладно, много разговоров! А ты давай уже буди своего подшефного, ххе, "пациента", ох уж мне эти просыпающиеся после таких своих лёгких нелёгких дел... Да, всё хорошо - операция прошла успешно! Вновь вживлённая облачно-пёстрая ткань прижилась, как своя - и это теперь уже не имплант, а его собственная часть, кусок его же растущего органа, который просто пересажен в более благодатную ему почву и

активирован... Ну, да что я тебе рассказываю - ты способный - сам разберёшься - я тебя назначаю и далее его Шефом... или Мастером... ладно, называй себя как хочешь - хоть его Ангелом-Хранителем, только свои...

...Роли исполняли...

И пошли титры...

В современных фильмах время экономят и стараются прогнать титры как можно быстрее и таким мелким шрифтом, что не успеваешь и за всю одну свою такую простую человеческую жизнь осознать, что же "там" (да, "теперь" уже "тогда" и "там") случилось-произошло с твоей душой, пока ты просто смотрел это кино... или, если тебе уже надоело быть простым причастным, но безучастным зрителем, немного поучаствовать в сюжете и, может быть, даже повлиять на результаты проведения выборов исхода целого цикла операций на каком-то очередном пациенте... в режиме он-лайн - результат фильма порой зависит от голосования зрителей с активной жизненной позицией - с хорошенько задранный планкой восприятия мира... История о создании фильма "Берегись автомобиля". Как уж там решит судьбу нашего героя наш же общий самый гуманный Страшный Суд в мире...

Но, несмотря на скорость и мелкость титров, мы-то с вами, конечно, знаем, кто в этом сериале сыграл какую роль, правда ведь?

Кстати, вы ж, само собой, поняли, что это была не последняя серия! Так что ждём следующего ближайшего сеанса и новой серии - "встреча под вечер"! Каждый может принять участие в просмотре... и перепросмотре ;)

Everybody can. /Sunset Superman

13,14/10, 29/11/2016, 03/03/2017

Цементовоз

... а что будет, если барабан будет вращаться с большей скоростью, чем нужно для обычного сохранения раствора в полагающемся ему - густом, но всё-таки - жидком состоянии?...

По дороге едет обычный, почти неприметный в потоке всех остальных машин, представитель строительной техники - цементовоз. Вообще-то правильной назвать его - автобетоновоз, автобетоносмеситель или, попросту, миксер. А то и вовсе мешалкой называют. Хамы, может, и не хамы, но, правда, тоже не сильно приятно, когда тебя мешалкой...

Везёт он на себе барабан с цементным раствором. Или "В" себе - тут же всё относительно. Как посмотришь! Так сказать, какая точка зрения.

Цемент - это волшебный порошок - сухой сыпучий продукт, а бетон - в своём обычном состоянии - твёрдый, как камень. Чтобы затворить гремучую смесь для святого дела строительства чего-то нового и важного, цемент заливают водой и замешивают это тесто с песком и другими заполнителями. Делают это на адской кухне бетонных заводов, а вот цементный раствор нужен на строительной площадке - там, где возводится ... ну, скажем весомо, но не грубо, а с пафосом, и зримо - храм. Да, назовём его так - храм! - Храм культуры, искусств, наук, зодчества, Славы, Веры, Надежды, Любви, Софии, Мельпомены, Афины, Зевса, а то и просто Храм. Для некоторых и одного Слова достаточно. Ибо слово было... Да. И так тоже когда-то было. Но вот "зримо" - это если уже много построено, а то по первости можно и не заметить, что что-то уже, оказывается, готово... А на стройплощадку надо заходить осторожно - в каске и прочем защитном обмундировании, а то что-то вновь построенное, но незакреплённое, может и очень аккуратно и в тоже время неаккуратно - экий парадокс! - расстроиться прямо на вас. Поэтому на стройке работают только суровые и бесстрашные ребята. Смелые, простые, но понимающие, что да как надо. И не надо советовать им, что куда класть или что на что положить - они сами вам всё могут доходчиво объяснить - тоже кстати, в одном-двух словах, но таких, что сразу понятно становится! И теперь уже - значительно больше, чем раньше. А им имеет право указывать только их начальник - прораб. Так-то. Мастер! Наших-Скорбных. Что, фамилия такая у него! - Да-да, между прочим на стройке ещё и не такие смешные фамилии встречаются!

Замешивают раствор на заводе - дают ему этакий завод, но

замешанный цементный раствор имеет очень нехорошее свойство со временем сворачиваться, как кровь в тромбы, и густеть раньше срока, а чтобы ребятам со стройки завезли цементный раствор в надлежащем состоянии - в жидком виде, а не камнем, - жизненно необходимо периодически помешивать раствор, пока его везут, чтобы он не успел загустеть и застыть памятником самому себе. Вот поэтому и придумали использовать автобетоносмесители, которые и доставляют раствор, и параллельно мешают его по дороге, поддерживая его себе в тонусе.

Да, едет цементовоз себе по дороге почти неприметный - неприметный, потому что все остальные машины - тоже в некотором смысле цементовозы. Только везут они не цемент, а, наверное, что-то другое... Ну, да кто что и кого везёт... А кто-то, может, кому-то и не везёт, а несёт... Или всё-таки цемент это? - Потому что происходит с ними со всеми что-то очень похожее, как будто все они тоже цементовозы. Так вот, значит, едет он себе по дороге, серенький - неприметный такой... Бывают, правда, и разноцветные такие цементовозы - у кого ромашки на барабане, у кого - лютики, у кого-то вообще попугай или медвежонок... Да-да, я сам таких видел - и вы увидите - ищите их на улицах нашего Города таких - они иногда встречаются!... Так-то обычно какой-то более строгий рисунок - в полоску, клеточку, чаще - однотонные. А нынче ещё модно розовых тонов! Да, считается, что так красиво, стильно. Ну, что ж - на вкус и цвет цементные растворы разные.

Что-то туго как-то... прижало - не вздохнуть... заездился - надо хоть приостановиться - передохнуть, перекурить или свежим воздухом подышать... Отлить, что ли, в кювет...

...

Ф-ф-фу-ух-х, ну, вроде полегчало! Хорошо-о-о!... Ох, да что ж я! - Меня же ждут! Сейчас извонятся!... Надо быстрее ехать!...

Куда же я так спешу-то всё? - Что ж мне всё неймётся-то? - И, по ходу, опять прихватило! - Гул какой-то низкий... Выйти, что ли, проверить?... Да ну, что может случиться? - Ладно, сейчас перекурю да отпустит...

Что ж такое? Тарахтит уже совсем - уже не низкий гул, а биение!... Это движок?... Так, всё, алё! - да! Да еду, еду я! - Тут что-то... Да не ори ты

на меня! Еду сейчас, скоро буду! Что ж такое?! Ну-ка, ... ну-ка... О-о-ох... А что тут не возвращается-то почти уже ничего... Та-а-ак... Куда ж я теперь с таким поеду? И поеду ли уже? Похоже, что что-то сломалось...

Ало, нашайнике!

Нашайнике!

Бетона-ма!... Та-а!

Бетона-ма... нэ-эт!...

Са-асем... нэ-эт!

Есть, но... нэ-эт!...

Нашайнике, зашэм-ана крыщишь? - Я слышу! Но... бетона-ма са-асем нэ-эт!

Заглох! Забилса-сем! - Барабана-ма ни рацаица, - барабана-ма писец! - Сымент-ама устой, утрома тарвался! Сычас са-асем устой! Камин-ама, лажить, пилита, сы-мент, пилят-а! Хрен у матори?! Писец польный!!! Нашайнике, што делать?!! Нашайнике!!! Штооо???!!!

Цемент застыл в барабане. Почему-то перестал работать механизм.

Где-то не доглядел. Где-то не проверил. Где-то упустил. Где-то перестарался. Где-то не учёл свои особенности. Где-то не перестраховался. Где-то не подзаправился, не подкачался.

Теперь практически нет смысла ехать на площадку. Можно заехать, попробовать разобрать барабан, вытащить камень затвердевшего раствора, отправить его на переработку - рецикл. Можно ещё использовать - смысл, конечно, есть. И от него тоже будет польза.

Но вот этот рейс уже закончен. Надо будет ехать за новой партией.

Но некоторые не едут за новой партией.

Некоторые просто не парятся. Некоторые настолько привыкли ехать, что им не важно уже ничего. Они ничего не видят кроме своего руля. Не важно, кто перед тобой едет, кто после тебя, кто рядом с тобой в потоке и навстречу - прут так, как привыкли. Они забывают, что барабан уже не возвращается, а на площадку они привезут камень. Как будто они уже и слили свой раствор, и он уже затвердел. Каменные. Непрошибаемые. Барабан постепенно глохнет, живительный для объекта строительный раствор застыл раньше времени.

Надо следить за состоянием бетонной смеси в своём барабане, чтобы не застыла камнем.

И все это понимают. В принципе. В целом. В общем. Как-то так. Каждый понимает по-своему. В меру своей идеологической, политической, медицинской, физической и прочих видов подготовки.

Некоторые следят, периодически делая передышки для двигателя, но так чтобы барабан продолжал вращаться; кто-то наоборот, старается побыстрее ехать, чтобы подгонять вращение, кто-то меняет режим езды, едет по специально отведённым для этого дорогам, на которых нет ухабов и рытвин, где едешь себе спокойно, размеренно, в своём удобном темпе, как будто и стоишь на месте, а движение производишь - и барабан крутится, вращает раствор, и тот поддерживается в тонусе.

Кто-то меняет режимы езды периодически - выбирает новые маршруты, а кто-то исследует карты и изучает матчасть и возможности, чтобы применить их на своём пути.

Свернуть рычаг управления барабаном... Вращайте баран, - будто сказал ведущий. И барабан начал крутиться с большей скоростью. Ничего особенного... пока что... просто обороты повыше, не такой низкий гул, как будто полегче, но ощущения странные... Как будто что-то неожиданно случилось, но при этом сам не успел заметить, как и что конкретно. Но кажется... теперь? - что... ну, во-первых, теперь стало понятно, что это цементовоз! А раньше?... А раньше не думалось, что ли, об этом... "Кручу-кручу-кручу, педали кручу..." Как же я раньше не понимал, шо це ментовоз?... Почему я раньше не думал об этом? А, может, всё-таки думал? Но как-то раньше это было как-то... не глубоко, что ли... "Глубоко копает!" - А насколько глубоко надо-то? Да и тут же наоборот нужно не глубоко, а как можно выше залить бетона... Да, надо ехать, надо везти, а то с разговорами пустыми... А заметил, что гул опять стал, как и прежде. Заметил? Коробка барахлит! - В ремонт её, тудыть?... А, может, это коробка автомат? - Она сама переключается в зависимости от скорости езды!... Да что я?! - Я не механик, я водила! - Я не разбираюсь во всех этих тонкостях!... Хотя, может, действительно съездить к мужикам на базу, загнать его в бокс да попросить разобраться вместе, что там за устройство?... А с другой стороны, мне-то какая разница? - Я наёмный водила, а не собственник! - Как ездит, так и ездит пускай!... А гул сильнее по ушам давит. Что-то у меня со слухом стало! - Раньше такого не было - слушал себе на полную путевое радио, подпевал, и гул не мешал, а

теперь... Так-то... А как же так? Может, я хочу теперь не радио послушать? Или радио, но не всякое, а конкретное - говорят, есть хорошая частота... да где же она?... Как будто что-то поймал - помех стало меньше... А, так это гул барабана как будто затих! Ан-нет, не затих, я его слышу! Слышу! - Это же музыка! Я слышу, как он вращается, - я чувствую каждый его новый проворот! - Да, каждый проворот как будто отдаётся во мне! - Я понимаю, что вот сейчас люк проходит в верхней точке, и ромашка, соответственно, как раз посередине корпуса... Да что там - я каждый сектор теперь понимаю - это же сложный механизм - там же шестерёнки, редуктор целый многоступенчатый, и я теперь понимаю, что он не в идеальном состоянии - и что каждый мелкий элемент, каждый звук, из которого складывается шум гудения, - это какая-то микрополомка, заусеница, плохо проваренный и не проверенный - не просвеченный - шов! - Вот тут скол на шестерне! - Да, даже такая деталь как шестерня может не выдержать, если работать в неправильном режиме... А вот сейчас, вот сейчас - будет сварной шов барабана!... Вот же он! - Странно, я же раньше и не обращал внимание, какие тонкости, оказывается, можно услышать во вращении собственного барабана!... Ну, вы меня понимаете, я, конечно, имею ввиду барабан цементовоза...

Хотя я теперь в кои-то веки чувствую его своим! Может, это и не моя собственность: придёт время - закончится рейс - и я выйду из кабины и оставлю его на площадке парка... А в следующий раз мне скорее всего выдадут другой миксер... Как я эту смену отработаю, какой показатель будет, такой и результат будет - такой мне в следующий рейс и другой АБС дадут... Хотя что значит - "какой показатель?" - в нашем-то деле! - Смогу ли я привезти максимум смеси, что не успеет свернуться? Ох, не знаю, не знаю - чем дальше еду, тем, как будто, меньше уверенности, что я управляю и умею управлять этим цементовозом! Не то чтобы это он мной управляет... но и просто взять и слезть с него я не хочу! - Что это за дело тогда такое? - Мне доверили, а я - брось такую машину?... Хотя кто мне её доверил? - Я так долго, кажется, еду, что уже и забыл то сладкое, наверное, было, время, когда я получал дорожную карту... Да, интересно поразмышлять, повспоминать, но, пожалуй, всё-таки стоит ускориться, а не замедляться, будто уходя в прошлое!

И я ещё немного ускорюсь - хочу послушать, как вращается барабан на высоких оборотах! - Это же так интересно! Для меня уже не так важна и интересна стала дорога от завода к объекту - она же каждый раз одинаковая: загрузка, ворота завода, улицы, набережные, улицы, просёлочные, улицы, ворота стройплощадки! Да, конечно, и улицы другие, и поехать можно каждый раз другим маршрутом! А что, - это идея!

В следующий раз... Стоп! А в прошлый раз я как ехал?... А разве...? Я помню, как ехал в прошлый раз?... Кажется, что это был сон - когда я тогда... но я же приехал на объект?... Наверное... раз я работаю здесь... где?... Какая фирма? Что за компания? Какой объект??? - Я грузовой - меня может остановить любая инспекция! И что я им скажу?... Куда я хоть еду?...

А то - "надо поехать другим маршрутом", "надо попробовать разогнаться"... тоже мне! - Гонщик Спиди... Мало таких под-спиди гонщиков по кюветам валяется да чугунные решётки набережных попроламывали!... Но гул меняется! И я продолжаю это слышать! Как же это здорово!... А ведь я могу и не пробовать специально куда-то сворачивать, когда я и так могу ехать любым понравившимся мне маршрутом, и при этом продолжать слушать эту странную, необычную, необыкновенную музыку барабана! Да, такая вот новая истина: барабан - это не только инструмент для задания ритма, это ещё и мелодический музыкальный инструмент!

Однако какие открытия я совершаю на ходу... или по дороге... пока еду!

Интересно, а о чём думают другие водители?... - Приоткрыть окно... и, не врубая на полную собственную радиосистему - я и так хорошо слышу свою станцию, прислушаться и у слышать, что ловят в других машинах в потоке!...

Но как же? - Может, стоит поделиться этой музыкой с другими?! - Может, стоит иногда врубить радио погромче и поделиться? Какая разная музыка доносится из разных окон! И не скажу, что она мне нравится. Возможно, моя музыка тоже не сильно понравится другим...

А что будет, если я поеду быстрее - музыка будет догонять меня? - Скорее, буду ли я так же внимательно слушать эту музыку?... Барабан вращается всё быстрее! - Как будто там... может, цемент куда-то делся? - Часть его, может, вылилась по дороге? Быть может, я что-то расплескал и испортил этим дорогу! - Раствор застынет, и на асфальте появятся новые кочки от свежих плюшек... Хотя... если приглядеться, можно наоборот постараться расплескать раствор по дороге так аккуратно, чтобы специально попадать в рытвины и выбоины в асфальте! И наоборот, теперь дорога будет только ровнее после меня... После меня проедет каток и выровняет всё...

Странная частота вращения барабана вывела меня на мысли о катке... Почему я о нём думаю? Я вижу его в зеркало заднего вида? Он догоняет меня? - Нет! Я просто помню, что он едет где-то за мной, и рано или поздно он догонит меня... Наверное, когда я заторможу перед

въездом на площадку... А зачем я еду на площадку? Почему я решил, что я еду именно туда? - Может быть, я просто ежду по городу, разбрызгиваю раствор по ямам... пока его не израсходую?... Может, весь город - это мой объект! Может, мне нужно не на один объект ехать, а именно колесить по городу? Может, это здание, мимо которого я только что проехал, - это был один из моих объектов? Заехал ли я к ним? Нужен ли им был раствор?...

Ах, я так легко теперь еду, будто у меня не цемент в барабане, а что-то значительно более лёгкое - какая-то более лёгкая субстанция... Вращается барабан всё быстрее... Я как будто... лечу? - Барабан вращается с такой скоростью, что архимедов винт будто поднимает меня в воздух! А я всё еду и еду... будто лечу и лечу...

Кап - последняя капля раствора упала в захватку, обрамлённую траурной рамкой опалубки, как коровья лепёшка. Как нелепо. Плюх... упало в сердцевину. И всё остановилось. Только разровняли по уровню отлитое, и, как на экране осциллографа, который теперь не видит больше помех - ни единого бугорка.

Ну, вот, - облегчённо можно воскликнуть, - и это дело окончено. Этот рейс подошёл к концу. Убрали подающий лоток, миксер завёл мотор, развернулся, дал газу и поехал за новой порцией живительного раствора.

Он уехал, но обещал вернуться. Милый автобетоносмеситель с моторчиком и ромашкой на барабане. Пока не построят этот "храм", он будет продолжать приезжать каждый раз с новой порцией цементного раствора. Быть может, в следующий раз это будет миксер с бременскими самогонщиками или мешалка с водяным. Но он обязательно вернётся. Только другим. Правда-правда. Вот те крест! Совсем другим...

Стройка века продолжается!

22, 25, 27, 28/06/2018

"их счастье" - вообще здорово! Мне такая игра нравится! Эй, эм-м-м... как бы вас правильно назвать-то... даже слов пока не подберу... "Смотри-смотри, хи-хи-и, крошка наша что-то лопочет!!!" "Ага, крошка-окрошка! Что, квасцами ещё тебя не облил?! Дитята наше звёздное эры Водолея! Прекрасное!" "Да, весь в тебя!" "Бе-бе-бе! Весь из тебя!" "Пхах! Ну, не весь! Частичка твоя в нём тоже есть!" "Оно-то, конечно, - частичка Бога в каждом!" "Есть основания полагать, что ещё одна частичка твоя до сих пор во мне, и отдам я её ещё не скоро!" "Вот это поворот!" "А ты как хотел?" "Больше счастья, ещё больше счастья! Счастье можно измерить не только качественное, но и количественно!" Эй, да что всё об одном! Меня послушайте!!! У меня вам столько есть всего рассказать!!! - Я чего-то не понимаю - они меня не слышат или не понимают? "Какой у нас разговорчивый малыш!" "Да, язык подвешен, как у папочки!" "Похоже, он меня уже обгоняет! Наше солнце, похоже, может безостановочно делиться - ядерные реакции выделения частот и волн разных диапазонов!" "Вот, правильно! Повтирай ребёнку!" "Нет, ну, а как ещё? - Надо его готовить к жизни в нашем мире! Здесь всё серьёзно!" Оу, божечки, что вы несёте? - Положите меня на место! Что-то я с вами уже подустал - спать охота - не привык я ещё к вам! "Смотри, солнце глазки закрыло - ночь настала! Пора отдыхать!" "О чём он там себе думает, какие сны видит? Что он думает о нас, что бы сказал, если бы умел разговаривать?" "Ага, а то лопочет что-то, а мы не понимаем! Надо как-то учиться ангельскому его языку, чтобы уже сейчас понимать, что он нам хочет донести из того мира, откуда пришёл - пока ещё не забылось, не выветрилось, пока он ещё не опьянён этим миром!" Эх, хорошие попались... или я им попался - да, сложно сказать - особенно когда зеваешь и очень хочется обратно в эмпирию... Зацепился, конечно, сильно, но всё равно уносит, и расплываются периодически образы этих... существ? ... Может, правильней их назвать богами? Или хотя бы Силами? - Они же меня зацепили, поймали, раз я теперь всё равно периодически к ним возвращаюсь... Мне с ними хорошо, приятно... сложно сказать, как ещё - это какая-то гамма - много всего ощущаю... разного. Что-то порой тяжёлое, такое сложное... "Что с ним? Посмотри, пожалуйста! Я волнуюсь!" "Не волнуйся, душа моя, не надо, а то он от тебя тоже на этот раз-лад настроится!" "Но он же плачет! Правда, во сне!" "Да, странно... мне кажется, это он думает о чём-то тяжёлом... Может, не надо было ему кое-чего говорить... Но я же только намекнул" "Ты так намекаешь, что иногда лучше бы прямо сказал!" "А если прямо скажешь, то часто не действует, а вот если намекнёшь, то потом до человека доходит и так запечатлевается, что уже, понимаешь, понимает, как надо!" "Это да... А

до этого он улыбался!" "Да-а-а, и я его понимаю! И даже немного ему завидую!" "Э-эй, почему?" "Ты его обнимаешь!" "Тебя я всегда обнимаю!" "Я чувствую! Я теперь всегда ощущаю какой-то одновременно и подъём, и в то же время какую-то очень мощную защиту! Мой мир стал значительно мягче!" "Это твои внутренние изменения! - Я тут не при чём!" "Ещё как при чём! Ты причина и следствие, результат моих внутренних изменений и..." "...новый этап твоего личностного роста!!! А-ха-ха-ха-а!" "Духовного и душевного!" "Ты у меня такой скромняга!" "Я не скромный, я хвастливый! У меня такое счастье есть!" "Помоги одному своему счастью уложить другое счастье! Смотри, счастье опять улыбается!" "Услышал тебя спросонок! Я заметил, что наш ребяёнок действительно очень сильно реагирует на наше состояние! Тебя он вообще так чувствует, как будто всё, что происходит в тебе, происходит в нём, с ним, у него! И когда ты его баюкаешь, он снова улыбается!" "Конечно, когда ты меня баюкал, я тоже улыбалась! Спой нам, Светик! Мы твои фанаты!" "Засыпай, на руках у меня засыпа-а-а-ай..." "...смотри, наш Царь заслушался - Царь и Великий Князь заслушался трубадура!" "Трубадурочка ты моя ненаглядная! Смотри, - "и настороженно заснул!" "Да, что-то серьёзное и очень глубокое можно услышать даже в простых песнях!" "Ага, надо правильно "прислушиваться" и находить правильные и нужные в данный момент смыслы!" "Опять улыбается! - Услышал что-то мотивирующее! У него самый лучший персональный тренер!" "...растёт!" "Так, ты опять всё перевернул!" "Кручу-верчу..." "Ой, засмеялся спросонок! Задумался, надулся, но вот опять засмеялся!" "Правильно, над одним смыслом посмеялся, нашёл второй - взвесил, подумал, опечалился тем, что понял, но потом подумал ещё раз и одумался!" "Ох, какое это счастье!" И о чём это они, интересно знать?! Как думаешь?... О, и ведь это опять ты! Я уж думал...

- Ты, когда "упал", вернее - когда полетел, уже так был, похоже, занят вопросом правильного заземления, что, видать, не расслышал, как я тебе сказал, что буду сопровождать тебя на твоём пути! Буду лететь рядом и подсказывать тебе дорогу. Ну, и, конечно, если ты будешь падать, буду подхватывать тебя и нести на своих руках... Да ты помнишь...

- А я сам не справлюсь?

- А сам - это как?

- Ну, сам... без тебя!...

- Без тебя, без тебя...

- Всё ненужным стало сразу... Да, уж... Ну, жил бы я и жил... а кому это надо? Мне? Да мне и в раю было норм. Зачем ты меня сюда позвал? Или сослал?! Или скинул с насиженной ветки или из гнезда... Вот так и

скажи - тебе было интересно узнать, как это - "ТУТ", а ты сам, что, это не можешь ощутить, только через меня, так, что ли?

- Похоже. Я... понимаешь, я не могу "сесть". Кто ж меня посадит? Я, если ты способен правильно понять, "беспокойный" дух.

- А-а-а, вот оно чё, Михалыч!

- Так, об отце либо хорошее, либо ничего...

- Кроме правды! Итак. Серафим Михайлович? Или как тебя нынче зовут? Ты, получается, не можешь "приземлиться" нормально... то есть, по-человечески?

- Да, я могу только тебя делегировать на эту роль! И, пожалуй, скажу вот так: "ЗАТО я могу тебя делегировать!"

- Вот спасибо, хорошо! А я просил?

"Тише-тише, осторожно, не спугни! - Смотри, солнце сам с собой, похоже, играет!" "Левая рука, как бы изначально не знающая, что делает правая, рассказывает правой, для чего они созданы? - Как мы с тобой? Так и дальше в жизни, только играть он будет уже с другими такими же..."

О-па, родители меня спалили... Хм... ну, и как им теперь объяснить, что я с тобой разговаривал?... Скажу, что прилетал... этот... как его... я же когда-то читал про него... Вишну? Вышень... Нет, не "этот", хотя тоже Свыше... Может, Кришна-Крышень? О! Похоже, он! - Хм, это он на крыше, что ли, получается, живёт?... А, и ладушки-оладушки! Да, так и скажу - есть такая партия - партия обитающих на крыше созданий... или сознаний - в самом расцвете их неземных сил... А этот мой!!! Так вот и прилетел тут волшебник в голубом вертолёте и бесплатно кино показал... В голубом?... Ах, эти тучи в голубом... на щите Рассветного Рыцаря... Нет, "кино" - это, наверное, всё-таки синий? Хотя, если бы всё, как на "самом деле", то есть, как в действительности, то это и был бы самый настоящий кардинально синий. А тут, да, получается, какой-то голубой! Да-бу-ди, да-бу-да... Да-БУД-да... Вишну...дда... Да-а, что-то такое,... по крайней мере, созвучно было!... А, может, вы меня всё-таки понимаете? Может, мне не нужно ничего вам объяснять? Может, вы всё сами знаете? Ох, так и живём всю жизнь, ищем взаимопонимания на разных уровнях бытия... "Похоже, он нам о смысле жизни что-то рассказывает" "Андрей, думаешь так? Почему?" "У нашего потомка сейчас вид проповедника, будто теперь уже он нам втирает!" "Пхах, капец, кот, ну, ты реально, что ли, прикалываешься?"

29/07/2019

Изабелла Блейз

Последний взмах крыльев

*Иногда хватает мгновения
чтобы забыть жизнь, а
иногда не хватает жизни
чтобы забыть мгновение...*

9 июля... Когда-то мы были счастливы этой дате, этому вечеру, ведь именно в эту греховную ночь мы были венчаны с тобой безмолвной луной...

В тот вечер я была такая пугливая, наивная девчонка, которая очень хотела понравиться тебе... И что же я нашла в тебе? Что привлекло? Почему с тех пор не вижу без тебя жизни? Всю ночь я провела в мучительном ожидании нашей встречи... Еле дождавшись беспокойного рассвета, в пятом часу утра я вышла на кухню заварить свой любимый зеленый чай. Увидев тебя сквозь окно во дворе, в машине, у меня остановилось сердце. Ты был такой милый, только спросонья. А этот твой обжигающий взгляд... Он до сих пор у меня перед глазами... Я надела тогда свои лучшие туфли на высокой шпильке и облегающие джинсы с модной футболкой, чтобы ты мог оценить мою фигуру, и мы поехали к маме в больницу. По дороге ты шутил, а я смеялась... Ты гонял, а я держалась крепче... Потом ты предложил вместе подвезти твоего друга на автостанцию, и я охотно согласилась, потому что разделяла твое нежелание расставаться... После, мы заехали в центр «ФМ», и ты угостил меня вкусным кофе; а по пути я на листочке написала тебе номер своего телефона и положила в бардачок. Когда подвез меня до дома, ты не хотел меня отпускать и предложил прогуляться. Стояла пасмурная прохлада, и тогда ты накинул на меня свою куртку, чтобы уберечь меня от ветра... Вечером я все же дождалась твоего звонка, ты позвонил... Какой же я была счастливой, услышав твой голос...

С тех пор мы не расставались ни на день... Утром ты будил меня телефонным звонком, и говорил: «Собирайся, буду через пятнадцать минут» ... Я подрывалась с постели, приводила себя в порядок, делала прическу, часто это были просто распущенные волосы, макияж, даже иногда забывала поесть, потому что знала, что ты обязательно меня покормишь по пути. Ты приезжал, я садилась в машину, и после мы обговаривали наш маршрут: Горы, Море, Пещеры, Обрывы - где мы только не были..., а ровно к девяти вечера ты привозил меня домой...

Зная мою страсть к экстриму, ты всегда отправлял меня в новые и новые приключения. Помнишь прогулку к Неаполю Скифскому, как мы, бредя улочками старого города, добирались до вершины? Я в выпускном платье в пол, на каблуках и ты в костюме. Тогда меня не останавливало ничего: ни разбитая дорога, ни летняя духота, ни палящее солнце, которое периодически ослепляло глаза, ни дальнее расстояние. Все это казалось таким незначительным рядом с тобой. Я вовсе не испытывала усталость и смело шла, держа тебя крепко за руку. А когда мы поднялись, вид был действительно прекрасен. Это отличное место для уединения души. Невероятно спокойное место. Я присела на траву, и тогда ты сделал несколько фоток, а после присел рядом и включил музыку... Ты рассказал много интересных историй из своей жизни, разные анекдоты. Мы смотрели на небо и мечтали о том, какими будем счастливыми, мечтали о красивой свадьбе, как я буду провожать тебя на работу и встречать с вкусным ужином. Мы смеялись над тем, какой я буду капризной во время беременности, а ты будешь стараться во всем угодить мне и оправдывать каждое мое действие. Мы даже тогда выбрали имя нашему ребенку, помню, ты хотел девочку... Мы, словесно, просмотрели всю нашу семейную жизнь, как киноленту и не заметили, как быстро пролетело время и нас озарил чудный закат... Появление комаров прервало нашу идиллию, и мы начали собираться, к тому же чувствовалась прохлада. Спускаясь в темноте тяжело было разобрать дорогу, и ты поднял меня на руки, чтобы пронести над «руинами» старого городка. Я оценила твой жест, в глубине души мне было приятно. Проходя мимо универа, я почувствовала невыносимую боль, и стоя перед светофором в ожидании зеленого света, все же решилась снять туфли. Я конечно была сильно удивлена, когда ты снял свою обувь за компанию и мы босыми ногами пробежали через дорогу. Со стороны для окружающих это сценка выглядела весьма уморительно, но на тот момент меня это совсем не волновало.

«Я тебя люблю» — фраза, которую хочет услышать каждый человек. Эта фраза возбуждает и будоражит не только прекрасный нежный пол, но также и мужественный сильный. Каждый, наверное, хотя бы раз в жизни задавал себе вопрос, как и где он признается в своих чувствах своему любимому человечку. То ли это будет загородный дом у озера, или душистое поле на природе, а может, уютное кафе или берег моря? 22 июля...

Рано утром ты приехал ко мне, помог заложить сумки в багажник, и мы отправились с тобой к морю, в тот день мне захотелось побывать на своем любимом пляже «Солнышко». Ты не знал дорогу, и мне пришлось

объяснять, как ехать. По пути мы, естественно немного заблудились, так как гид из меня никудышный. Мы проехали нужный поворот, но ты не растерялся и со второй попытки все же нашел нужный пляж.

Проезжая по песку, в поиске места машина не смогла ехать, и ты отправил меня самостоятельно найти место расположения, сказав, что как разберешься с машиной, найдешь меня. И вправду, людей было мало и тебе не составило труда долго искать меня, разгуливая по молчаливому пляжу. Через некоторое время ты пришел... Море было теплое, как парное молоко с голубыми девственными волнами, которые временами своевольно выбрасывали нас на песочный берег. К обеду температура значительно повысилась, и ты заботливо укрыл мои белоснежные плечи полотенцем.

Прогуливаясь вдоль песчаного берега, мы разговорились о наших отношениях и вдруг ты остановился, и глядя мне в глаза произнес эти нежные слова, которые вызвали у меня дрожь по телу. Это было похоже на шепот Ангела... В них было столько чистоты, верности, преданности, искренности. Еле сдержав слез, чтобы не заплакать, я была тронута до глубины души.

Когда у тебя началась работа, я мысленно торопила время в ожидании вечера, к тому времени я уже научилась узнавать звук твоей машины, когда ты подъезжал... Я вздрагивала, у меня ускорялось сердцебиение ...и этот телефонный звонок через пару секунд со словом «Выходи» ... Я выбегала к тебе, садилась в машину, и мы покоряли Крым... Ты показал мне самые красивые места, даже те, о которых я не знала прежде...

7 сентября...

...И с рассветом пришло безумие... Ты с ночного дежурства ранним утром сорвался ко мне, терзая себя мыслями, что между нами все кончено и ты потерял меня. Приехав ко мне, дома меня уже не оказалось и тебе сообщили, что я ушла на учебу. На телефонные звонки я настойчиво не отвечала и тогда ты написал мне смс, что заставило меня просто остановиться на месте. Не успев дойти до универа, ты перехватил меня и увез в «наше» место. По дороге я услышала целую лекцию о том, как ты любишь меня, а я такая ужасная, не дорожу нашими отношениями, раз позволяю себе флиртозно относиться к твоим чувствам. Но что я могла поделать, ведь такова моя натура — обнимая, я уже предвкушаю момент, когда выпущу когти.

Когда ты обернулся ко мне, остановив машину, твои глаза были наполнены страхом и болью... Тогда я увидела твои слезы... Ты не сдерживался и плакал открыто, не скрывая своих слез, потому что это был

приступ... Я чувствовала, что довела до крайней точки. Когда хотела уйти, бросив тебя, я пыталась выйти из машины, но ты схватил меня, как тигр хватает свою добычу, так крепко прижал к себе, что у меня просто не было сил вырваться из объятий.

6 ноября...

Если бы я была дождем, что соединяет небо и землю, вечно далекие друг от друга, смогла бы я соединить два сердца? Помнишь нашу поездку в Партенит? Как резко тогда испортилась погода и нас накрыл дождь... Мы прогуливались по парку и наслаждались видом лесных угодий. А когда мы спустились к пляжу, я подошла к краю пирса и засмотрелась вдаль... В тот миг я почувствовала себя той самой Ассоль, которая ждала своего принца... Холодная, темная вода, она так манила своей неизвестностью. Еще бы один шаг..., но ты взял меня за руку и увел с этого места.

Помнишь это множество ступенек, когда мы шли к смотровой площадке? Мокрый, скользкий асфальт и я уцепилась за тебя, чтобы не упасть. А этот ветер... Он просто сносил меня с пути, а ты так крепко держал меня за руку и вел за собой...

Мы прошли парк вдоль и поперек. Когда вернулись к машине, ты включил мне печку, чтобы я согрелась, а сам ушел за полотенцем... Вскоре ты вернулся, дал мне полотенце, чтобы я могла хоть немного убрать влагу с волос... Прошло немного времени и даже следа не осталось о том, что попали под ливень...
...С тех пор я влюбилась в дождь — он приносит с собой твой запах... Помнишь Новый Год?

Когда ты приехал незадолго до полуночи, отпросил меня у родителей и забрал меня в наше с тобой заветное местечко? В ту ночь там действительно было волшебю. Открылся великолепный вид ночного города, как ты там говорил, «город на ладони»? Да, это было именно так...

Огни новогодней ночи лежали у моих ног, а фейерверки завораживали своим блеском... Ты достал из машины шампанское, я тогда тебя еще пристыдила, что ты забыл бокалы, но ничего страшного, пластмассовые стаканчики праздничную атмосферу ничуть не испортили. А после полуночи ты сказал: «Ну вот, наступил и твой День рождения», и преподнес мне подарок, шепнув мне на ушко: «С 19-летием тебя, любимая». В тот миг моему счастью не было границ. Эта ночь была по-настоящему волшебной... А в пятом часу утра ты привез меня домой, чтобы я хоть немножечко поспала перед приходом гостей...

Помнишь тот день, когда я захотела купить Колли? Каких сил мне это стоило, упросить тебя, чтобы ты уговорил моих родителей. Как мы

проворачивали всю эту схему? В итоге, родители все равно отвезли собаку хозяйке и отказались держать ее. Возможно, через собаку родители хотели надавить на меня, чтобы я помирилась с тобой, но я же гордая... Впрочем, это уже не имеет никакого значения...

Втайне я давно тебя разоблачила: в сущности, ты был всего лишь творением моего ума, идолом, который я поднимала на своих руках, — воплощением нечто неизвестного и опасного. Завладев моим вдохновением, ты стал моей музой. Я дышала тобой одним...

Знаешь... С тобой я научилась жить...

Но жизнь моя оборвалась, когда мне сообщили о твоей смерти... Вечером мне позвонили с неизвестного номера, и грубый мужской голос сказал, что ты разбился на своей Весте... После этих слов моя жизнь потеряла смысл... С этого момента у меня «состояние комы». Я не хотела никого видеть, слышать. Любые попытки вывести меня на разговор заканчивались битыми предметами. Я просто смотрела в одну точку, обнимая твою куртку, лились слезы, а в голове, мысли, словно вороны, добивали мое сознание «Зачем я тебя прогнала тем зимним вечером... Если бы я только знала об этом... Я готова бы была сама умереть, лишь бы ты только был жив... Это все моя гордость... Прости, что не удержала тебя... Если бы ты только пришел, я бы приняла тебя... Но ты выбрал смерть..., и я умерла вместе с тобой...»

Сейчас, сидя возле твоей могилы, я не могу смириться с твоей смертью... Земля еще свежая, теплая, но уже влажная от моих слез... Сквозь нее я слышу твое тяжелое дыхание... Слышу стук твоего замирающего сердца... Чувствую твой волнующий запах...и то, как твоя небесная душа обнимает меня со спины... Тебе нелегко видеть мои слезы, но я не в силах сдерживать их, прости. Возможно, это истерика, но я не верю в твою смерть... Я отказываюсь в это верить... Ты слишком дорог для меня... У меня душа взывает о любви к тебе!!!!!! Я хочу к тебе!!!!!!

Когда я пришла на опознание, что я там уже могла разглядеть...? Обугленное черное окровавленное тело? В помещении стоял невыносимый запах смерти. Неожиданно мне стало плохо — в глазах помутнело, а после закружилась голова, и подруга вывела меня на улицу, подышать свежим воздухом. Когда мы присели на лавочку, от увиденного на мне словно не было лица и дрожали руки. Тогда мне казалось, что эта сумасшедшая ночь не закончится никогда...

Знаешь, я периодически бываю в церкви... Ставлю тебе свечи за упокой твоей души... Надеюсь, хоть на небесах ты обретешь покой и счастье... Прости меня за боль, которую ты испытал со мной... Я не знаю, как мне жить дальше...

По правде говоря, после твоей смерти я обезумела. Ночами мне нет покоя. Ты снишься мне каждую ночь, а днем я чувствую твой запах среди прохожих... Я даже чуть не выскочила замуж за нелюбимого на зло судьбе, но чудом опомнилась и сорвала свадьбу. На днях, в ожидании зеленого света на пешеходном, на той стороне я увидела парня в форме, похожего на тебя, и я почти кинулась к нему, но подруга остановила меня, схватив и отдернув за руку. Как же ее напугал тогда мой безумный взгляд в никуда и мое бессознательное действие... Я ей начала объяснять, что видела тебя, но посмотрев снова, мы уже не видели никого... Она начала ругаться на меня с криками, «Дурочка!!! Что ты вообще творишь!?! Тебя бы сейчас сбила машина!!! Да что с тобой вообще такое!?!? Если он мертв, ему уже ничего не нужно, а ты должна жить!!! Пойми это!!!» Может она и права, но мне нужно время. Много времени, чтобы привыкнуть и продолжить жить дальше...

Вот и все – круг замкнулся. Наша сказка о любви закончилась там же, где и началась... Знаешь, сегодня был бы год, как мы познакомились. Ты бы приехал с моими любимыми розами и крепко обнял...

...а что мне еще нужно для счастья?

Борис Колесов

Чтобы было все понятно,
Надо жить начать обратно.
Ал. Введенский, «Значенье моря»

Городок

1. Экзамены

Гоша заболел Городком сразу и надолго. Живя в нем многие годы, Гоша, в конце концов, привык ко всему и считал, что по-другому и быть не должно. Но стоило случайно отъехать на несколько автобусных остановок и очутиться в среде окраины уже не Городка, а Большого Города, Гоша начинал понимать, как крупно ему повезло с Городком. Чтобы это постигнуть, мало просто жить в Городке, нужно быть его частью.

Впервые Гоша попал в Городок безоблачным июльским утром 196.. года. Сойдя на автобусной остановке, Гоша оказался в точке, из которой просматривались практически все институты Городка, а прямо за ним, через дорогу, возвышался Институт ядерной физики, о чем возвещала широкая надпись на фасаде. А причудливые картинки, изображавшие траектории не то электронов в атоме, не то еще каких-то таинственных частиц, откровенно сулили Гоше необыкновенные переживания в будущем, если удастся прикоснуться к этому миру. Было около девяти часов утра и солнце, только показавшееся из-за правого крыла Института, светило прямо в глаза, и в контрастном освещении казалось, что Институт парит над землей величественной белой громадой. Эффект этой фантастической картины еще больше усилили два молодых парня, проходившие мимо, в которых Гоша сразу определил физиков-теоретиков. Оба своей внешностью, одеждой, взглядом, скорее походили на героев новейшего фильма, чем реальных людей (сверкающие нейлоновые рубашки, закатанные рукава, аккуратная черная борода у одного из них). И сердце Гоши заняло: ему болезненно, до слез, захотелось попасть в этот мир, жить в нем, стать его частью и необходимым элементом. Но сначала нужно было поступить в Университет.

В приемной комиссии Университета все прошло быстро и по-деловому. У него без лишних вопросов взяли документы, выдали экзаменационный лист, приклеив на него его любительскую фотографию, по которой нельзя было однозначно сказать, он ли на ней изображен или кто другой, и направили в общежитие. В тот же день Гоша стал ходить на

семинары, которые устраивали для абитуриентов, чтобы ввести их, наивных и глупых, в курс дела. Вели семинары молодые ребята, по-видимому, студенты. Их немного развязная, явно перенятая, манера изложения, непривычная терминология, даже сами задачки, которые они предлагали — все было необычно для Гоши, все завораживало.

А потом наступили экзамены. Первые два Гоша сдал средненько, мог бы и лучше. Но подвела Гошина неопытность. Остался один, главный, устный экзамен по физике. Гоша понимал, что от него зависит его судьба и упорно готовился к нему. На улице стояла жара; ребята, его соседи по комнате в общежитии, каждый день ходили на пляж и звали Гошу. Но Гоша отказывался. (Оба соседа, к слову сказать, экзамены провалили). Накануне последнего экзамена, когда Гошины силы стали истощаться, Господь Бог наклонился к нему и шепнул на ухо: «Брось, Гоша, отдохни немножко». И Гоша бросил. Пошел на летнюю концертную площадку перед общежитием, где абитуриенты пинали мяч, напинался с ними вдоволь, поужинал, еще погулял и спокойно, без угрызений совести, лег спать. Проснулся Гоша поздно, экзамены уже шли, но он знал, что там все равно очередь, и приходить к началу не обязательно. Действительно, когда Гоша пришел в Университет, перед дверью аудитории, где шел экзамен, оставалось еще только два-три абитуриента, и, прождав всего несколько минут, Гоша зашел внутрь. Экзаменатор, пожилой сухощавый профессор в очках в тонкой оправе, дал Гоше четыре задачки и отошел. Через некоторое время он вернулся, посмотрел, как Гоша справился с ними, буркнул что-то и дал еще три. Подойдя в следующий раз и убедившись, что у Гоши пока все в порядке, начал давать задачки уже не отходя, в режиме вопрос-ответ. Гоша держался. Подошел еще один экзаменатор, послушал, поговорил с Гошиным профессором. О чем они говорили, Гоша не вникал, не было времени. Наконец, Гошин профессор посмотрел на своего знакомого и улыбнулся: «Ну что, с молодым человеком приятно поговорить», и поставил пятерку. И Гоша, счастливый, помчался писать письмо родителям.

А потом был безмятежный месяц дома, в деревне, где Гошу все поздравляли и смотрели на него со значением. Этот месяц пролетел в беспамятстве, как один миг, и Гоша вернулся в Городок.

2. Колхоз

Обучение в Университете началось с колхоза. Их, первокурсников, человек пятьсот, привезли в пустой уже пионерлагерь в лесу на берегу залива и предложили покопать картошку. Ах, тот сентябрь! Месяц фантастических открытий, знакомств, узнаваний, первых увлечений. На Гошину душу, неопытную и неокрепшую, обрушился поток впечатлений, от которых он временами просто цепенел. Гоша обнаружил, какими эрудированными могут быть его сверстники, какими необычными талантами обладать, как остроумно и уверенно распоряжаться прочитанным, как красиво излагать свои (ну, не всегда свои) мысли. Правда, много время спустя выяснилось, что самыми успешными в карьере оказались не те, кто блистал эрудицией, остроумием, знаниями, а те, кто молчал и наблюдал.

Уже на второй день Гоша, зайдя в столовую, получил сильнейший удар, последствия которого он чувствовал всю жизнь: за стойкой, где пребывал столовский персонал, он увидел девушку. Невысокого роста, черноволосую, с глубокими и синими, как темное небо, глазами, совершенными чертами лица. На мгновение Гошина душа рухнула куда-то в бездну, но уже в следующую минуту оттуда, из глубины, раздались совсем необычные для Гоши трезвые и умные слова: «Успокойся, Гоша, эта девочка не для тебя!». И Гоша в самом деле успокоился. На том бы все и кончилось, и жизнь Гошина потекла бы совсем по другому руслу, но Эля (так звали девочку) была общительной, умела прекрасно говорить со всеми, нашла словцо и для Гоши. И Гоша поплыл... Гоша, Гоша, знал бы ты, что будет дальше. Может быть, возблагодарил бы судьбу, а может быть, рванул бы из столовой и никогда туда не возвращался.

Старшим группы, куда попал Гоша, был назначен Воинов. Интеллигентной внешности, в очках, неторопливый, рассудительный, он казался старше остальных. Воинов часто и к месту цитировал словечки из «Одесских рассказов» Бабеля, вызывая всеобщий смех. За это его любили, а Гоша втайне восторгался. В бригаде у Воинова был недобор, и решили (Воинов предложил) доукомплектовать «женщинами». На второй день, вечером, Воинов прихватив с собой Гошу и еще одного парня, пошел выбирать «женщин». Пришли в палату соседнего корпуса, где жили девушки-физицы. Девушки еще бодрствовали и делегацию приняли благосклонно. Поговорили (Гоша не сказал ни словечка, зато Воинов не замолкал). На кровати, ближней ко входу, уютно, на боку, лежала красивая девушка, подперев голову ладонью. Лицо ее, немножко удлинненное, резко очерчивали чуть широковатые скулы, большие карие глаза в упор с

насмешкой рассматривали пришедших. Воину она сразу понравилась (Гоше тоже) и была первой записана в бригаду. Да-а-а... . Правильно ли поступил Воинов? Не поторопился ли он? В тот момент, безусловно, «да, правильно». В конце концов, первый наш выбор всегда определяется внешностью, голосом, интонацией, походкой. Но жизнь длинная и сложная, состоит из огромного количества событий, поступков, слов, которые, сливаясь, образуют медленный, извилистый, не поддающийся осмыслению поток, направление которого в начале его и конце часто не совпадают. В тот вечер в бригаду была записана еще и Людочка Долина, девушка с огромными синими глазами, которой выбор Воинова понравился даже больше, чем самому Воину. И это послужило началом еще одной печальной истории.

Утром все студенты шумной толпой отправлялись в поле. Все, кроме гуманитариев: девушки-филологини оставались при столовой. Сказать, что шли охотно, значило бы покривить душой. Работали нормально, но героизма в труде не проявляли. Старательно, но без фанатизма, пытались сортировать картошку на кондиционную и семенную (так велели). Перекидывались с соседями шуточками. Людочка Долина часто, выпрямившись, подолгу смотрела на Воинова, а Воинов поглядывал в другую сторону... . В общем, день как-то тянули, но настоящая жизнь закипала вечером. После ужина середина столовского зала расчищалась и включалась музыка. Красивая музыка, последние мировые хиты, роскошные танго. До одиннадцати вечера разрешалось все, после — отбой. Руководил студенческим лагерем Полковник, сотрудник университетской военной кафедры. Он был строг, и режим соблюдал неукоснительно. Он же был и притчей во языцех, центром и мишенью всех шуточек студентов. Полковник об этом знал, но за строгой внешностью и зычным (генеральским) голосом скрывался добродушный человек, много повидавший на своем веку, и потому никаких репрессий не следовало.

На этих столовских вечерах шли смотрины, завязывались знакомства, оказавшиеся роковыми для некоторых, здесь же студенты демонстрировали свое мастерство, желая показать себя в лучшем качестве. Кто пел, кто рассказывал, кто брэнчал на гитаре. А Миша Гринфельд, тоже из бригады Воинова, крутил на пальце футбольный мяч. Миша прибыл из причерноморского российского города, где на улицах, среди сверстников, его умение ценилось высоко. Вид у Миши был невзрачный: среднего роста, худой, с черными неухоженными локонами, в цыганской шляпчонке и с завязанными на животе в узелок концами рубашки, отчего Мишин пупок предоставлял всем желающим

возможность полюбоваться собой.

Каждый день Гоша встречался и разговаривал с Элей. То, что происходило, разговором назвать было сложно, поскольку говорила одна Эля, а Гоша только слушал и молча смотрел на нее. У Эли был дар рассказывать интересно даже о простых вещах, о девочках в их группе, о работе в столовой, о том, где она росла и училась. Она не умничала, не пыталась показать себя лучше, что, по твердому убеждению Гоши, уж и невозможно было. Видя, как Гоша путается, пытаюсь что-то рассказать, но при этом боясь сказать глупость, упасть в ее глазах, она подшучивала над ним, но так, что Гоше становилось легче. Все в ней вызывало Гошино восхищение. С каждым днем желание видеть ее, побыть рядом, послушать становилось все непреодолимее.

Однажды Эля, сопровождаемая двумя подружками, собралась уходить с закончившегося вечера, и Гоша проводил их до выхода из столовой. Девушки спустились с высокого крылечка и стали уже поворачивать за угол, когда Эля внезапно резко повернула голову и с укоризной посмотрела на Гошу, оставшегося на крылечке. «Ну, что ж ты, дружок, стоишь пеньком, проводил бы» - откровенно читалось в ее взгляде. Эх, Гоша, Гоша... . Ему бы вскинуться, не раздумывая, перелететь через перила, касаясь их только одной рукой, как делают лихие парни в фильмах, оказаться рядом с Элей и, может быть, добиться ее расположения, но Гоша стоял нерешительно и мучился серьезнейшими вопросами: «А правильно ли он понял ее взгляд? А можно ли так делать? Ах, уже поздно, прозевал момент!». И так далее и в том же ключе.

Подружки Эли, Верочка и Наташа, тоже филологини, были теми еще подружками. Они познакомились здесь, в колхозе, и уже через два-три дня стали неразлучны. Верочка – спокойная, чуть холодноватая, умная, и, как и Эля, с языком, способным сразить одним словом. Наташа – худенькая, стройная, темноволосая, в брюках и облегающем свитере, походила на мальчишку-подростка. Она знала все (Эля звала ее энциклопедией). Любую книгу, картину, фильм и многое другое комментировала сходу, уверенно, детально. Спорить с ней было вовсе не нужно, нужно было просто слушать. Обе девушки относились к Гоше хорошо и, как казалось Гоше, с пониманием. Впрочем, ни у той, ни у другой, выбора практически не было — Эля была бесспорным лидером в тройке.

Через две недели пребывания в колхозе у Воинова случился день рождения. Решено было отметить. Гоша немножко удивился: он считал этот повод ничтожным. Но Воинов, городской житель, всегда

мыслил шире. Решено было купить водки, стащить из столовой закуску из своего ужина, и, главное, добыть гуся и сварить его. Вот на это-то славное дельце, добыть гуся, и был отправлен Гоша и еще один студент из их бригады — здоровяк и силач по прозвищу Арсен. Гоша не раздумывая, как солдат, согласился, и они с Арсеном отправились на задание. В деревушке, при которой стоял пионерлагерь, гусей было много (ну, может быть, поменьше, чем в Тарусе). Они свободно расхаживали по улице, и изловить одного из них было нетрудно, лишь бы никто не увидел. Договорились так: Гоша будет стоять на стреме, а Арсен схватит гуся. Так и сделали, и Арсен уже схватил бедолагу и даже успел крутануть ему шею, но тут из-за угла показался колесный трактор. Что делать? Арсену ничего не оставалось, как просто сесть на гуся, прикрыв его собой. Трактор прокатил мимо, не остановившись. Возможно, парня, сидящего на земле, тракторист и заметил, но уж больно здоров и плечист был этот парень, чтобы выяснять причины его необычного поведения. А вечером, после ужина, компания человек в десять отправилась на берег моря, в кусты (подальше от посторонних глаз), развели костер, ошипали и сварили в ведре гуся и славно попиrowали! Годы спустя Гоша, вспоминая этот эпизод, каждый раз содрогался от ужаса. Гоша, Гоша! Ну, какой же ты был простофиля, прости Господи! А если бы Полковник узнал и тебя бы отчислили, то конец всему — Университету, знакомству с Элей, конец жизни. И ради чего? Но, странное дело, никогда он не винил Воинова, только себя. А ведь Воинов наверняка понимал, чем грозила его авантюра, мог бы и сам пойти воровать гуся на свой день рождения, уж если так сильно хотелось! Но для Гоши Воинов уже тогда стал кем-то вроде из касты жрецов, браминов, неподсудных и необсуждаемых.

3. Универ

Каким бы замечательным ни было время, проведенное в колхозе, но окончания их поездки все ждали с нетерпением: хотелось перемен.

И вот, они в Городке. Университет, запруженный летом толпой разношерстных абитуриентов, теперь заполнили старшекурсники, серьезные, умные, прилично одетые. Погода сразу, как по команде, испортилась, и беспечный солнечный Сентябрь сменился хмурым дождливым Октябрем. Без промедления начались занятия. На первокурсников словно обрушилась лавина, которую они и представить себе не могли, и выбраться из которой удалось не всем. Работа с утра и до позднего вечера, иначе что-то не успеешь сделать. До обеда — лекции, потом семинары, прорва задач по всем предметам, английский

Больше всех донимал английский. Гоша, невосприимчивый к языку, мучился тяжело.

Первокурсников-физиков поселили в общежитии на Проспекте, примерно в километре от Универа. Прозанимавшись допоздна накануне, студенты имели естественное желание выспаться, а утром, в девять, начинались лекции. Потому вставали в последнюю возможную секунду и, наскоро съев булочку с молоком из картонной пирамидки, мчались в Универ. За десять минут до начала лекции из общежития выкатывалась толпа из пары сотен студентов и плотным комом катилась по улочкам Городка. Бежали, конечно, кратчайшим путем. На пути попадался лесок из молодых посаженных сосенок с узкой тропинкой, которая, не имея возможности пропустить весь ком разом, заставляла его растянуться так, что когда голова толпы выкатывалась из леска, хвост ее только втягивался в него. Но к началу лекции все благополучно успевали.

Весь день проходил в Универе. Вечером, уже в общежитии, приходилось делать то, что не успевали за день. В переходе между общежитием и соседним зданием была оборудована комната для занятий, две противоположные стены которой занимали большие, от пола до потолка, окна. Снаружи, за окнами, наваливалась холодная, черная ночь, а здесь было тепло, неяркие светильники, вдоль стен стояли простенькие столы, оставшиеся как наследство от бывшего здесь когда-то учреждения. Сюда обычно приходили пять-шесть человек, и часто собирались студенты, с которыми Гоше было просто приятно пообщаться. Здесь как-то не хотелось громко спорить, жестко отстаивать свое мнение; ребята спокойно обсуждали то, с чем не успели до конца разобраться днем.

В небольших комнатах жили по четверо. Соседями Гоши оказались могучий Арсен и Леня с Игорем. И Леня, и Игорь пришли в Универ из физматшколы, поэтому чувствовали себя здесь вполне комфортно, как люди, уже и так много знающие. Игорь даже позволял себе тратить время на возню с магнитофоном, счастливым и едва ли не единственным в общежитии обладателем которого он был. В те годы бытовая техника не могла работать самостоятельно, без участия человека, и Игорь постоянно что-то в нем подпаивал, подтягивал, подкручивал. Зато когда утром, едва проснувшись, Игорь первым делом жал на клавишу своего питомца, из этого устройства в комнату врывался веселый и бесшабашный голос Юлия Кима: «На далеком севере бродит рыба-кит...». Гоша, с восторгом относившийся ко всем кимовским песням, несколько минут блаженствовал, оставаясь в постели. Ну, а потом – подъем, пей свое молоко с булочкой и беги в Универ.

Денег студентам хватало обычно только чтобы дотянуть до следующей стипендии. Поэтому жили без излишеств, помогая друг другу в трудные дни. Конечно, небольшие праздники для разрядки все-таки устраивали. Но больших трат они не требовали, ведь за столом вполне хватало бутылки «Цинандали» за три рубля да пары банок зеленого горошка. Но однажды все-таки решились «шikanуть». Случился Гошин день рождения, и на него пригласили Элю с подружками. Чтобы удивить девочек, Игорь предложил взять на прокат на один вечер дорогой и красивый сервиз. Так и сделали. Девочки пришли, но без Эли: в тот день ей понадобилось уехать к родителям. Верочка с Наташей без конца щебетали, их фантазия и способность находить темы для разговора были неистощимы, поэтому вечер провели очень славно. Под конец даже затеяли игры с беготней вокруг стола. И так разбегались, что сломали несколько предметов из сервиза. Но ничто уже не смогло испортить настроения. На следующий день мудрый Игорь все уладил с пунктом проката, наотрез отказавшись от участия Гоши в оплате разбившихся чашек.

Когда Гоше по случаю приходилось общаться со студентами других вузов, он с удивлением слушал, как они восхищаются своими преподавателями, их заслугами, профессиональным мастерством, и пытаются уверить, что лучше их на свете никого нет. Да, думал Гоша, наверное, у них хорошие преподаватели, но разве можно их сравнить с теми, что были на физфаке Универа? Нет, никогда, ни по каким параметрам, был убежден Гоша, но не спорил, и своих не хвалил и не рекламировал. Да и невозможно было рассказать посторонним студентам о том, кем и как читаются лекции в Универе, все равно не поймут.

Большая физическая аудитория, где читались лекции, похожа на театр, в котором сцена занята огромной доской, смещающейся по высоте, и длинным столом перед ней. На сцене царствует Профессор, а в амфитеатре, плотно набитом снизу доверху, сидят притихшие студенты, непрестанно переводящие взгляд от доски к тетради и обратно. Лекции по одному из разделов теоретической физики читает высокий интеллигентный старик с глубокими морщинами на лице. В свое время он близко примыкал к группе создателей современной физики, и ему доводилось разговаривать с Эйнштейном. Ему есть о чем рассказать студентам. Речь его изящна и выверена, так говорили люди ушедших поколений.

А в другой раз за столом расхаживает не старый еще человек с мягкой улыбкой на лице, автор идеи о встречах пучках. Полтора часа он с увлечением рассказывает о теории относительности, а оставшиеся десять минут с тем же темпераментом о том, как он, начиная путь из одной и той же станции метро, попадал к любовнице «А» почему-то в три раза чаще, чем к любовнице «Б».

И где еще могут быть такие учителя? Ну, разве что в Москве или в Питере...

4. Эля

Но все время, чтобы Гоша ни делал, сидел ли на лекции, занимался ли в читальном зале, в душе его постоянно кровоточила рана: он должен был видеть Элю. Они жили в разных общежитиях, учились в разных корпусах, и вероятность случайной встречи была ничтожна. Заявиться же к ним в комнату вечером Гоша не мог по многим причинам. Во-первых, он не мог придумать предлог. Потом, допустим, он пришел к ним, и что он скажет? А вдруг там уже сидит кто-нибудь из более находчивых и удачливых? Гоше, не знавшему, что говорят в такой ситуации, провалиться сквозь пол было бы единственным избавлением. А если его просто не примут, откажут, что делать? Опять позор, который надолго бы, по Гошиному мнению, пресек всякую возможность контакта. Оставалась единственная возможность: ждать и надеяться. И Гоша ждал, а рана ныла, ныла... Но иногда встречи все-таки случались, и тогда сердце Гошино прыгало испуганно и радостно. Эля, как всегда, в шутливой и ироничной манере расспрашивала Гошу или сама что-то рассказывала. Это продолжалось несколько минут, а потом они расходились. После таких встреч Гоша мучился вдвойне. Он начинал еще корить себя за то, как неправильно вел себя при встрече, как стоял, искривившись, почему он, дубина стоеросовая, сказал так-то, а не как-нибудь иначе, поумнее.

А еще Гоша мучился от того, что не мог понять Элю. Иногда, при встрече, она разговаривала с ним ласково и даже старалась ободрить его, видя Гошины страдания. Но было и по-другому. Эля вдруг, без повода со стороны Гоши, бросала на него презрительный взгляд или короткую уничтожающую фразу. Гоша, красный, останавливался молча, не зная, уйти ли ему или остаться в надежде, что Элино настроение изменится.

Иногда он начинал сходить с ума. Ему вдруг начинало казаться, что Эля сейчас придет в Красную столовую. Занятия Элиной группы шли даже не в Универе, а в другом корпусе, далеко отстоящем как от Универа, так и от Красной столовой, и Эля теоретически могла туда прийти, то только по

какой-то маловероятной причине. Но Гоша вскакивал и мчался в Красную столовую. Приблизившись к ней, он вдруг видел, как с другой стороны к столовой подходит Эля с подругами.

В другой раз и Эля, и Гоша были на вечеринке по поводу дня рождения одного их общего знакомого. Гоша сидел далеко от Эли, но видел, что Эля все время болтает с Мерхоером, симпатичным парнем с их курса. Весь вечер Гоша сидел молчком, нервничал, а когда Эля оделась и вышла на улицу в сопровождении Мерхоера, выскочил вслед за ними, на мороз, в одной рубашке, стал что-то кричать, размахивать руками и пытаться остановить Мерхоера. Мерхоер перепугался, а Эля молча посмотрела на Гошу так, что тот опомнился и сник.

На следующий день Эля со своей группой уезжала в экспедицию на две недели. Гоше было стыдно, ему нужно было объясниться, но пойти к ней он не отважился. И ждать в неведении своей участи полмесяца-месяц тоже не было сил. Тогда Гоша написал записку: «Эля, я люблю тебя. Прости, пожалуйста, что не могу проводить тебя. Удачной тебе поездки. Возвращайся скорее». Без подписи. Эля не отреагировала, ни в тот день, ни после. Правда, инцидент с Мерхоером тоже был забыт и записку Эля все-таки не выбросила.

Вообще Гоша стал замечать, что у Эли много знакомых ребят, и с физфака, и с мехмата. Среди них оказался и Гришаня Шимкус, учившийся в одной группе с Гошой. Учился Гришаня средненько, звезд не хватал, но был остроумен, красноречив, обаятелен, и всегда находился в курсе не только местных, но даже и московских светских событий. Редкая девушка могла отразить Гришанино обаяние. Знакомство Гришани с Элей не удивляло, но пугало Гошу. Как-то, уже на третьем курсе, Гоша вышел из своей комнаты в общежитии и заметил в конце коридора, там, где жил Гришаня, шум и оживление. Гришаня праздновал свой день рождения. Вдруг появилась Эля, в красивом платье, с эффектной прической, и по-хозяйски, громко говоря что-то на ходу, зашла в комнату, где гремела музыка и шло веселье. Гошу как будто что-то ударило. Он вернулся к себе, упал ничком на кровать и долго лежал в ознобе, не в силах осмыслить и понять происходящее.

С того дня отношение Гоши к Эле стало понемногу меняться. Внешне все оставалось, как прежде: он восхищался ею, трепетал при ее появлении, но то, что раньше возникало как смутная догадка, теперь становилось совершенно ясным: Эля не видит в нем друга. Было грустно, было обидно, иногда хотелось кричать от боли, но нужно было мириться с этим. Другого пути не было.

Наконец, уже в конце четвертого курса все определилось. Гоша,

измученный, пришел к Эле в общежитие еще раз попытаться наладить отношения. Обе Элины подруги, Верочка и Наташа, сочувствуя Гоше, усадили его и стали всячески развлекать разговором. Но Эля, сделав вид, что не понимает, зачем здесь Гоша, отвернулась и молча ждала, не скрывая, когда Гоша уйдет. Обескураженный Гоша ушел, силясь понять, почему Эля сознательно и жестоко пошла на разрыв. Но очень скоро все объяснилось: Эля появилась на публике с Малышом, как Гоша про себя называл этого юношу. Малыш действительно был невысокого роста, как и Эля, к тому же учился курсом младше. Он был химиком и выявлял какие-то необыкновенные таланты, брал призы на международных олимпиадах, все говорили о его большом будущем. Эля, всегда скрытная, на этот раз откровенно демонстрировала свое расположение к Малышу. А Малыш сиял.

Гоша снова опечалился, но разум его, уже не такой зашоренный, как прежде, стал понемногу разъяснять Гоше его отношения с Элей.

Гоша нравился Эле. Ей нравилась его простота, открытость, внешность, наконец. И, конечно, Эле, как и любой женщине, хотелось бы видеть возле себя смелого, сильного, могущего постоять за себя и за нее парня, каким был Гоша. Но Эля не была обычной женщиной. Прежде всего, она была невероятно, фантастически красива. Знаменитая Лиз Тейлор отдаленно напоминала Элю, как искаженная и некачественная репродукция отдаленно напоминает оригинал. Но Эля была еще и умна, что в сочетании с ее внешностью делало Элю исключительной, недостижимой для большинства женщин. Конечно, Эля, хотела она того или нет, подсознательно учитывала это обстоятельство и рассчитывала на то, что ее будущий спутник сделает ее жизнь достойной. А что мог дать Гоша? Есть у него перспективы? Очень сомнительно. Гоша вспомнил, как еще на втором курсе Эля возила его к себе домой показать родителям. После той поездки никакой ободряющей Гошу реакции не последовало. Значит, Гоша «не показал себя». И позже был отвергнут. Возможно, как предположил Гоша, по той же причине отпал и пустозвон Гришаня. И другие. Холодный, расчетливый, практический ум Эли работал, как представлялось распалившемуся Гошиному воображению, безошибочно и неумолимо. Вопрос только, всегда ли на ее благо, но понять это в то время было невозможно. И вот тут является Малыш. Умный, перспективный, с хорошей родословной. И решение было принято. Эля снова стала приветливой с Гошей, но теперь это была приветливость безразличного человека.

Годы спустя Гоша, вспоминая, размышлял, правильно ли поступила Эля? И пришел к неутешительному для себя выводу: если принимать во

внимание только «за» и «против», хороши или плохи различные варианты, то «да», абсолютно правильно, без вариантов. Любая умная женщина на месте Эли поступила бы точно так же. Другое дело, тактически Эля могла бы все сделать мягче, женственней, ласковей. Позвала бы, например, Гошу к себе и сказала: «Гоша, миленький, прости меня, я выхожу замуж». И Гоша, прослезившись, всю жизнь считал бы ее святой. Но тут вопрос: а разве Любовь — это логика? Разве это арифметический подсчет плюсов и минусов? Нет, где Любовь, там нет и не может быть расчета. А коли есть, то расчет слабый, подсознательный, скорее надежда, что все будет хорошо. Следовательно, если Эля действительно обдумывала будущее, как шахматист обдумывает ситуацию, которая возникнет на доске через несколько ходов, то на ее любовь не приходилось надеяться никому из претендентов. Любящий всегда готов на жертву, бездумную, безрассудную, «не гадая, в ад или в рай», хотя не во всех случаях такая жертва и требуется.

«А может быть,»- продолжал рассуждать Гоша- «все это глупости, мои обиды отвергнутого? Ничего Эля не считала, а просто долго искала и, наконец, нашла того, единственного, ей суженного? Ну, не нравился я ей чем-то, что ж, она обязана, что-ли, выбрать меня только за то, что я такой хорошенький и меня нельзя обижать? Так бы и Гришаня мог заявить, и любой другой, а Эля то всего одна». Так, размышляя, Гоша вконец запутывался и тоскливо смотрел в пространство перед собой.

Однако между тем временем, как отвалился Гришаня, и тем, когда появился Малыш, произошло небольшое событие, значение которого Гоша понял только спустя много лет. Как-то зимой, на четвертом курсе, Гоша поехал в центр Большого Города по мелким делам. С утра у него болела голова, но терпимо. На обратном пути в автобусе Гоша увидел Элю. Она возвращалась из дома, от родителей. Гоша обратил внимание, что Эля была немножко притихшей, задумчивой, без обычного ироничного блеска в глазах. В дороге они спокойно и о многом поговорили. Гоша проводил ее до общежития, и когда Эля уже открывала дверь, она вдруг спросила Гошу: «Не зайдешь?». Но к этому времени, после хождения по Городу и долгой поездки в холодном, трящемся автобусе, тяжелые механические молоты в голове у Гоши колотили уже так, что он едва стоял на ногах, из последних сил пытаясь не показать своего состояния. Больше всего ему хотелось сейчас упасть где-нибудь, хоть здесь, на улице, в снег, зажать голову руками и заставить боль немножко ослабнуть. И Гоша отказался. Много позже Гоша подумал: а,

может, тогда, между Гришаней и Малышом, Эля была в растерянности, и у него был шанс? Но что об этом говорить, все в прошлом.

Для Гоши парадоксальность его ситуации состояла еще и в том, что он с самого начала отчетливо сознавал свою бесперспективность с точки зрения возможных будущих отношений с Элей. Он знал, что он крепкий парень, способен упорно трудиться и создать условия, подходящие для многих, но не для Эли. Нет, она достойна большего, много большего, твердо считал он. Так чего же он добивался? У Гоши не было ответа. Он просто не мог жить, дышать, существовать без нее. Он любил ее, безумно, безответно, бессознательно. Много позже, когда у Гоши появилась некоторая развязность в мыслях, он стал думать, что Любовь — это просто игра гормонов, химия. Но в случае с Элей это было совсем не так, глупостью. Он никогда, ни секунду не думал об Эле, как женщине. Тогда, что такое Любовь? Безумие? Или все-таки химия, но на более высоком, ментальном уровне? Возможно.

Развязка наступила в середине пятого курса. Гоша, направляясь к Универу, пересекся курсом с гуляющими Элей и Малышом. Увидев его, Эля торжествующе улыбнулась и демонстративно, как показалось Гоше, склонила голову на плечо Малышу. Гоша сжался, но виду не показал. На следующий день он сделал предложение девушке, с которой встречался последнее время.

Эпилог

Шли годы, Гоша работал, защищал диссертации и неумолимо становился Георгием Александровичем.

Однажды, теплым сентябрьским вечером, Георгий Александрович шел вниз по Проспекту. Проспект был почти безлюден, ему встретились только два бомжа с сумками, да около Красной столовой стояла небольшая кучка людей среднеазиатской внешности, торговавшие здесь фруктами. И все. Ну, может быть, еще пара случайных прохожих. Георгий Александрович удивился, и в памяти совсем не случайно всплыл один весенний день его далекой юности.

Апрель месяц. Первокурсник Гоша не торопясь шагает по Проспекту. Солнце уже спускается к Морю и его лучи падают прямо в лицо. На Проспекте оживление. Люди, уставшие от долгой зимы, стужи, сугробов, вышли на улицу, чтобы пройтись, прогуляться, встретить знакомых. То там, то здесь возникают стихийные группки остановившихся поговорить людей. Поток движется, меняется, и Гоше на глаза попадает то одно, то другое знакомое лицо.

Около Красной столовой в толпе возвышается мужчина средних лет и броской внешности, в обычных для него куртке и свитере с глухим воротником. Он очень популярен как известный физик и как автор вечернего кафе для жителей Городка. У него здесь много знакомых, которые подходят, протягивают руку, что-то говорят.

А вот еще один известный в Городке человек с торчащей вперед острой бородкой клинышком и прямым, настороженным взглядом темных глаз. Его окружает стайка (злые языки говорили: табун) молодых длинноногих женщин. Чем он занимается, Гоше неизвестно, но ни одно мероприятие в Доме Ученых без него не обходится.

Неожиданно взгляд выхватывает в потоке невысокую тоненькую фигурку в темно-синем пальто и с красивой черноволосой головкой. «Эля!» – вырывается у Гоши, и он бросается навстречу, не разбирая дороги. Как много он хочет сказать ей, как много ему нужно сказать, но слова застревают в горле, и только сияющие Гошины глаза выдают его состояние. Эля улыбается, она тоже рада встрече, и они идут рядом, ничего не замечая вокруг и видя только друг друга. Эля о чем-то увлеченно рассказывает, а Гоша слушает, кивает. Он не всегда разбирает, о чем она говорит, но это не важно, ему просто приятно слушать ее. Постепенно люди вокруг исчезают, исчезает и Проспект, и они идут по какой-то незнакомой местности. Но и это ничуть не трогает Гошу. Пусть хоть что происходит вокруг, только бы Эля была рядом, и он слышал ее голос.

Как изменился, как постарел Городок! Как выросли березки и сосенки на Проспекте, посаженные в год появления Георгия Александровича здесь. Поколение шестидесятых, тех, которые «из разговоров признают только споры», ушло, уехало, состарилось, умерло. Умер и тот Городок, канул в Лету. Городок, в котором мы учились, любили, выросли. Его не будет больше никогда, как не будет и нас, юных, полных сил и надежд. И Георгий Александрович, грустно опустив голову, продолжает свой путь.

Виктор Астанин

Записки гаишника

(продолжение)

Смог, «пробки», заторы и ночи без сна,
Машины, машины, как буйволы в стаде,
Говорят: наша служба - прелесть одна,
Жезлом махнул и уже в шоколаде.

XI

«Слыньчев бряг». Нас поселили в гостинице «Средец» на втором этаже, и, зайдя в номер, я в окно увидел море, прямо передо мной, под вечерним небом. Удивительное зрелище. Начался отдых.

До обеда мы проводили время на пляже. Однажды, на определённое нам место, пришла семья: пожилой, седовласый мужчина, по облику: типичный представитель туманного Альбиона, с женой и двумя дочерьми. Он обратился к нашей туристке с английской речью, а та плохо его понимала. Я находился рядом, и, извинившись, помог перевести на русский язык фразу иностранца. Он сразу переключился на меня, познакомились. Его звали Гордон, и он представил свою семью, жену и двух дочерей. Одну, двадцатилетнюю дочь, звали Хелен, а вторую – Хилери. Младшей было восемь лет, и она, сидя на песке, на тетрадном листе написала стихи про цветы и бабочку, и подарила их мне. Гордон мне рассказал немного о себе. Он был членом палаты лордов в Кардиф-сити, а это – столица Уэльса. Сначала я плохо его понимал, видимо, из-за уэльского диалекта. Правда, он мне сказал, что по-английски я говорю хорошо. Он меня расспрашивал о нашей стране, говоря, что у них о нас мало информации, и удивлялся: откуда я много знаю об их стране.

- Из книг английских писателей, из газет «Morning star», - ответил я.
- Из новостей.

И вот, сидим мы с ним на песке друг против друга у моря, а Апишев меня окликнул:

- Вить, посмотри налево.

Мимо нас у кромки воды проходила красивая пара: парень в плавках, и девушка, тоже в одних плавках, с обнажённой грудью. Видя мои широко раскрытые глаза, а может и рот, валлиец засмеялся.

- У нас в стране так не принято ходить, - начал оправдываться я.

- В Англии такое тоже не увидишь, - ответил Гордон, – это немцы. Я не люблю немцев, а ты?- спросил он.

Я понимал, что этот человек в годах, пережил войну и бомбардировки люфтваффе, но я не разделял его чувств, хотя мой дед, Стукалов Егор Терентьевич, погиб под Кёнингсбергом в 1945 году. Всё-таки, ГДР была нашей союзницей, мои друзья там проходили службу в ГСВГ (Группа советских войск в Германии), и рассказывали о немцах, как о дружественных к нам людях. А Лёшка Глазунов оставался там работать на два года. Я сенатору ответил так:

- Каждый народ имеет хороших людей и плохих.

- Это правильно, - поддержала меня его супруга.

Для меня было открытием, когда Гордон заявил:

- Ещё я не люблю американцев, они хотят войны.

I don't need war. Эту фразу он мне повторил три раза, пока я понял, что он мне сказал: «Мне не нужна война». Что значит диалект.

Параллельно с нашей группой, по одному туристическому маршруту, передвигалась группа из Витебска, и на курорте мы оказались с ними в одном отеле. Мы подружились, потому что, и на пляже места у нас были рядом, и в столовой.

Время я проводил с Виталием, учителем физкультуры из Лунёвской средней школы. У Александра Апишева, руководителя группы, были свои дела, - я с ним делил номер, - а про две семейные пары нечего говорить. В один из вечеров мы с учителем взяли бутылку водки. Третий, кто мог составить нам компанию, был врач-нарколог, Зеленев Николай Михайлович из Солнечногорской ЦРБ. В фойе мы увидели молодого болгарина, который не раз приходил в нашу гостиницу, потому что ему понравилась одна белорусская девушка. Встречались они, или нет – не знаю. Его звали Коля, и мы его пригласили к себе в номер. Разлив пол-литра «Столичной» на четверых, и произнеся тост за советско-болгарскую дружбу, мы выпили водку до дна, все, кроме гостя. Он растерянно смотрел на наполовину наполненный стакан. Я ему сказал:

- Коля, не смотри на нас. Выпивай, как можешь.

Он опорожнил стакан за четыре раза.

Виталию очень хотелось познакомиться с француженками. В отеле «Бургос» жили представители Западной Европы: англичане, немцы, французы, но, туда не пойдешь же, как болгарин Коля ходит к нам. Деньги мы с Виталием потратили, ресторан не посетишь, а там после 23 часов начиналась ночная жизнь: музыка, танцы. И вот, мы прогуливаемся по дорожке вдоль ресторанов, а впереди нас идут две стройные женщины, элегантно одетые.

- Догоним, - предложил Виталий.

- Я в Союзе к незнакомкам на улице не обращаюсь, а ты хочешь, чтобы я здесь к ним приставал, - ответил я.

Учитель физкультуры ускорил шаг и поравнялся с женщинами. Они остановились. Когда я к ним подошёл, то Виталий сразу обратился ко мне:

- Вить, ты английский знаешь, спроси их.

Надо сказать, что эти женщины, так изящно выглядевшие сзади, были на лицо просто некрасивы.

- Ду ю спик инглиш? – произнёс я, вроде, всем известную фразу.

- Но, - с непонятным акцентом ответили мне.

Я других языков не знал, но спросил на всякий случай:

- Шпрехен зи дойч?

- Но, - снова.

- Ху а ю? – спросил я снова по-английски, полагая, что им известна эта фраза.

Однажды, даже Михаил Горбачёв ляпнул в своём выступлении: «Кто есть ху» (кто есть кто).

- Франс, - произнесли женщины.

Больше я ничего спросить не мог. Виталий жестами попросил у них сигарету, хотя не курил, и мы пошли дальше. Я его спрашиваю:

- Ну, что, познакомился с французенками? Убедился, что красивей русских женщин нет?

Надо сказать, что наши женщины на самом деле нравятся за границей. Кроме Коли, другие мужчины, болгары, подходили к нашей группе на экскурсиях, и выражали симпатию к ним. Любопытно, что разговаривая с болгаркой, которая дежурила за стойкой в нашем отеле, мы слышали иное мнение.

- Мужчины у вас красивые, а женщины не очень, - сказала она.

Мы с Виталием договорились оставить денег столько, чтобы в оставшиеся дни мы могли бы на вечер купить бутылку водки, или две бутылки вина. С этим не стыдно приходить в гости. Три лева было достаточно. В тот вечер мы выпивали вдвоём. Он мне сказал, что договорился с Надеждой и Таисией, из Витебска сходить к морю ночью, им этого очень хотелось, а идти одни они боялись. Ближе к полуночи мы зашли к ним в номер, и они стали собираться к походу. Но когда девушки были готовы, Виталий вдруг заявил, что никуда не пойдёт. Надя и Тая, посмотрели на меня.

- Пойдём, пойдём, - пожалел я их.

Мне было не понятно решение товарища, - сам же договаривался, - но я ему ничего не сказал.

Но когда мы вышли из моря света, исходящих от отелей, ресторанов, и окунулись в чернила южной ночи, я уже начал сомневаться в правильности своего решения. Виталий, всё - таки, был боксёром. «Может поэтому и повёл себя так не адекватно, да плюс водка ударила в мозги»? – подумал я. На море в темноте слышалась мужская иностранная речь, сквозь шум бьющих о берег волн. Тая, девушка лет двадцати, от нас с Надеждой пару раз отходила. Надежда была постарше, замужем, и у неё была четырёхлетняя дочка. Она была удивительно похожа на актрису Вию Артмане: глаза, причёска, открытый лоб, и она была латышка по национальности. Я был первый раз за границей, и за них беспокоился.

- Скажи ты Таисии, чтобы не отходила, - обратился я к Наде.

А та уже приближалась к лодочной станции, напротив отеля «Бургос», где было какое-то освещение. И к ней подошли двое мужчин. Я хотел направиться в их сторону, но увидел, что они все трое идут к нам. Один из парней, обратившись ко мне, стал подбирать русские слова, но я ему сказал, что говорю по-английски. Это были молодые люди из Великобритании.

- Вы нас извините, мы с другом выпили бутылку вина, и пьяные, - начал объясняться англичанин на родном языке.

- Ничего, - отвечаю я на их языке, - мы с другом выпили бутылку водки, и нормально.

- О, водка! Мой отец был в Уренгое, и привёз оттуда сибирский напиток, «Северное сияние» называется. Наливаешь полстакана водки, и туда же шампанского, выпиваешь и падаешь, - рассказал мне он.

- Не водки, - поправил я его, - а питьевого спирта, 56 градусов. И почему падаешь? Совсем нет.

- Мне нравятся русские женщины. Я бы хотел бы жениться на русской женщине, - продолжал делиться со мной англичанин.

Я, зная, что мои спутницы не понимают о чём идёт речь, пошутил:

- Пойдём к свету, ты увидишь, что они не настолько красивы, как ты говоришь.

Мне не хотелось, чтобы наши девушки выходили замуж за иностранцев. Они действительно лучшие.

- Нет. Они красивые, - не согласился со мной житель Лондона.

Этого англичанина я понимал буквально, как будто я находился на уроке английского языка. Я его спросил:

- Как правильно говорить: Лондон или Ландон, как нас учили в школе?

- Лондон, - был ответ.

И он меня тоже удивил, сказав, что не любит американцев. Вот это союзники!

- Я был в Ливане, когда туда высадился американский спецназ, - стал рассказывать парень, - на моих глазах американец выстрелил из пистолета в голову ливанца. Зачем?

«Why»? прозвучало у него так убедительно, что не вызывало никакого сомнения в его искренности. Англичане предложили нам пойти в ресторан, но я с ними попрощался. Неудобно было вести диалог, когда девушки в этом не участвовали.

Таисия у отеля снова нас оставила один на один с Надей, уйдя в номер, но я деликатно удалился. Не знаю почему. Не то, чтобы Надежда мне не нравилась, скорее наоборот, а через два дня мы уезжали на родину.

Николай Михайлович что-то не понял на инструктаже в Солнечногорске, и перестраховался: тридцать пачек сигарет привёз в Болгарию россыпью, в пакете. Ему женщины для удобства дали коробку из-под конфет, не ходить же с пакетом, как с торбой. Но и коробку в карман не положишь, поэтому он, как курица с яйцом, ходил на пляж, неся сигареты в руках вместе с полотенцем. И пока он остужался в морской воде, коробка лежала на берегу, а курящие женщины потихоньку лишали его этих сигарет. И вот до отъезда у него они закончились, как и болгарские левы. Уши пухнут, так хочется курить, а купить не на что. Хочешь, не хочешь, надо «стрелять». Как раз приехала группа туристов из Украины, и они расположились на пляже рядом с нами. Николай Михайлович с завистью наблюдал за украинцами, которые курили, играя в карты, и вели себя шумно. Он не выдержал.

- Вить, подойдём к ним, я стрельну сигаретку, - попросил он меня.

Зеленов был роста ниже среднего, черноглазый и черноволосый, больше похож на молдаванина. Прикрыв глаза солнцезащитными очками иностранного производства, он подошёл к играющим в «козла».

- Рашен? - произнёс он, нависая над игроками.

Хлопцы, побросав карты, вскочили на ноги, и наперебой, подтверждая своё происхождение, начали повторять: «Рашен, рашен».

- Ребята, дайте закурить, - попросил Николай Михайлович.

Разочарованию не было предела. Соотечественники, ругаясь и плюясь, опустили на горячий песок. Но сигарету дали.

В день отъезда, после ужина, нас на автобусе довели до Варны, и мы сели в поезд вместе с группой из Белоруссии. Болгарские пограничники сделали мне отметку в паспорте перед румынской границей, и я пошёл в купе к Николаю Михайловичу и Виталию, в другой конец вагона, отметить отъезд. Не успели мы разлить пол-литра, как поезд снова остановился. Город Варна оказался гораздо ближе к Государственной границе с Румынией, чем город Руси.

- Давай разливай, и я пойду к себе, - говорю я Зеленову.

При проверке вагонов сотрудниками погранслужбы надо было находиться на своих местах. Не успели. Только Михалыч разлил водку по стаканам, как открылась дверь и нарисовались два румынских пограничника. Николай Михайлович держа в ладони стакан, сразу предложил его первому румыну:

- Будешь?

- Можно, - не задумываясь, по-русски, ответил пограничник, и стоя, выпил содержимое, тоже по-русски.

Я ретировался к себе в первое купе и, когда получил отметку в паспорте, вернулся обратно продолжить междусобойчик. Николай Михайлович разглядывал свой загранпаспорт.

- Вить, покажи свой паспорт, - попросил он.

Он сравнил свою страницу в паспорте со страницей в моём паспорте, и обнаружил, что у него не хватает одного штампа: въезда в Румынию из Болгарии.

- Румын подумал, что ты нелегал, и за стакан водки закрыл на это глаза, - успокоил я его. - Таможня дала добро.

- Как думаете: при выезде из Румынии в Советский Союз меня не спросят: как я сюда попал? – спросил он нас с Виталием.

- Могут и спросить, - предположил учитель.

- Ты ещё стакан с водкой приготовь, и тогда проскочишь, - посоветовал я доктору.

Время уже было за полночь, наш вагон погрузился в сон, Зеленов направился в вагон-ресторан, а я пошёл к белорусам попрощаться, они должны были в 4 часа утра сходить с поезда в Киеве. Николай Михайлович нашёл меня через полчаса, и позвал:

- Вить, тебя руководитель зовёт.

Оказалось, что меня звал не Апишев, а Надежда, которая стояла в нашем вагоне у окошка. Зеленов увидел её с Таей в вагоне-ресторане за столиком, и он с ними пил шампанское. Выпили шесть бутылок. Надя сама расплачивалась, и попросила его, чтобы он позвал меня.

- Стыдник, за мной майоры и полковники бегают, - стала укорять меня Надя своим неподражаемым прибалтийским акцентом. - Я к англичанам на свидание не пошла из-за тебя, а они миллионеры.

Передо мною стояла молодая Вия Артмане из кинофильма «Эдгар и Кристина», во всей красе, и я сдался, привлекая её к себе. Мы вышли в тамбур, и минут через двадцать, оторвавшись от моих губ, она сказала:

- Хочешь, я к тебе приеду в Москву?

- Каким образом? – спросил я.

- Очень просто. Я скажу мужу, что поеду к тётё, куплю билет в Ригу, а сама возьму другой билет, и полечу до Шереметьево.

- А как же муж?

- Я ему родила дочку, он рад без памяти, и счастлив на всю жизнь, - ответила она мне.

Что я мог ей сказать? Прилетит она, а дальше? Куда я её приглашу? С другой стороны, после встречи будет же расставание, а я всегда об этом думаю. А какие чувства будут после разлуки? Она расстегнула мне рубашку и стала целовать, начиная с шеи. Я до сих пор думал, что так ласкают только женщин. «Почему я не пошёл навстречу Надежде на курорте», - промелькнуло в голове. Мы подъезжали к Киеву, где группа из Белоруссии пересаживалась на свой поезд. Надежде надо было собрать чемодан. Свидание в тамбуре под стук колёс подошло к концу, без всякой надежды на встречу с Надеждой в будущем.

Я уже учился на 4-м курсе юридического факультета, и за это время учёбы сменились три Генеральных секретаря ЦК КПСС.

В 1982 году, после смерти Леонида Брежнева, на пост Генсека СССР был назначен Юрий Андропов. Он с большим рвением приступил к борьбе с тунеядцами, прогульщиками и спекулянтами. Андропов прожил недолго, и после его смерти, Генеральным секретарём был избран Константин Устинович Черненко. «Переход на старые рельсы», - прозвали в народе этот период. Из-за слабого здоровья он был у власти всего один год, и после его смерти, в марте 1985 года к руководству партией и страной приступил Михаил Сергеевич Горбачёв. Перестройка, гласность, ускорение. Сразу сочинили анекдот:

«Михаил Сергеевич приехал на предприятие, смотрит: рабочие тачками перевозят землю, а один из них бежит туда-сюда с пустой тачкой. Он его останавливает и спрашивает:

«Ты чего бегаешь»? «Ну, как же? Ускорение», - отвечает рабочий. «А чего тачка пустая»? – спрашивает Горбачёв. «Нагружать не успевают»!

Но я Горбачёву поверил: «новое мышление» обещал.

Из Солнечногорского ОВД к нам перешёл Паршиков Виктор Иванович, капитан милиции, он был участковым инспектором в посёлке Поворово, а Поворово был ещё тот участок. Но Виктор Иванович пользовался уважением и, когда заходил в клуб, где протекала бурная жизнь - кто танцевал, кто хулиганил - то молодёжь сразу притихала. «Паршиков, Паршиков», - передавалась по толпе. Он не таскал нарушителей общественного порядка в околотов, находил другие методы. Рассказывали, как мужики, сообразив на троих, расположились на природе. Только разлили по стаканам водку, тут Паршиков. Он сел к приятелям, выпил до дна налитый стакан и, закусывая, начал проводить беседу о недопущении распития спиртных напитков в общественном месте. Потом второй стакан, и третий.

Если наши ребята с ним выпивали, то Паршикову наливали последним, потому что, когда он выпивал первым, закуски уже не оставалось. Виктор Иванович мне рассказывал, что однажды он стоял на платформе и его толкнули под электричку. Он успел откатиться под платформу.

Но главная легенда о Владимире Ивановиче – «17 стаканчиков», когда на спор он выпил семнадцать стаканов вина. Паршиков был крупным мужчиной и обладал соответствующей силой. У нас он занимался хозяйственной деятельностью, и часто ездил в Солнечногорск в отдел милиции с отчётом в бухгалтерию. И вот, Володя Пономарёв, неся службу на посту 65 км вместе с Тихоновым, решил проверить эту легенду. В комнате отдыха он припрятал десяток бутылок вина и, когда Виктор Иванович вернулся из отдела внутренних дел к посту, чтобы остановить попутную машину до Пешек, Пономарёв поднял эту тему:

- А правда ли, Владимир Иванович, что ты можешь выпить 17 стаканов вина без закуски?

- Наливай, выпью.

Поспорили они на литр водки и приступили к делу, пока Володя Тихонов правил службу. Пономарёв открывал бутылки креплёного вина, наливал в гранёный стакан и вёл счёт. Допив семнадцатый стакан без перерыва и без закуски, Владимир Иванович сказал:

- Ну, мне пора. Надо ещё к командиру зайти.

Зам. командира дивизиона, Виктор Павлович Волков, приехал на пост 49 км с проверкой. Алексей Степаненко находился на перекрёстке, а Виктор Павлович прошёл в помещение поста. Проверая свой участок от Солнечногорска до 49 км, после Виктора Павловича приезжаю на пост я. Лёша открыл книгу приёма и сдачи и прочитал: «Проверил несение

службы инспектора Степаненко А.В., работал на перекрёстке. Сделано замечание: не подметён пол». И Лёша Степаненко говорит мне:

- Вот, смотри, Вить: десять лет в школе, четыре в техникуме, шесть лет в университете. Двадцать лет учёбы. И зачем?

- Зачем? - спрашиваю я, не понимая, к чему он клонит.

- Чтобы приехать с проверкой к инспектору и написать в журнале: «На посту грязно», - ответил Алексей.

Волков окончил юридический факультет университета, в котором учились я с Тихоновым.

Работаю я на посту 49 км, по радиации связывается со мной Степаненко.

- Сорок девятый.

- Слушаю, - ответил я.

- Мне на пост должны привезти аппаратуру, от которой я оставляю одну арматуру. Прими.

- Хорошо.

В обед останавливается машина «Газ-53» из совхоза «Майдарово», - Лёшка сам жил в этом посёлке, - и водитель несёт мне на пост увесистую картонную коробку.

- Степаненко просил привезти, - сказал он, опуская коробку на пол.

- А что там? - спрашиваю я, - что за аппаратура?

- Куры, - отвечает водитель.

Я открыл коробку, там лежали тушки птицы.

Лев Шватров с поста 47 км кричит по радиации:

- Сорок девятый. На тебя идёт красная «пятёрка», я водителю - свисток, жезл, а он фарами поморгал, и ноль внимания.

В эфир вышел Владимир Фадеев, он работал на служебной машине на подвижном посту:

- Ну, как же ноль внимания? Он фарами-то поморгал.

Еду я на работу с калининским водителем, и он мне рассказывает:

- На той неделе останавливает меня в Дурыкино инспектор. Проверил документы, и я поехал дальше в Москву. В Чёрной грязи он опять мне машет жезлом: «Остановиться». «Что за чёрт? - думаю, - Меня никто не обгонял, а как он здесь оказался?»

- Так это братья-близнецы Козловы. Они в одной смене работают - говорю я.

- Я уж потом догадался, что это были братья.

Один из братьев, Слава, работал на посту 49 км. Останавливается совхозная машина с капустой, конец сентября, как раз шла её уборка. «Наверно, что-то хочет спросить», - думает Вячеслав. Выходит водитель из кабины, вытаскивает оттуда четыре кочана, и несёт их на пост.

- Это что? - спрашивает Козлов.

- Меня на том посту остановили, и инспектор сказал, что вы капусту просили.

Ко мне в Солнечногорске на пост подошёл офицер из Монгольской Народной Республики, слушатель курсов «Выстрел», с девицей, и попросил меня помочь ей доехать до Москвы. Его подруга осталась стоять в сторонке.

- Не беспокойтесь, она без вас замечательно доберётся, - ответил я на его просьбу.

И действительно, она махнула рукой, и «Волга» затормозила за постом. Она уехала, не попрощавшись, и монгол, кажется, был этим расстроен. Он поделился со мной своими впечатлениями о нашей стране:

- В Советском Союзе можно надеяться только на три «м»: на Москву, на метро и на милицию.

Батальон ДПС, здесь служба моя,
Стою я в строю, как на параде.
Говорят, наша служба – прелесть одна:
Жезлом махнул, и уже в шоколаде.

XII

Служба в органах внутренних дел неотрывна от семейной жизни. А у меня непонимание. Ходил на курсы английского языка, жена недовольна. Хожу в читальный зал, надо выполнять межсессионные задания, смотрит с подозрениями. И главное, никогда не скажет в чём дело. Когда в первый раз с женой поругался серьёзно, шёл по улице, слёзы стояли в глазах от обиды.

С Таней я периодически общался по телефону. «Как дела»? Как жизнь»? У неё росла дочь, но она была разочарована семейной жизнью. Один раз я с ней договорился увидеться, и минут десять прошёлся с ней в 6-м районе Зеленограда, когда она утром гуляла, катая коляску с ребёнком.

Таня предложила мне встретиться. И у меня наступила усталость от немых упреков Любы. Я приехал в назначенное время и место, но Таня придти не смогла. Она всегда боялась попасться на глаза кому либо.

Наверно, к лучшему, потому что жена у меня впервые, и единственный раз, попросила прощения. А в сентябре она родила вторую дочь. Любе очень нравился фильм «Эдгар и Кристина», и она дочку назвала Кристиной. Правда, её поведения хватило на пару недель, потом всё вернулась на круги своя. То соседка что-то сказала, то её подруги меня с кем-то видели.

Иван Захаров позвал меня к себе на службу в МРЭО. Я, написав рапорт о переводе, зашёл к командиру, а Евгений Иванович мне его не подписал.

- Чего тебе там делать? Водку пить? Я тебя уже назначил командиром взвода. Так, что приступай к своим служебным обязанностям в смене Максимовича. И я приступил.

Сергей Галкин утром взял со стоянки у поста в Солнечногорске служебную автомашину «ВАЗ-2103» и поехал на работу в Пешки к 9 часам. У дивизиона он не сразу вышел из машины, стал перебирать документы. Из здания вышел Володя Комар, и быстрым шагом подошёл к Галкину. Спрашивает его:

- Серёж, ты в Солнечногорск едешь?

- Еду.

Володя обогнул машину, и плюхнулся на пассажирское сиденье рядом с Галкиным:

- Хорошо, а то я опаздываю,- облегчённо выдохнул он.

Они оба работали в штабе: Галкин в отделе дознания, а Комар был инспектором по организации дорожного движения.

Уложив бумаги в папку, Сергей выключил двигатель, и пошёл в здание дивизиона. Зайдя в свой кабинет, он уселся за стол. Минут через десять заскакивает Комар:

- Сергей, ты чего сидишь? Я опоздаю.

- Не видишь, работаю, - отвечает Галкин.

- Так, ты же в Солнечногорск собрался ехать?

- Поеду, после обеда.

- Что же ты мне сразу не сказал? – возмутился Комар.

- А ты не спрашивал.

Чертыхаясь, Владимир побежал ловить попутку.

27 июля 1985 года в Москве был открыт Всемирный фестиваль молодёжи и студентов, а праздник для ГАИ, повторюсь, что посевная для лошади. Дивизион перешёл на усиленный вариант работы. Для машин,

въезжающим в столицу, были введены специальные пропуска. На посту 33 км в Чёрной грязи была организована проверка таких пропусков сотрудниками дивизиона, а меня назначили старшим. Работали в 12-ти часовом режиме: я каждый день, инспектора по графику. У них есть выходные, у меня нет.

Приезжаю к 8-ми часам в Чёрную грязь, меня встречает Валентин Борисов:

- Тебя ждут, - предупредил он меня.

В помещении поста меня встретил сотрудник госбезопасности. Первым его вопросом ко мне был:

- Почему у вас машина проехала в Москву?

- Когда? – спросил я.

- Вчера вечером.

- Проехала наш пост? – переспросил я.

- Да, - ответил сотрудник.

- Не может быть.

- Но, ведь, проехала, - утверждал офицер КГБ.

- Я уверен в своих сотрудниках, не могла машина проехать без проверки, - сказал я, и уточнил, - Откуда она ехала?

- Из Солнечногорска, - сказал офицер.

- Ну, из Солнечногорска Чёрную грязь где хочешь можно объехать, - сказал я ему.

- Где, например? - спросил он меня.

- Через Крюково по Пятницкому шоссе, или, если по «ленинградке» ехать, то повернув на 41 километре, въезжаешь в Зеленоград. А там можно выехать в Фирсановку, и через Сходню, проехать в Химки, - объяснил я.

Сотрудник КГБ был удовлетворен ответами, и попрощался. А что за машина проехала в Москву, не сказал.

А дело было так. Водители Солнечногорского ГАТП, вернувшись в гараж после рейсов, на стоянке выпивали компанией, и желающие присоединиться подходили к столу со своим «материалом». Ну, и разговоры, разговоры. Никто не заметил, как молчаливый Володя Берзин поднялся и пошёл к своей машине, «ГАЗ-53». Он завёл её и тронулся в направлении заднего двора. Никто не обратил внимания: мало ли, - перегоняет машину в другое место.

А Берзин подъехав к задним, запасным, воротам, открыл нехитрый замок, выехал на другую улицу, а затем на Пятницкое шоссе. Он действительно, объезжая посты ГАИ, въехал в Москву. Берзин проехал на продуктовой машине в центр столицы по улице Горького, и к Кремлю

подъехал со стороны Боровицких ворот. И вот, в эти открытые для пешеходов ворота, в которые только один раз въезжал на автомобиле Ленин, Владимир Берзин въехал на грузовой машине «ГАЗ-53». У него была цель: попасть к Генеральному секретарю ЦК КПСС, Горбачёву, и рассказать ему, как неправильно мы живём. У ворот Кремля была натянута цепь на уровне 30 см от земли, которая не могла быть препятствием для машины, как и служба охраны в штатском. Охранники не знали, что может находиться в фургоне машины, поэтому боялись открывать огонь. А Володя не знал: в каком здании сидел Михаил Сергеевич, и начал ездить кругами по кремлёвской площади, пока не был остановлен на третьем кругу.

Берзину подыскивали статью в уголовном кодексе, и осудили на три года лишения свободы за хулиганство. А ему, ведь, надо было медаль давать, с учётом роли Горбачёва в истории страны. Поступок Владимира кричал:

«Неверной дорогой идёте, товарищи!»! - перефразируя опять же Владимира Ильича.

С Валентином Борисовым я работал на посту 47 км: он в помещении, я на перекрёстке. По очереди. Останавливаю за нарушение порядка передвижения легковую машину дипломатического корпуса ФРГ. Пригласил водителя в помещении поста, и говорю Валентину, чтобы он составил акт произвольной формы. Административный протокол составлять было нельзя, так как все сотрудники Западной Германии, на основе взаимности, пользовались дипломатической неприкосновенностью.

Я вышел снова на перекрёсток. Прошло минуты три-четыре, я оглянулся на пост, смотрю, а инспектор и немец, оба стоя, о чём-то спорят. Почувствовав не ладное, я поспешил к ним. Открываю дверь и слышу слова гражданина ФРГ:

- Почему вы со мной так разговариваете?

- А как я с вами разговариваю? Не так же, как в 41-м, - выразился Борисов.

- Что? Мне ваши слова передать послу? – вспыхнул дипломат. – Я родился только в 48-м году.

Я еле погасил конфликт, об акте уже не могло быть и речи.

- Ещё раз извините, - сказал я немцу, отдавая ему документы.

- Валь, ну, что ты, в самом деле? – обратился я к напарнику. – Это же международный скандал.

- А что обидного я сказал? Я же не сказал: «Сорок пятый». Это, впопору, мне обижаться, - парировал Борисов.

Работая на подвижном посту, я из Пешек на попутной машине подъехал на 49 км, где на посту нёс службу Лёва Шватров. Смотрю: на правой обочине стоит микроавтобус с французскими номерными знаками, и интуристы стояли возле него. А около Шватрова на перекрёстке стоит девушка, явно из их компании. Мы с ней одновременно начали переходить дорогу навстречу друг другу. Я знал, что Лев в школе учил немецкий, и, подумав, что француженка с ним не могла найти общего языка, я, встретившись с ней на середине дороги, спросил её по-английски:

- What the metter? (Что случилось)

Она посмотрела на меня и ничего не сказала. За спиной послышался дружный смех. Подхожу к Шватрову, и спрашиваю его:

- Что она хотела?

- Ничего не хотела. В туалет ходила, - ответил Лёва.

Я, вместе с сотрудниками штаба, поехал в Москву на склады за обмундированием на «РАФ-977», за рулём которого был Евгений Завалкин. Поздняя осень, гололедица. Великов Александр Сергеевич, сменивший Завалкина, его предупреждает:

- Жень, не гони, скользко.

- Не бойсь, Сергеич, мастер за рулём, - отвечает ему Завалкин.

Проезжаем Зеленоград, Великов опять говорит Евгению:

- Не гони, скользко же.

- Александр Сергеевич, я автошколу в Каунасе прошёл, главное – приём: «носок-пятка».

Проезжаем Кирилловку, Великов снова предупреждает Завалкина, а тот уже ответить не успевает. Наш «РАФ» подрезала «Волга», и микроавтобус несёт на опору Шереметьевского моста. Надо сказать, что под мостами при низких температурах всегда скользко.

Как Женька ушёл от наезда на препятствие? Наверно, помог каунасский приём, когда стопа правой ноги лежит на двух педалях, но Александр Сергеевич высказал всё, что думал о действиях напарника. Хорошо, что в машине не было женщин.

В феврале 1986 года состоялся XXVII съезд КПСС, где впервые нарисовался Борис Николаевич Ельцин, став 1 секретарём Московского городского комитета партии, где у него проявилось несогласие с

Горбачёвым. Тогда я однозначно принял сторону Горбачёва в его споре с Ельцином. А меня в дивизионе приняли кандидатом в члены коммунистической партии.

Иван Захаров снова позвал меня к себе на службу:

- Вить, на пенсию проводили Семёна Панкратьевича. Мне нужен свой человек в МРЭО. Давай ко мне, председателем комиссии.

Я снова с рапортом к командиру, а Евгений Иванович опять меня не отпустил, сказав:

- Я послал документы в Управление ГАИ на выдвижение тебя начальником смены. Так, что готовься принять её у Сафронова, он переходит в дежурную часть.

В Управлении ГАИ меня представили начальнику МРЭО УГАИ Московской области, Сергею Тимофеевичу Пастернаку.

- Подсидел начальника? – встретил он меня такими словами.

- Мне надо было отказаться? – ответил я вопросом на вопрос.

- Да, нет, конечно.

В апреле 1986 года дивизион был переименован в 1-й специализированный батальон ДПС, а я вернулся в свою смену, возглавив её. В нашем подразделении снова прошла реорганизация. Мы перешли на 12-ти часовую рабочую смену: с утра – с 8 до 20 часов, и в ночь – с 20 до 8 часов. Впервые экипажи служебных машин круглосуточно контролировали дорогу.

Поначалу, это явилось полной неожиданностью для местных водителей, которые до этого вольно себя вели в ночное время, объезжая стационарные посты ГАИ. Край не пуганых ворон. В дивизионе были машины скрытого патрулирования, и это способствовало задержанию десятков водителей, которые управляли автомашинами в состоянии опьянения, или имели другие грубые нарушения.

Как правило, в ночную смену я находился в экипаже со старшим лейтенантом милиции Владимиром Клиновым на «ВАЗ-21011», обычной окраски белого цвета, с усиленным двигателем. Мы с ним работали в Клинском кусту, а второй экипаж смены прикрывал Солнечногорские участки дорог. Как правило, Владимир, находясь за рулём, преследовал нарушителя на машине, если водитель не останавливался, а я вынужден был ногами догонять, если водитель бросал машину и убегал. Осечек не было.

В три часа ночи мы подъехали на пост на Большом бетонном кольце Клин-Волоколамского направления, что находился у

комбикормового завода, чтобы попить чаю. В это время со стороны Высоковского выехали мотоциклисты, человек двадцать, и проследовали в центр города. Мы за ними не гонялись, потому что молодёжь, может не справиться с управлением и разбиться. Но тут они нас задели. Ехали бы тихо со своих гулянок, так ведь нет, начали громко сигналить, проезжая мимо поста.

- Проучим? – спросил меня Клинов.

- Проучим, - согласился я. – Чай пусть остынет.

Мы подождали, когда за поворотом скроется последний мотоциклист, и выехали за ними. Мы их быстро нагнали у моста через железную дорогу. Из группы они начали разъезжаться по одному, сворачивая на перекрёстках в ту, или иную сторону по своим домам.

- Кого выберем? - спросил Владимир.

- Давай, вон того, - показал я на красную «Яву».

Мы проехали за мотоциклистом несколько улиц, и когда он заглушил мотоцикл у своего подъезда, подъехали к нему. Надо было видеть его глаза.

В другой раз, работая в ночь в Клину, наше внимание привлекла автомашина «ВАЗ-2107», которая на большой скорости выехала с прилегающей улицы на Ленинградское шоссе в сторону Твери. Время было около полуночи. Мы её догнали у поворота на посёлок Майданово. В машине, кроме водителя, находилась девушка. Клинов узнал водителя, он жил в Клину. Это был местный, так называемый, «блатной». Водитель дал мне документы, выйдя из машины. Вдруг девушка, сидевшая на переднем сиденье, громко заявила:

- Он хотел меня изнасиловать.

- Да, ты чего, дура, говоришь, - возмутился водитель, явно, испугавшись.

- Так, больше ни слова, иначе, ваши слова могут быть направлены против вас, - пресёк я его, уподобляясь американским полицейским. И обратился к его пассажирке:

- Девушка, выходите из машины, и пересаживайтесь к нам на заднее сиденье.

Сев за руль, я включил освещение в салоне, и повернулся к ней. Клинов тоже сел в машину, рядом со мной. Водитель в это время нервно мерил шагами расстояние между стоящей машиной и шоссе.

- Он действительно хотел вас изнасиловать? – спрашиваю я.

- Да, - подтвердила она.

- Рассказывай, как это было, - говорю я девушке, довольно молодой и милостивой.

Она была в лёгком плаще с непокрытой головой. Трезвая. Девушка замялась.

- Рассказывай, - повторил я.

- Он с меня снял джинсы, - заявила она.

- Расстегни плащ, - предложил я.

- Я не могу.

- Расстёгивайся, не стесняйся. Мы, ведь, как врачи.

Девушка расстегнула нижнюю пуговицу на плаще и раздвинула полы. Под низом оказалась короткая джинсовая юбка. Она сама, видимо, такого не ожидала, сразу прикрыв обнажившиеся колени. Я в окно подозвал водителя и отдал ему его документы:

- Вы можете ехать.

- Вы что же это делаете? – обратился я к девушке. – Вы знаете, что за клевету есть уголовная статья.

- Извините. Мне надо было ехать, а денег не было. Вот я его и попросила. Он согласился, но сказал, что за это я его должна ублажить, - стала оправдываться девушка. - А я не хочу.

- А если бы не мы, то ты бы его ублажила? – спросил я.

- Он сказал по-другому его ублажить. Раздеваться было не надо.

Молодая дурочка. Мы её довезли до общежития.

Мне было три года, когда родители развелись, и я увидел отца только в 1979 году, поехав к нему в Челябинск. И вот, Матвей Яковлевич приехал ко мне с обратным визитом.

В подразделении состоялось встреча личного состава с делегатом съезда. Я отца взял с собою на работу, чтобы не скучал. Делегат на трибуне, руководство в президиуме, я хожу с фотоаппаратом. Юрий Иванович Подъячев сменил Волкова на должности заместителя командира батальона по службе, и сидел на собрании в президиуме. Среди мундиров один Матвей Яковлевич в гражданской одежде, сидел на заднем ряду.

Минут через десять после начала выступления делегата, смотрю: отец встал и пошёл к выходу. Я думал: он вернётся, но нет, ждал меня внизу, у дежурной части. На мой вопрос: «Ты чего ушёл»? Я получил неожиданный ответ:

- Я эту брехню часто слышал.

Я не разделял его мнения, но промолчал. После собрания Подъячев подошёл ко мне и сказал:

- Вот такой у тебя отец, вот такой, - и он поднял большой палец. – Этот толкает речь о застое, а он встал и ушёл. Молодец!

В июле 1986 года в Москве проводились «Игры доброй воли», снова усиленный вариант работы, и меня снова назначили старшим по проверке автотранспорта и пропуска его в столицу. На этот раз - на пост 47 км.

20 августа 1986 года в газете «Московский комсомолец» была напечатана статья про службу столичной Госавтоинспекции, в которой приводились письма водителей в редакцию, акцентируя внимание читателей на неправильные действия некоторых сотрудников ГАИ. Там был затронут и наш дивизион. Один водитель написал, что год назад он двигался на своём автомобиле в 5 км от Солнечногорска, в населённом пункте, со скоростью 63 км/час, и был остановлен инспектором, который потребовал с него 5 рублей. «И так, как я ему их не дал, моментально сделал просечку в талоне предупреждений», - писал водитель. А когда он заехал в дежурную часть 1 дивизиона в деревню «Псарьки», то дежурный не предоставил сведений об этом инспекторе.

Через неделю мне пришлось столкнуться с автором этой статьи. В мою смену на усиление прибыли Валентин Борисов и Владимир Гордеев, и я с ними приехал в Чёрную грязь. Пока я находился в помещении стационарного поста, Борисов остановил нарушителя ПДД: обгон с пересечением сплошной линии продольной разметки, и зашёл с нарушителем на пост. С водителем зашёл и его пассажир, молодой и наглый.

- Я вас не приглашал, - сказал Валентин пассажиру.

- Я начинающий водитель, - ответил молодой человек, - и хочу видеть, что меня ждёт за нарушение.

- Ну, смотрите, - согласился Борисов, и начал заполнять карточку учёта административного нарушения.

Подошёл второй пассажир, и когда инспектор ДПС взялся за компостер, то первый пассажир заявил:

- Вы действовали неправильно, - Вы должны были представиться, объяснить нарушение, а затем попросить документы, а вы представились и попросили документы.

На что Валентин ответил:

- Я действовал правильно и разговаривал с водителем на улице, а вы сидели в машине, и могли не слышать.

- Нет, я слышал, что вы представились и попросили документы, - настаивал тот.

- Позвольте, - вмешался я, - от того, что изменён порядок обращения, разве от этого освобождается виновное лицо от ответственности?

- Нет, - согласился молодой человек, - но нарушена Инструкция.

- Мы действуем в соответствии с приказом №340, - сказал я, и повернулся к водителю:

- У вас есть претензии к инспектору?

- Нет, никаких претензий нет, - ответил водитель.

- Ну, вот. Водитель будет наказан за нарушение, а вопрос о порядке обращения инспектора ДПС к водителю уходит на второй план, - заключил я.

- Ребята, не надо с ним спорить, - вмешался второй пассажир.

- А кто он такой? – спросил Борисов.

- Не важно: кто, но не надо с ним спорить, - повторил второй.

- Что тут спорить? У меня за 10 лет уже выработалось обращение к водителям, и порядок я знаю: что за чем говорить, - сказал Валентин, и взялся за компостер.

- Не надо колоть, - снова обратился второй пассажир, и показал удостоверение капитана милиции.

- Хорошо, я запишу ваши данные, - сказал Борисов, взяв листок бумаги.

Своё удостоверение протянул и молодой человек. Это был корреспондент газеты «Московский комсомолец».

- Вы читали три статьи о работе ГАИ в «Московском комсомольце»? Это я их написал, - похвалился он.

- А как же вы публикуете непроверенные факты, - возмутился я.

- Как, не проверенные? – спросил корреспондент.

- А так. Во-первых: нет деревни Псарьки, а дивизион – теперь батальон - находится в деревне Пешки; во-вторых: ни один инспектор ДПС не станет делать просечку в талоне за превышение положенной скорости в 3 км, - сказал я ему.

- Почему? – спросил он.

- Хотя бы потому, что есть указание заместителя начальника ГАИ Союза СССР, которое гласит: «в виду не совершенства измерительных приборов, предупреждения делаются в том случае, если скорость превышена не менее, чем на 10 км».

- Это мы проверим, - пообещал работник «Московского комсомольца».

- Чего уже проверять, если информация пошла в массы, - сказал я ему.- А вы, товарищ капитан, на каком основании участвуете в провокационных действиях водителя, - переключился я на второго пассажира. – У вас есть предписание на проверку?

- Мы действуем по устному разрешению начальника УВД Московской области, Шилова, - ответил сотрудник милиции.

Он тоже оказался корреспондентом, только нашей газеты «На страже».

- Сомневаюсь я, товарищ капитан, что Иван Фёдорович мог дать разрешение на такие ваши действия, - закончил я разговор этой фразой.

Вешаю очередной номер стенной газеты, подошёл Анатолий Николаевич Юдин, в то время временно исполняющий обязанности замполита:

- Здорово! Вот, как это у тебя получается? Я, например, так не могу. Ну, кто, кроме тебя, так может?

- Не льсти мне. Просто ни у кого нет желания, никому не надо, - отвечаю я ему. Проще прикинуться: «Ничего не умею. А, если заставят, сделаю кое-как, больше не поручат». Вот вся их стратегия. Так же некоторые подходят и к службе.

Наша стенная газета «На посту» в районном конкурсе в Солнечногорске заняла 3 место.

Опять «усиление», ждёт дома семья, День,ночь, воскресенье, а мы
всё в наряде,

Говорят: наша служба - прелесть одна,
Жезлом махнул и уже в шоколаде.

XIII

На малом бетонном кольце Ленинградско-Волоколамского направления снимался фильм «Прохиндиада, или бег на месте» с Александром Калягиным в главной роли. На съёмки был приглашён Иван Сон, который в самом конце фильма на милицейской машине увозил главного героя из Москвы. Для этого указатель «Поварово-3» заменили на «Улан-Удэ».

- Ваня, гони, - садясь в милицейскую машину, сказал герой фильма.

И дальше идут кадры с мчащимся по пустынной дороге служебным автомобилем «ГАЗ-24», проезжающего мимо этого дорожного знака.

Калягина-то Иван вёз, но в кадр попали только одни его глаза в зеркале заднего вида. На крупном плане за рулём машины сидел актёр, немного похожий на Сона. После съёмок снять вывеску, конечно, забыли.

Михаил Палий должен был выходить в ночь на пост 32 км Пятницкого шоссе, что находился на перекрёстке с бетонкой. С Клина он доехал до Дурыкино и стал ждать попутную машину, двигавшуюся в сторону Истры. «Камаз» с полуприцепом повернул на МБК, и Михаил залез в кабину. Задремал. Машину тряхнуло, он открыл глаза, кругом темнота, и в свете фар горит вывеска: «Улан-Удэ». Его прошиб пот: «Может сон, но, вроде, не сон».

- Ты куда меня завёз? - обратился Палий к водителю.

Во время службы, проезжая по Солнечногорску с Клиновым, мы увидели, как двое мужчин, не по-советски одетые, стоят лицом в сторону электромеханического завода, и один из них фотографирует. Проверяем документы – военнослужащие из Индии, курсанты Высших офицерских курсов «Выстрел». На наш вопрос они ответили, что снимали красивый закат. Закат-то закат, но закат над заводом «СЭМЗ», а это «почтовый ящик». Не положено. Связались с Москвой, получили указание передать индусов и фотоплёнку представителям курсов «Выстрел», что мы и сделали, прибыв на пост 65 км.

Тёплый солнечный день. С поста 32 км Пятницкого шоссе передали, что остановлен микроавтобус, серия «К» в номерном знаке, принадлежащая Норвегии, входящей в НАТО. Я выехал туда с Иваном Сон, который был закреплён за служебной автомашиной «ГАЗ-24». Водитель микроавтобуса предъявил мне норвежское национальное удостоверение на английском языке. Фамилия его была Ширлинг. «Ширлинг, Беринг, Сальминг – варяги», - подумал я. Машина принадлежала женщине, корреспонденту норвежского телевидения, которая сидела рядом с водителем. Ширлинг сказал, что она его жена. Пятницкое шоссе было закрыто для проезда иностранным гражданам, а они ехали со стороны Истринского водохранилища.

Я, взяв документы у женщины, сообщил ей, что на неё будет составлен протокол о нарушении правил передвижения по дорогам СССР, и прошёл на пост. Водитель и пассажирка остались в машине. Связь с дежурной частью была только по радиостанции. Я передал данные нарушителей дежурному Комову, и начал заполнять бланк протокола на корреспондента норвежского телевидения. Комов несколько раз вызвал меня, чтобы уточнить то одно, то другое. Я понимал, что дежурный

связывался с Москвой, и мы общались, как по испорченному телефону. - Вы можете сразу сказать, какие данные необходимо выяснить, а не дёргать по каждому вопросу? – сказал я, уже раздражаясь, - я и так этого еврея не пойму, тёмный какой-то.

Составив протокол, я подошёл к подданной Королевства и предложил ей подписать его. К моему большому удивлению она дала на это согласие. Иностранцы обычно никогда не подписывают протоколов.

- Могу я написать в протоколе своё замечание, - спросила она.

- Конечно.

Получив обратно подписанный документ, я предложил им следовать за нами в сторону Ленинградского шоссе.

Я стал читать протокол, а там её рукой было написано: «Выражаю протест, что сотрудник милиции назвал моего мужа евреем». Я понял, что мой разговор с дежурным прослушивался. Наша «Волга» с открытыми окнами стояла возле микроавтобуса, и нарушители режима передвижения слышали всё, о чём мы говорили с дежурным.

- Ты действительно назвал его евреем, - спросил меня Подъячев через несколько дней.

- Юрий Иванович, я, во-первых, не знал, что он слушает, а во-вторых, я думал, что он скандинав. Евреем я его назвал, потому что он похож на еврея. И потом, если он действительно еврей, то, что здесь обидного? Я же не жидом его назвал. Мы русские, а он еврей.

- Да, я всё понимаю. Только вместо благодарности тебе объявили выговор в приказе. Надо было оказывается и на водителя составить протокол, - сообщил мне Юрий Иванович.

- А что же мне никаких указаний не дали, если он у них на крючке?

Не прошло и месяца после этого случая, и я, находясь дома, переключил телевизор на программу ТВЦ, а там даёт интервью этот самый, Юрий Ширлинг. Он, оказывается, был режиссёром в московском театре имени Маяковского.

У меня состоялась беседа с Александром Зуевым, недавно избранным парторгом смены: как повысить активность инспекторов во всех сферах деятельности – от службы, до отдыха, и прежде всего коммунистов и комсомольцев. Начальники смен в первую очередь опирались на партактив. Пришли к выводу, что надо распределить обязанности среди них и спрашивать о проделанной работе. Зуев мне поведал о ненадёжности инспектора Кулакова, к которому надо бы присмотреться.

- Он на своей машине халтурит, и продаёт водку. Принесёт он нам неприятности, - поделился со мной Александр.

Смена у меня была хорошая. Правда, при мне потеряли Николая Сапко: на него написала жена жалобу, и его уволили за недостойное поведение в семье. Мне было легко работать, так как я получал поддержку от инспекторов, и, к тому же, я их всех знал и дружил. Сергей Пелёвин жил, как и я, в микрорайоне Рекинцо, мы ходили в гости друг к другу, периодически посещали баню в городке курсов «Выстрел». Иван Сон и Александр Зуев цементировали коллектив, два ветерана: Великов Александр Сергеевич и Богнат Николай Иванович, помогали, как наставники молодых инспекторов. Из штаба к нам в коллектив перевели Льва Журавлёва. Опыт и молодость сбалансировали смену. С Виктором Есаковым я вместе в 70 году поступил на службу, и он у меня гулял на свадьбе.

Но, как говорят: в семье не без урода, был один, сам себе на уме, инспектор, с которым пришлось повозиться. Как-то мне знакомый пожаловался на сотрудников батальона. Почти всегда, когда встречаешься со знакомыми, или вновь знакомишься с кем-то, обязательно затронут тему по дорожно-патрульной службе. Все же являются участниками дорожного движения в том, или в ином качестве.

- У меня умер отец, - начал рассказывать он, - я ехал из Москвы на своей машине в деревню, чтобы сообщить матери об отце, они в разводе. Меня остановили на посту у монумента, за превышение скорости. Оштрафовали.

- Ты говорил инспектору, что у тебя случилось? – спросил я.

- Говорил. Я телеграмму показывал.

- Талон на штраф тебе инспектор выдал?

- Нет.

Я проверил по журналу расстановку личного состава на это число, и оказалось, что этот инспектор из моей смены, на которого указывал Зуев. Я его спрашиваю:

- Петь, я тебе делал предупреждение, когда ты на посту загнал на площадку «Камаз», и сунул ему в выхлопную трубу прибор для проверки СО-2, тогда, как двигатель на нём стоит дизельный?

- Предупреждал, - согласился он.

- Я тебя предупреждал, когда я тебя в наряде поставил «под флаг» в Солнечногорск к исполкому, а ты оказался с Николаем Ивановичем Богнатом в Кирилловке, за тридцать километров от своего места дислокации?

- Да пошёл он, председатель исполкома. Придумал: охранять его, там никакой работы нет.

- А какая у тебя работа? Нарушителей ловить за скорость прибором «Spidgan» с автомашины? У нас же и другие функции существуют. Ты же знаешь, что я понимаю: какая работа тебя интересует и, что ты радеешь далеко не за службу. И что это за вопросы ты задаёшь водителям: «Кто хозяин на дороге? Угадаешь – не сделаю просечку в талоне». Угадал кто-нибудь?

- Нет, - угрюмо ответил он, понимая, что я всё знаю.

- Конечно, нет. Потому что у тебя бесприкрытый вариант. Человек, логично рассуждая, отвечает: «Вы хозяин». А ты ему с издёвкой: «Пешеход хозяин!» Знакомый ход. Я тебя предупреждал, - продолжил я, - что после третьего «залёта», я приму меры? Так, вот, третий прокол произошёл.

- Когда?

- Ты оштрафовал водителя, а талон ему не выдал. Информация достоверная, подавай рапорт командиру сам, чтобы мне не утруждаться доказывать твою вину. А ты знаешь, что я докажу. Пиши рапорт по собственному желанию.

- Напишу, - согласился Пётр. – Переведусь куда-нибудь. Можно? Переводись.

Из Солнечногорского банка позвонили в дежурную часть батальона с необычной просьбой: привезти в банк деньги, собранные по магазинам инкассаторами. Инкассаторский «Уазик» сломался на дороге у станции Радищево между Поварово-3 и Малым бетонным кольцом Ленинградско-Волоколамского направления. Там был переезд через Октябрьскую железную дорогу. Осень, темнеет рано. Выехали на место с Владимиром Клиновым на автомашине «ВАЗ-21011», и обнаружили среди леса на пустующей, просёлочной дороге, стоящую без света «буханку», как в народе называют эту машину. Два инкассатора и водитель в полной темноте передали нам три мешка с деньгами, а сами стали ждать «технику».

В июле 1987 года я окончил юридический факультет вместе с Владимиром Тихоновым, а в августе умер мой отчим, Фёдор Дмитриевич. В похоронной процессии я оказался рядом с давней подругой мамы, Розой Васильевной Володиной. Они дружили ещё до войны. Роза Васильевна работала в Солнечногорском горисполкоме заведующей

общим отделом. Мы с ней давно не виделись и тихо переговаривались, идя за гробом от дома. И вдруг она мне сказала:

- Виктор, сейчас такое время – хуже 17-го года.

Я не поверил, но промолчал. У нас на 6-м курсе был специальная лекция: «Действия иностранных разведок в отношении Советского Союза», как раз перед дипломом, и нам рассказали, как ЦРУ работает в союзных республиках. Я не поверил Розе Васильевне: если КГБ в курсе дела, то, не допустят, пресекут поползновения на Советский Союз. «Предупреждён – значит: вооружён».

Меня приняли в члены КПСС, и от горкома партии я съездил на экскурсию в Кремль. Посмотрел и послушал, в каких условиях жил и работал Ленин. Он занимал три комнаты с Надеждой Константиновной, и со своей сестрой. Троцкий захватил дворец. Нас, вновь вступивших в ряды коммунистов, провели в мавзолей, остановив туда очередь. Я там был уже в третий раз. Два раза я посещал мавзолей в детстве, и застал ещё Ленина вместе со Сталиным, который лежал в военном френче с золотой звездой на нём. Они лежали слева от проходящей очереди, ближним к людям находился отец народов.

Ежемесячно, в смене подводились итоги о проделанной работе по предупреждению дорожно-транспортных происшествий. Я вёл собрание смены и зашёл Евгений Иванович, пожелал присутствовать. Я продолжил проводить политику партии и правительства:

- Задачей госавтоинспекции является предупреждение нарушений правил дорожного движения, пресечение нарушений и наказание нарушителей, - продолжил я рассказывать инспекторам. - Прежде всего, мы должны предупредить.

В разговор вмешался командир:

- У вас в смене в 87-м году допущен рост дорожно-транспортных происшествий по сравнению с прошлым годом: было 42 происшествия, стало – 53, а выявлено нарушителей правил дорожного движения меньше, чем годом раньше. Значит, вы плохо работаете, надо активизировать работу по привлечению к административной ответственности участников дорожного движения, нарушивших правила. Правильно Виктор Матвеевич?

- Неправильно, Евгений Иванович?

- Почему? – спросил он.

- Потому что, наша бальная система неправильно отражает действительность. Количество выявленных нарушителей никак не влияет на количество дорожных аварий. У нас получается, что наказание, а не

предупреждение, является главным в безопасности дорожного движения, и итоги соцсоревнования искажаются пресловутой бальной системой. Наказание – это следствие, а не причина.

- Демагог, - произнёс Инютин.

- Евгений Иванович, демагог – человек, который не разбирается в предмете, о чём спорит, а я, знаю. На юрфаке я защитил дипломный проект по теме: «Административная ответственность за нарушение Правил дорожного движения». Меня трудно уличить в незнании предмета, - возразил я.

Конец года, идёт отчётно-перевыборное собрание. Переизбрали на следующий срок в общественные организации: Совет ветеранов, Совет отличников, Совет «Динамо», Совет Ленинской комнаты, членов редколлегии. Сотрудники активности не проявляли, и я взял слово:

- Считаю, что работа в общественных организациях носит формальный характер. В них работают только те, кто их возглавляет, да и то, в основном, только пишут планы. Нам ещё не хватает Совета жён для комплектности. Взять редколлегию. В ней по одному человеку от каждой смены и обязанность у них всего одна: раз в месяц предоставить заметку в стенгазету и не всегда это делают. В том месяце не сдал никто. Почему я за ними должен бегать. В каждой смене есть парторг смены и комсомольский вожак, и почему-то коммунисты и комсомольцы не участвуют в общественной жизни батальона. С них спросить будет можно. Наша специфика работы не позволяет вести должную работу в формате общественных организаций, поэтому считаю, что эта работа должна проводиться в партийной и комсомольской организациях батальона. Ну, конечно, должен оставаться суд чести офицерского состава.

Меня охотно все поддержали, но вмешался комбат, Евгений Иванович:

- Не занимайтесь самодеятельностью. Проводите всё, как положено.

Предложили в Советы кандидатов, проголосовали. Я снова возглавил Совет ленинской комнаты и редколлегию. Никто не хотел возглавить Совет «Динамо». Я уже, шутя, предложил:

- Давайте мне, до кучи.

За меня проголосовали единогласно, как проголосовали бы за любого. Дёрнули же меня за язык.

В другой раз, при проведении мною развода, снова присутствовал Евгений Иванович. Он спросил меня:

- Виктор Матвеевич. Как у вас ведётся работа по устранению недостатков в несении службы?

- Нормально ведётся. Нарушений служебной дисциплины нет. Жалоб от граждан нет, - ответил я.

- Но вы, как были на последнем месте в соцсоревновании, так и остаётесь там, - напомнил Евгений Иванович.

- Это - по вашей, бальной системе, мы занимаем последнее место. У нас в смене за 1-й квартал не было ни одного учётного ДТП. Это, ведь, главная оценка работы ГАИ. Почему мы занимаем последнее место?

- Это не моя система, - заметил командир.

- Товарищ подполковник, я знаю, что дорожно-транспортные происшествия случаются именно из-за нарушений Правил дорожного движения. Но у нас как назван стенд? «Подведение итогов соцсоревнования по предупреждению ДТП между сменами». А предупреждение дорожных аварий – это профилактика, а не только выявление и наказание нарушителей. Так, что называть надо стенд, как есть: «по выявлению нарушителей». Вы не хуже меня знаете, что профилактика - это целый комплекс мероприятий, начиная с детского сада.

Инютин со мной не согласился. Я понимал, что командир батальона, в силу своих обязанностей, должен был следовать указаниям Управления ГАИ, но я не со всеми указаниями был согласен. И не согласен я был, что по принятому 3 марта 1987 года Приказу №43 МВД СССР, который вступал в силу с 1-го июля, сотрудник ГАИ должен был штрафовать за нарушение ПДД не только пешеходов, как было раньше, но и водителей, по талонам. А это - суммы штрафов гораздо больше, чем 50 копеек для пешеходов. Я считал: неправильно, что «живые» деньги попадали инспекторам.

Жена не понимает, командование не понимает. Тяжёлые мысли посетили меня. Две вещи не могу терпеть: когда мне не верят, и когда ругают несправедливо. Ладно, жена, она уже стала родным человеком, а родных не выбирают, и я ей многим обязан. Но служба! Был создан ОРУД ГАИ: отдел регулирования уличным движением. Занимались регулированием и организацией дорожного движения.

Теперь ДПС ГАИ: дорожно-патрульная служба. На постах ДПС инспектор должен: регистрировать проходящий автотранспорт в ночное время, проверять агрегаты и регистрировать автомашины, которые проверили на «угон», работать по плану «Перехват-центр», проверять разрешения на перевозку тяжёлого и негабаритного груза,

контролировать прохождение автомашин с иностранными гражданами. А учитываются только выявленные нарушители ПДД, причём записи в путевых листах водителям государственных машин о нарушении, для принятия мер дисциплинарного характера по месту работы в расчет не идёт. А ведь в трудовых коллективах обращают серьёзное внимание на нарушителей ПДД.

Кроме того, сотрудники ГАИ задерживают преступников. А кто инспекторов к этому готовит? Основная масса преступлений совершается с использованием автомашин. И, приедет какой-нибудь «щёлкопёр», лейтенант из Управления, проверит записи проверки транспорта, отсклывая несколько листов назад, и напишет: «Сделано замечание: «Находился в помещении поста, с транспортом не работал. Такого-то числа проверено всего 10 машин». А как узнать, почему десять? Может быть, была уважительная причина, и скорее всего, была.

Я поехал в Молжаниновку к командиру 15-го отделения ДПС по сопровождению негабаритных грузов, Пиуренко Валерию Григорьевичу.

- Товарищ подполковник, возьмите меня к себе, - попросил я его.

Когда Пиуренко возглавлял наш батальон, он сочетал в себе хорошие качества командира и человека. Под его началом легко было работать, зная, что если к тебе и будут претензии по службе, то эти претензии будут справедливыми. К тому же, мне всегда хотелось поездить в командировки, посещать новые места.

Валерий Григорьевич мне сказал так:

- Судовольствием, Вить, я бы тебя принял к себе, но у меня договор с Инютиным о том, что он, прежде всего, должен подписать рапорт о переводе. Так что сначала к нему.

К Инютину идти было бесполезно, а просить - не в моих правилах.

В 1988 году на этнической почве в Сумгаите произошли погромы армянского населения. При Горбачёве возникла первая оппозиция в Нагорном Карабахе, и азербайджанцев стали выгонять из Армении. Гласность, перестройка. И состоялась первая командировка наших сотрудников: Льва Максимовича, Александра Шелякина, Валерия Даютова и Николая Аникина в Баку, где они, совместно с военнослужащими, стояли на въезде в столицу Азербайджана, выполняя задачу по организации работы контрольно-пропускных пунктов. В газете «На страже»* отмечалось: «Старший инспектор 1-го СБДПС старший лейтенант милиции, А.Шелякин выявил шесть автомашин, перевозящих без документов ценные грузы».

Подъезжал я с водителем на легковой машине, мужчиной средних лет, интеллигентного вида. Он попросил меня прояснить ситуацию, в которую он попал. Двигался он на личной машине по малому бетонному кольцу и его обогнал, а затем «подрезал», завершая обгон, водитель грузовой машины «ЗИЛ-130».

- Маневр был такой опасный, что я чуть не опрокинулся в кювет, - рассказывал мой собеседник. - Зная, что впереди находится пост ГАИ, я обогнал этот «ЗИЛ» и подъехал к сотруднику. Я ему рассказал о случившемся, и он остановил грузовик. Но, проверив у водителя документы, инспектор его отпустил. Почему он не составил протокол на нарушителя, создавшего аварийную ситуацию? Правильно он поступил?

- Правильно, — ответил я. — Инспектор ДПС не имеет права наказывать водителя, если на его нарушение указывает гражданин. Сотрудник сам лично должен видеть нарушение и принимать соответствующие меры. Этим правом пользуются ещё участковые инспекторы. Остальные сотрудники милиции, в случае пресечения нарушения безопасности дорожного движения, должны на место вызвать инспекторов ГАИ.

- Ну, тогда у нас никогда не будет порядка, - вздохнул мужчина.

И он мне рассказал свою историю: «В Австрии, в Вене, мне надо было провести одно действие, разумеется, скрытно. Выехал на машине, освободился от «хвоста» и, наконец, попал в закрытый для посещения район. Сделав своё дело, я сел в автомашину, и тут меня окружили машины полиции. Я объяснил, что заблудился, а полицейским мне предъявить было нечего и они проводили меня до трассы. А я стал прокручивать, где я прокололся, и вспомнил. Когда я проезжал по улице, она была пуста, но в одном из домов, на втором этаже, в окошке сидела старушка. А у них в крови: сдавать полиции не только машины с иностранными номерами, но и своих соседей».

В декабре к нам на совещание по подведению итогов работы батальона за 11 месяцев года прибыло начальство из Москвы во главе с заместителем начальника Управления ГАИ, Курочкиным Геннадием Ивановичем.

Мне понравились слова подполковника милиции Первезенцева Михаила Николаевича: «Стоит инспектор на перекрёстке и умудряется выявить десять нарушителей правила проезда перекрёстка. Инспектора надо наказывать. Надо не выявлять и наказывать, а предупредить. Главная задача предупредить». А я чего говорил? Я не один. Но слова словами, а бальная система, как была, так и осталась.

«На страже», № 49, 1 июля 1989 *

Снова встретился я с одноклассником, с Валерой Ярославцевым. Пятнадцать лет не виделись, он ко мне приехал в Пешки. Валерий из Андреевки переехал в Москву, и жил на улице Борисовские пруды. Интересно он назвал своих детей: дочь - Валерией, а сына - Ярославом. Сказал, что занимается живописью.

- А в какой манере ты пишешь? – спросил я.

- Меня определили, как художника - импрессиониста. На нас идут гонения,-

ответил Ярославцев.

- Валер, пост ГАИ в Чёрной грязи закрепили за моей сменой, ты не можешь помочь оборудовать там комнату отдыха наглядной агитацией? – попросил я.

- Я тебя познакомлю со своим другом, художником. Он живёт в Сходне и, как раз это умеет делать хорошо. Он будет рад помочь, у него есть машина, - пообещал он.

Мы стали перезваниваться с Ярославцевым. Когда я поздравил его с Новым годом, он мне ответил:

- Мы в семье новый год не отмечаем, мы празднуем Рождество.

Друг помог: всё было сделано красиво и качественно. Он мне рассказал, что Валерка большой художник, у него уже были выставки за границей.

У нас летним, белым днём, произошёл, из ряда вон выходящий, случай. Дежурный по батальону передал мне по рации, что на 61 км Ленинградского шоссе в д. Кресты произошёл наезд на пешехода легковой автомашиной. Через пять минут мы с инспектором, работающим в Солнечногорске на машине, были на месте. Там уже находился экипаж автомашины ДПС, машина «скорой помощи», и стояла автомашина «ВАЗ-2103», водитель которой совершил наезд. Пешехода, молодого мужчину, с явными признаками алкогольного опьянения, осматривала женщина-фельдшер, а тот уклонялся от медицинской помощи. Видимых повреждений на нём не было, и фельдшер скорой помощи подтвердила, что травм у мужчины нет. Подъехала вторая машина «скорой помощи», приехавшая по вызову. Пешеход вёл себя довольно буйно, порывался уйти. Второй фельдшер также не нашла у него телесных повреждений. Что удалось добиться, так это то, что он шёл пешком в Пешки. Документов у пешехода не было.

В «Жигулях» ехала молодая пара в сторону Москвы, а пешеход, пытаясь их остановить, ударил кулаком по лобовому стеклу, находясь на

проезжей части. Стекло было повреждено, а на руке ни царапины. Уехала вторая бригада скорой помощи, я тоже вернулся в город. Что делать с пьяным человеком? Инспектора отвезли его в медвытрезвитель, фельдшер там его осмотрел и оставил до вытрезвления.

Не прошло и двух часов, как экипаж, обслуживающий участок дороги с 49 по 61 км, доложил мне по рации, что, оказывается, водителю необходима справка по повреждённому стеклу, так как «Жигули» застрахована, надо оформлять ДТП.

- Оформляйте, я съезжу в вытрезвитель, может у них есть данные на пешехода, - ответил я.

- Как там наш пешеход? – спросил я у сержанта.

- Еле успокоили, сейчас притих.

- Мне надо знать: кто он, и откуда, - попросил я его.

- Сейчас я посмотрю, - сказал милиционер, и ушёл по коридору. Тут же он вырос в дверях с криком: «Он умер»! Фельдшер и офицер пробежали в палату.

Легко представить, какой резонанс получился бы, если бы в городе узнали, что в вытрезвителе умер человек. Ничем не оправдаешься. Проверка была: опросили всех, включая трёх фельдшеров, осматривающих его, но вопросы, всё равно бы остались. Помогло то, что погибшим оказался зять друга моей семьи, Володи Фролова, который возил в ЗАГС меня и Любу на «ГАЗ-21». Сомнений в правдивости моих слов у него не было.

Ellochka

Сегодня придёт...

«Сегодня обязательно придёт. Сегодня вторник. Наверняка».

Петрович торопливо, но внимательно перебирал содержимое уже второго большого мусорного бака, стоявшего на заднем дворе одного из городских ресторанов. Сюда он приходил, как на работу, два через два. Именно по такому графику дежурил молодой охранник в камуфляже, один из не многих, кто видел людей в опустившихся, грязных и пьяных бездомных, и поэтому пропускал их по утрам, до появления начальства, на вверенную ему территорию. Сегодня Петрович был один, без коллег по вокзально-подвальному сообществу. Наверно поэтому улов оказался неплохим: в сумке уже лежали несколько скелетов какой-то рыбы на уху и кусок сырого, слегка слизкого мяса, видовую принадлежность которого определить мог, пожалуй, только эксперт. Но если вымочить его несколько часов в слабом растворе марганцовки, а потом пожарить на костре с той пожухлой зеленью из лука, петрушки, кинзы и ещё чего-то, которую он откопал тут же, в контейнере, то получится очень даже неплохо. Прикидывая в уме, на сколько дней ему хватит этого пайка, Петрович поднял из глубины контейнера ещё и полиэтиленовую «маечку» с несколькими картофелинами. Выглядели они вполне пригодными, только слегка проросшими. Ужин обещал быть королевским. Ещё и на пару дней останется. И полкоробки вина, что спрятаны под матрасом, смогут чудесно его дополнить.

Хотя - нет! Сегодня никакого вина. Она не любит, когда от него пахнет спиртным, расстраивается, и иногда даже плачет. А ещё не любит, когда он не бритый, смотрит на него печально и с укором. Но никогда не ругает. Молчит. Хотя раньше бывало, и ссорились, и повышали голос друг на друга.

С громким хлопаньем крыльями и противным карканьем на дальний от него контейнер уселась ворона. Петрович ненавидел этих птиц. Было за что. А они как будто чувствовали ненависть человека, и никогда не опускались поблизости от него. Парили, кружили над головой, ожидая своей очереди, но не подлетали. А вот эта рискнула. Зря. Прицельный бросок картошкой, конечно, не достиг желаемой цели, но крыло слегка зацепил, и эта тварь свалила с глаз с пронзительным криком.

Так о чём это он? Петрович вернулся к своим мыслям. Раньше. А как оно было раньше?

Петрович прикрыл глаза. Он очень хорошо помнил её счастливой. Такой, как в тот последний вечер, когда ещё не было никаких диагнозов и операций. Как до того момента, когда за их совместно приготовленным ужином в распахнутое окно кухни, влетела эта серо-чёрная тварь. Возможно, её привлекло его любимое песочное печенье, такое круглое, с вареньем в серединке. Но почему к ним? К ней? Петрович тогда как мог, успокаивал жену. Но она поменялась в лице и сказала, что это к неприятностям. Проклятая ворона их точно накаркала. На следующий день пришли результаты обследования. Диагноз поверг в шок, и время понеслось: от повторных обследований до госпитализаций, от районной поликлиники до консультаций в Республиканском НПЦ.

–Эй, мужик, тебе чё, плохо? – звонкий голос пробился сквозь толщу воспоминаний.

–А? Что? Нет, нормально. Я так. Задумался. – Его голос звучал хрипло от только что вновь пережитых эмоций.

–Тогда давай по быстрому, мне неприятности не нужны.

–Конечно, конечно. Сейчас уже.

«Да. Сегодня только ужин. Пора. Парня не подставить».

Закинув на плечо наполненный, выдавший виды джинсовый рюкзачок, отсалютовав охраннику, Петрович медленно поковылял по тротуару в сторону своего подвала. Октябрь уже давал знать о приближении настоящих холодов ночными заморозками, учащающимися дождями и ноющими суставами, не долеченными ещё с прошлой зимы. Но погода не пугала. Петрович оборудовал себе тёплую ночлежку в подвале одного из домов в спальном районе, аккуратно около горячих труб отопления, и запаса несколькими пачками просроченного ортофена и тубиком финалгона с аналогичным сроком годности, найденными на городской свалке.

Курить хотелось страшно. Внимательно обшаривая взглядом полосу дороги вдоль бордюра в поисках завалявшихся бычков, Петрович боковым зрением неожиданно заметил какой-то яркий движущийся предмет, который оказался средним по размеру разноцветным резиновым мячиком. Весело соскочив с тротуара, тот резво покатил поперёк проезжей части. А следом за ним, готовая рвануть под колёса, с рёвом неслась маленькая девочка. Когда её ножка уже была занесена над бордюром, Петрович как очнулся и успел схватить малявку за ворот курточки:

–Стой! Стой здесь! Я сам.

Догнал мяч он уже практически на середине дороги. Развернувшись, успел только сделать несколько шагов в направлении тротуара, как услышал визг тормозов, а затем резкий удар в плечо отбросил его куда-то в сторону. Пришёл в себя Петрович от криков вокруг.

Кричали все, и не понятно, кто на кого. То ли мама на девочку, то ли мужик на него, а может быть на мать ребёнка, то ли прохожие и случайные свидетели на всех сразу, и на него в том числе. Понять было невозможно.

-Всё!! Заткнитесь!! Стоп!!! – вдруг рявкнул мужик, который оказался водителем сбившей его машины. Он подкрепил свой вопль энергичным жестом, рубанув ладонью по капоту своей дорогой иномарки. – Мамаша, забирайте ребёнка, и дуйте отсюда. Вы все, - его выразительный взгляд обвёл свидетелей и случайных зевак – свободны!!! Без вас разберёмся! Так, ты! – он нагнулся к лежащему на дороге Петровичу, - Как себя чувствуешь?

Брезгливо сморщившись, он, тем не менее, аккуратно приподнял одной рукой голову пострадавшему, а другой ловко уложил её на свой локоть и заглянул Петровичу в глаза.

-Где боли...?

Водитель не закончил вопрос. В его широко распахнувшихся глазах за секунду промелькнул целый kaleidoscope мыслей и эмоций: от удивления до радости.

-Радченко? Егор, ты?

Александр не мог поверить, что перед ним действительно он, Егорка Радченко, с которым они дружили с первого курса технологического, вместе поступали в аспирантуру и с разницей в три месяца защитили кандидатские по смежным темам. А ещё он, Сашка, был шафером на свадьбе Егора и Лены. А потом они все вместе работали над общим проектом. Только вот Лена...

-Сашка, - прервал его мысли хриплый выдох, перешедший в кашель.

-Я. Я это. Лежи. Сейчас. Тебе в больницу надо. Слышь, друг, прости, я же затормозить не успел, ты так резко, под колёса. Ты лежи, лежи. Я сейчас.

Отвернувшись и отчаянно жестикулируя, Александр на повышенных тонах общался по мобильнику со скорой. Егор сел и прислушался к себе. Тупо ныло плечо, и раскалывалась голова. Он поочередно пошевелил руками, ногами, сжал и разжал кулаки, попробовал нагнуться – всё работало и особого дискомфорта не вызывало. Он начал подниматься.

-Ты куда? А вдруг переломы, сотрясения? Сейчас скорая подъедет, - подскочил Сашка.

-Цел я, только голова болит.

-Вот видишь. Говорю, сотрясение возможно. Да стой ты! Давай, помогу.

Друг подхватил его под руку, и они двинулись к тротуару.

Разборки с ГАИ и скорой прошли быстро. Ехать в больницу Егор отказался категорически, хоть Александр и ругался, и клятвенно заверял, что оплатит все расходы. Но Егор железно стоял на своём. И врачи особо не настаивали. С брезгливыми минами вкатили укол, за пару Сашкиных купюр отсыпали каких-то таблеток пострадавшему с разъяснениями, что и как принимать, и со словами: «Если станет хуже - приходите в приёмный с паспортом» - отчалили, оставив друзей вдвоём на тротуаре шумного города.

-Ну, что, Егор, ко мне? Помоешься, переоденешься, все твои вещи у меня так и лежат. Как знал, что пригодятся, - начал Александр. - Поговорим. Расскажешь, как...

-...до такой жизни докатился? - усмехнулся друг. - Нет, Саша, не надо. Пусть остаётся всё, как есть. Я пошёл.

-Стой, - Александр ухватил друга за руку. - Так я тебя всё равно не отпущу. Ты же понимаешь, что нам поговорить нужно. Я искал тебя, никак не мог верить, что ты после похорон вот так просто исчез. Ни деньги, ни вещи не взял. Прихожу домой - а там всё на местах, тебя нет и ключи на столе. В розыск подавал. Но им там всё до фонаря, только отписки слали. Знаешь, у меня ведь всё получилось. Я ведь, как и обещал, раскрутил наш проект. В Можайске основное производство. Заказчики в очередь выстраиваются, запись на полгода вперёд. Денег - валом! Там же и твоя доля, - торопливо говорил Саша, всё пытаюсь поймать взгляд своего друга, и увидеть в нём хотя бы частичку бывшего интереса, лихой работы мысли и азарта, который зажигал и гнал вперёд всю их троицу. Егор молчал.

-Ну, послушай. Давай где-нибудь посидим. Мне многое тебе рассказать нужно.

Егор только криво усмехнулся. Это почему-то смутило Сашу.

-Ну, я понимаю. Тебя не пустят. Давай хоть просто в машине. Купим чего-нибудь. Есть хочешь?

На парковке супермаркета машин было не много. Они молча жевали свежие круассаны, запивая горячим кофе из пластиковых стаканчиков. Александр настраивался на тяжёлый разговор.

-Егор, ты прости меня. Я ведь понимаю, что не должен был тогда от своего имени разработки регистрировать, и грант этот был нашим, общим. При других обстоятельствах так бы всё и было.

-А другие обстоятельства, это, я так полагаю, Лена? - Егор смотрел под ноги, разглядывая узор на аккуратном резиновом коврикe.

-Ты думаешь, мне легко было принять такое решение? Я ведь тоже с врачами консультировался, и тут, и в Израиле. Они все, в один голос: «Вероятность выздоровления с её диагнозом - не более десяти процентов!» Всего десять! И ради этих призрачных процентов продать

разработки и похерить все наши труды? А вероятность того, что она после операции только бы лишний год протянула – девяносто! Да и как протянула. Промучилась бы на химиях и облучениях.

-Десять процентов, - тихо произнёс Егор. – Саш, надежда всё же была, что она окажется этой десятой. Ты отобрал её. Ты решил всё за нас, за всех.

Егор взялся за ручку двери.

-Подожди, Егор, - Александр ухватил друга за рукав. – Послушай. Я готов тебе две трети отдать, ваши с Леной. Это огромные деньги! Возвращайся, купишь себе квартиру, вместо той, что тогда продал. Вместе работать будем. А какая лаборатория у меня! Мммм! Сам увидишь. Егор, у тебя же такие мозги светлые! Ты работать должен!

-Лена умерла, - первый раз сегодня Егор прямо посмотрел в глаза Александру. И тот не выдержал, отвёл взгляд. – А больше я никому ничего не должен.

Низко нависающие тучи принесли в город средь бела дня сумрак и пролились дождём. Егор смотрел в окно. Крупные капли на стекле сливались, и дорожками сбежали вниз, иногда рассыпаясь на радужный спектр в свете фар проезжающих мимо автомобилей. Но на фоне играющих всеми красками капель, глаза, отражённые в тонированном стекле, выглядели особенно пустыми и безжизненными.

«Вторник. Сегодня обязательно придёт. Надо только побриться. Она не любит, когда небритый. И ужин приготовить. И сразу спать. Во сне она обязательно придёт».

-Ты меня никогда не простишь, – Сашина фраза, прозвучавшая, как утверждение, прервала его размышления.

-Что? Нет. Я себя не прощу. Не прощу, что оказался таким наивным, доверился тебе. Не сделал всё, что мог, что должен был сделать. Ладно, Саша, я пойду, мне пора.

Егор подхватил рюкзак за лямки и решительно открыл дверь.

Александр курил, облокотившись на свою машину, не замечая противного осеннего дождя, бьющего по лицу и струями стекающего за шиворот дорогого пиджака. Он глубоко затягивался сигаретным дымом, пытаясь унять предательскую дрожь в руках, молча глядя в спину удаляющегося бывшего друга, чья сгорбленная фигура становилась всё более размытой, превращаясь в неясный силуэт.

Елена Мария Вербалес

Старуха, Дядя Ваня и Сальвадор Дали

“Артур не уезжай” – Кристина уткнулась лицом в плечо молодого человека. “Папа даст денег пусть целый месяц живут, Артур не уезжай” – Кристина аппетитно гоняет во рту звуки “р” имени любимого человека. Мужчина запускает руки в её волосы и прижимает голову девушки к груди: “Я на пять дней туда и обратно, три года не был дома, мать плохо себя чувствует”. Девушка поднимает глаза и смотрит на Артура какими-то странными глазами, где-то он уже видел этот взгляд грусти смешанной с безысходностью.

- Ну, что такое – начинает сердиться он.
 - Я видела не приятный сон.
 - Брось, ты знаешь, терпеть не могу эти бабы выдумки.
 - Я рассказала сон отцу, а он психоаналитику.
 - И что он прописал мне пить стрихнин? Артур рассмеялся от собственной шутки.

- Хорошо расскажи мне сон.

Кристина замялась.

- Две женщины тянули тебя в разные стороны, с одной стороны за руку тянула я, а другая тянула и звала - Артурчик, Артурчик.

- Без всякого психоаналитика скажу, мать хочет меня видеть.

- Да, видите вы и так каждый день!

Кристину давно раздражали вечерние, ритуальные видео звонки домой. Разве за день может накопиться столько событий, чтобы ими поделиться с родными на другом конце света? Чем ты завтракал, обедал, какие на тебе носки? Но Кристина, американская армянка, не посмеет она высказать возмущение на мать любимого человека, она даже не сказала всей правды, что в этом сне другая женщина была с растрёпанными, седыми волосами, с её одежды стекали струйки грязи и весели клочья тины и водорослей, а мутный взгляд был липким и засасывающим. Когда Кристина проснулась, она нашла на мобильном телефоне фотографии Артура с семьёй и рассмотрела лицо матери, приятная женщина с хорошей причёской, но глаза выдавали её, что-то не доброе, тянущее и мутное было в её взгляде.

Артур, тоже не сказал всей правды, несколько дней назад он видел во сне мать и себя, и между ними, что-то в виде тонкого шланга висело от груди к груди, он несколько раз подносил ножницы, чтобы разрезать, но каждый раз мать ласково отводила его руку и говорила: “Я же твоя мама,

что в этом плохого”. Утром Артур подумал – правда, нет ничего плохого, мать беспокоиться обо мне.

Кристина погрузилась в мягкое белое кресло, солнце широкой волной из окна затопляло комнату светом, до ее слуха еле доносился шум городской суеты. Эту квартиру нашла она и устроила, остроумно соединив противоположности прямых линий хайтека с несколькими кляксами лавандового цвета, напоминающими о Провансе. Кристина задумчиво наблюдала, как Артур собирает подарки для сестер, которые выбирали вместе. Платье для матери Артур нашел сам, оно имело насыщенный лиловый цвет, кружевные вставки и вышивку. Тот день для Кристины был самый счастливым, много калифорнийского солнца, удовольствие от возможности купить подарки для близких людей, любимого человека, болтать на армянском и получать радость от того, что её прекрасно понимают на другом конце света. Тогда еще жила надежда, родня приедет за месяц до свадьбы и будет участвовать в её устройстве, но Артур резко поменял намерение и решил смотаться на Родину. Ах, Артур, Артур, ты умеешь быть твердым, самостоятельным, в своей грации ты похож на молодого льва, но в глубине твоего сердца прячется нежная девушка, которая услышала нытью матери и теперь пакует чемоданы. Вдруг Кристина вспомнила слова, которые услышала в воскресной проповеди, что Бог любит и отпускает, а демон любит и души. “Хорошо” – подумала она: “Пусть едет, а я просто буду молиться и ждать”. Кристина поднялась и стала помогать упаковывать вещи и получила в подарок нежный и благодарный поцелуй. Но расставание в аэропорту было тягостным и безнадежным, и когда Кристина проводила взглядом улетающий самолет, из глаз её брызнули слезы, и она почувствовала, что чья-то невидимая рука перевернула лист в её судьбе.

Всю небесную дорогу Артур уговаривал себя, что все будет хорошо, взлет был легким, полет приятным, а когда колеса шасси коснулись взлетной полосы московского аэропорта, убедился в правильности своего поступка. На выходе три зазорные стюардессы, внимательно наблюдали за Артуром, пока он доставал ветровку и прятал журнал в сумку. Изящная мулатка задиристо подмигнула ему, он в ответ тоже, но резко повернулся и стал спускаться по трапу, в след ему понеслось страстно укоризненное – “красавчик”. Он очень хорошо знал весь алфавит флирта: за “А” - взглядом, последует “Б” - слово, за “В” - предложение, только Артур любил буку “З” - вопрос – зачем. Может быть потому, что еще в детстве стал свидетелем одной истории, которую осознал, сосед Сережка, который являлся не только тезкой великого поэта, но и во внешности двойником Есенина, к тридцати годам,

представлял собой удручающую картину затасканности и ничтожества. Где бы Артур, не появлялся, он ощущал на себе липкие женские взгляды. Да, он был хорош, палевый блондин, высокий, стройный, в меру подкаченный, с идеальной кожей, с прекрасными серыми глазами, обведенными густой линией черных ресниц, роскошными бровями, с тонким носом с легкой горбиной и трепетными ноздрями, а губы имели легкую припухлость, что придавала ему очарование ребенка. В юности он понял, что может покорять не только легкомысленных девчонок, но и заинтересовать солидных матрон, уставших от своих доходных мужей и оплачивающих свои удовольствия солидными гонорами. Но для себя он сделал выбор - мужчина должен зарабатывать или физическим или интеллектуальным трудом и красота для него не награда, а искушение, с которым придется бороться всю жизнь, чтобы не расплескивать себя под ноги многих женщин.

Время до самолета, вылетающего в Краснодар, пролетело быстро, он успел побывать на Красной площади, пообедать в ресторане на Старом Арбате и приехать за час до начала регистрации в аэропорт.

Прильнув к стеклу иллюминатора, Артур рассматривал утопающий в вечерних огнях Краснодар, каким теперь, после Лос-Анджелеса и Нью-Йорка, он казался уютным и маленьким, этот тихий город детства.

Толкнув знакомую калитку, он услышал приветственный лай Дружка и навстречу ему из ночного воздуха как мотыльки выскочили радостные сестра, давно поджидающие его во дворе на стульях, под деревом черемухи. Степенно сошел со ступенек крыльца отец. “Да, ладно, вам, как мухи облепили” – сказал он, ласково отодвигая девчонок, которые обсыпали Артура поцелуями. Переступив порог родительского дома, он почувствовал, как по сердцу пробежал неприятный холодок печали, который наполнял воздух и первый его глоток уже отравил душу. “Мать, вставай, Артур, приехал” – крикнул отец, приоткрывая дверь спальни. Она появилась в дверном проеме с изможденным, обиженным лицом, не поспешила подойти, а ждала, когда Артур обнимет её. На его приветствие, прижалась к нему всем телом, на что он твердо, но мягко отстранил её.

Засыпая в своей комнате, Артур вспомнил, кто смотрел на него такими же глазами как Кристина в тот день перед расставанием. Первой девушкой, которую привел Артур домой, была Марина, его одноклассница с которой он стал дружить в шестнадцать лет. Они пили чай с бисквитом, Карина была с ними ласкова и заботлива, когда Артур пошел провожать подружку, мать неожиданно позвала его переодеть брюки, почему-то ей захотелось их постирать, пока она искала джинсы на замену, а он переодевался, во дворе начался шум и крик. Оказался

отвязанным пес Тобол, который может и не покусал бы девочку, но очень сильно напугал и не только её, но и вернувшегося после работы Арсена, который избил собаку и через три дня она издохла. Вот, тогда-то и увидел Артур этот долгий грустный взгляд, которым смотрела теперь на него Марина, они перестали встречаться. Потом Неля, девочка, гимнастка из Дворца Спорта. Через улицу от дома где жила семья Акопян, был пруд, место отдыха всей округи, туда стекался народ с первыми лучами весны на пикники с шашлыками и особенно в две, три недели в августе на водные процедуры, когда от жары нет покоя ни днем, ни ночью особенно в многоэтажном, близлежащим микрорайона. Арсен рассудил, что если на стене висит ружье, то оно когда-нибудь выстрелит, то если поблизости есть пруд, то кто-нибудь в нем когда-нибудь утонет. Так как никто из девочек не проявлял интереса к воде, то Арсен записал сына на занятия по плаванию во Дворец Спорта и остался доволен своей предусмотрительностью. Вот, однажды перед соревнованием Артур, вернулся домой с подружкой, он перепутал, спортивный костюм или мать по ошибке не тот положила, и пока он укладывал вещи в сумку, Неля упала с лестнице, которая вела на цокольный этаж. Она бы не смогла расшибиться на смерть на этих пологих ступеньках, но два пальца на ноге были сломаны, и соревнования в этот раз в её жизни не случились. И опять этот взгляд. Неля стала избегать Артура, но до него дошли слухи, что в своем падении она обвиняла его мать, но когда он захотел, поговорить, девушка, смущенно сказала: “Просто, она так неожиданно появилась из темноты и так близко подошла, что я испугалась и поскользнулась”. Через полгода вместе со школой Артур, закончил и свою спортивную деятельность, получив второй разряд, пачку грамот и связку медалей за участие в соревнованиях. Третий случай был не менее неприятным, на втором курсе института Артур надумал жениться, он влюбился. Русская девочка - Наташа, папа – доцент университета, мама – врач, самое интересное в этой паре было, то, что все отмечали, несмотря на разность наций, они походили друг на друга как брат с сестрой, идеальная кожа, схожий овал лица и детские губы. Решившись заявить о своем намерении, Артур привел девушку в дом, познакомиться. Обед проходил в добродушной обстановке, Арсен был очарован будущей невесткой, но в движениях Карины, читалось подавленное раздражение и напряжение. Через час застолья, девушка спросила у старшей из сестер, где находится туалет, а так как Арсен затеял ремонт и менял сантехнику, то до туалета пришлось бежать на конец огорода в тридцать соток, потом девушка долго мылась в летнем душе и попросила Аню вызвать такси, куда села через тридцать минут, отворачивая от Артура заплаканное лицо. Напоследок, она повернулась и посмотрела знакомым бесконечно, грустным взглядом. На следующее утро, Артур проснулся с мыслью ухать

по студенческой программе в Америку и да же не потому, что случилось вечером, а просто пришла такая мысль. Он давно хотел это сделать, но стеснялся попросить для поездки у отца деньги. На удивление Арсен легко согласился и все последующие действия, тоже не вызвали затруднений. Теперь засыпая в своей подростковой кровати, которая стала для него короткой, он подумал, что Кристина далеко и с ней плохого ничего не должно случиться.

Последующий день, пролетел быстро за бесконечными застольями и разговорами с родней, друзьями, соседями. Как, там Америка?

На второй день пребывания Артура дома, семья Акопян, была приглашена на свадьбу к двоюродному брату по отцовской линии. С детства Артур любил свадьбы, любил то ощущение единения большой группы людей, которое хорошо можно осознать еще в нежном возрасте, бегая между ног взрослых. Замечательная армянская свадьба, где традиция встречается с современностью, когда самобытность открыта новому, звуки дудука сменяет электронная музыка, а лезгинку, конвульсии молодежного хип-хопа. Первый тост, за всех погибших в Карабахе и Спитаке, второй за новую армянскую семью, где за столами ведут разговоры, какие вели и десять лет назад и тридцать, и сорок и все тысячи: о детях, о родителях, о благополучии, о рождении, о болезни, о смерти. Артур вышел из зала, во двор, подышать вечерним воздухом. Ресторан, где игралась свадьба, назывался “Шанхай”, его построил выходец из Китая, армянин по происхождению, праправнук бежавшего из Красной России, московского фотографа. Артура, быстро окружила молодежь: “Как, там Америка”? “ Так, я не в Америке живу” - улыбнулся Артур.

- Э,как, твой отец сказал, в Америке?

- Я живу в Лос-Анджелесе, район Малая Армения, свое телевидение, свои школы, свои газеты, своя церковь. Я жил немного в Нью-Йорке, когда приехал, а потом перебрался туда.

- Вот, как – ребята одобрительно загудели.

- Что, касается американцев, есть хорошее, молодежь рано старается стать самостоятельной. Смотришь, школяр какой-нибудь, а уже менеджер в закусочной. И ты – лузер, если взрослым живешь с родителями. Но мы с Кристиной, не хотим становиться стопроцентными американцами. Легко, можно заработать.

- А когда свадьба, то?

- Через месяц.

- Кристина, художница, графический дизайнер, есть заказы на рекламу, два дня преподает в колледже, ведет на ютубе, свои уроки, может из дома работать.

- А сам?

- Работа у меня разъездная, с компьютерами, мечтаю, туда дальше, заработать на мастерскую, как типа, у дяди Месропа, по стеклу, например. Не большой я любитель офисов, слишком много в них политики. Я простой человек.

- Ладно, я пошел – Артур увидел, через окно, что мать сидит одиноко, за столом, она всегда была одна, не очень её жаловали местные матроны, все разговоры её начинались с Артурчика и заканчивались Артурчиком, но что, делать, у других матерей были, свои Артурчики.

Кто бы только знал, как тяжело быть для другого человека – всем: и альфой и омегой, вселенной, целью, смыслом, надеждой. Как тяжело быть иногда любимым, когда другой человек, просто весит на тебе со всей тяжестью бытия неразвитой личности. Коварное слово любовь, одни отдавая свою жизнь, думают, что служат великой миссии, другие, принимая, этот подарок, абсолютно уверенны, что именно они и любят, требуя все больших и больших жертв от любимых. Это две параллельные системы координат, где в одной точке отчета, стоит – Ты, а в другой - Я. Есть еще одна система координат, вечного равновесия и гармонии, где начало отчета по абсциссе Ты и Я, а по ординате – Он.

Артур подошел к матери и протянул ей руку, ласково обнял и повел танцевать, люди на танцполе медленно расступились и они оказались в середине. Многие женщины с завистью смотрели на этот танец: “Как же сын, её любит”.

Артур с трудом засыпал, ночь была жаркой, отец, ни хотел ставить кондиционеры из-за двух, трех недель не выносимой жары в августе. В три часа он забылся в объятьях страстной любовницы - южной ночи. Утром, помыкавшись в ещё спавшем доме, Артур обмылся в летнем душе. Встал отец и Аня, стали готовить обед, попив чай с ними и изрядно вспотев, Артур взял полотенце, отправился окунуться в пруду. “Быстрее возвращайся, туда-сюда, шашлык начну жарить” – сказал отец. “Окей” – улыбнулся Артур.

На берегу, уже были люди, двое малышей играли у кромки воды, и парочка сидела под кроной деревьев. “Уже, забили место, сегодня воскресенье, много народу будет, жара” – подумал Артур. Мужчина помахал рукой в знак приветствия, он в ответ тоже, но кто это был, Артур не узнал. Он любил воду, как можно не уметь плавать, по ней не нужно бить и сопротивляться, нужно поймать движение водной субстанции, чтобы овладеть ей. Вода как парное молоко обступила тело и повлекла за собой, давно он не плавал, не очень, много времени у него было для пляжа в Лос-Анджелесе. Каждое воскресенье, он с семьей Кристины, был на службе, потом обед в их доме, вот и конец выходным. Доплыв до середины пруда и уже повернув, Артур неожиданно услышал абсолютно

отчетливо, что кто-то его позвал: “Артурчик”. Он обернулся, ему показалось, он увидел, на том берегу силуэт матери и в тот же момент осознал фатальности ошибки. От резкого поворота, он ощутил пронизывающую боль в бедре, судорога ударила током. Артур не растерялся, попытался лечь на воду и стал кричать, но нога превратилась в оглоблю, которая предательски тянула в низ. Дети забежали по берегу, мужчина побежал к лодке за двести метров, женщина стала надуть матрас.

Его тело принесли и положили на длинный обеденный стол, под виноградником. Вечером привезли гроб, переодели, вода не успела испортить лицо, он лежал нарядный как жених. Когда стали собираться люди, Карина вышла из дома, одев на себя несколько платьев и повесив все украшения, что нашла, взяла в руки огромный букет цветов. Она обрывала лепестки, бросая людям под ноги, пританцовывая, говорила: “Смотрите, какую я нашла невестку для сына! Лучше всех”! Потом, придя в себя, резко падала ниц, перед гробом рыдая, то медленно поднявшись, пыталась качать гроб и ласковым голосом начинала петь армянскую колыбельную. Потом неожиданно срывалась в неистовую пляску, в которой грациозный танец горской девушки сменялся движениями русской хороводной, а заканчивался цыганочкой, в этот момент, казалось, что для неё звучали все дудуки и все бубны мира, а в реальности глубокую тишину разрезали назойливые звуки мух выходящих вокруг лампы накаливания. Все чувства сразу теснились в груди Карины: вины, неразделенной любви, безудержной нежности. Бездна призывала бездну в её сердце! В воздухе висел сладкий, липкий запах израненных цветов валявшихся под ногами и в гробу.

Арсен наблюдал за происходящим в оцепенении от недоумения, ни как привычное не могло совпасть с действительностью и его рациональная, мужская душа была в растерянности, чтобы найти опору в окружающих, он перевел взгляд на тех немногих, кто осмелился зайти во двор. Почти у всех стоящих, в глазах удивление смешивалось со страхом, у кого-то с презрением, кто-то даже прятал ухмылку на губах, а у кого-то сочувствие соединялось с фарисейским превосходством. Безнадежно всматриваясь в лица, Арсен увидел глаза старой армянки, которую встречал на рынке. Её взгляд его поразил, как будто все это, она видит не в первый раз, как мать пляшет возле гроба сына и в невестах – смерть. Это были глаза вековой мудрости древнего народа, который знает все и обо всем. Тут Арсен ощутил чье-то прикосновение, он обернулся и увидел заплаканное лицо соседа, дяди Вани, которого недолюбливал, из-за того, что он сильно пил и когда его накрывала “белая” гонял домашних по улице. Дрожащим голосом, заливаясь слезами, дядя Ваня сказал: “Арсен, давай скорую вызову! У меня есть врачница знакомая, в психушке,

привезут Карину на кладбище, попрощаться. А то вон, посмотри”. Арсен оглянулся, за забором стояла толпа, никто не решался даже смотреть а не, то чтобы переступить порог. Он мотнул головой в знак согласия, дядя Ваня вылетел стрелой со двора. Тут почему-то Арсен вспомнил, болтовню молодого ученика автомеханика, Володьки который любил рассказывать интересные истории о знаменитостях. Одна из них гласила, что у родителей Сальвадора Дали до рождения гения, был еще один сын, его тоже звали Сальвадором Дали и умер он в младенчестве, а когда всемирно известный художник ходил ребенком в школу, то путь его лежал мимо кладбища, через ограду которого он мог видеть могилу с надписью Сальвадор Дали. Арсен терпеть не мог, этого Сальвадора Дали считая сумасшедшим, видел его по телевизору, но теперь мудрые глаза старой армянки, заплаканное лицо дяди Вани и эта история, почему-то успокоили его, примеряя жизнь с сюрреализмом смерти.

Карину, привезли на кладбище на следующий день, теперь если бы её увидела Кристина, она сразу признала в ней, ту женщину из сна, растрепанные волосы, мутные, бессмысленные глаза, исколотые руки. Выпустили её из больницы, только по весне, вела она себя покорно, но иногда сбегала на кладбище, где её искал Арсен и однажды нашел мертвой, обнимающей могилу сына, её сердце ставшее рингом борьбы без правил для чувств, разорвалось. Похоронили Карину в лиловом платье с вышивкой и кружевом на груди.

В мае, когда даже на юге, весна порою отступает, и начинаю лить холодные дожди, а небо становится, по-осеннему свинцовым на пороге появилась сестра бабушки Арсена, тетя Азгуш, которой было уже восемьдесят пять лет, в сопровождении сына Левона. Арсен очень удивился и насторожился, он знал из сплетен родственников, что она давно и тяжело болела. Но, что её заставило преодолеть не легкий путь и появиться на пороге дома внучатого племянника? Когда ритуал приветствий и соболезнований был закончен, тетушка грузно опустилась на диван за обеденным столом, засуетились девчонки, накрывая к поминальной трапезе. Ели молча, Арсен напрягся всем нутром, он был абсолютно уверен, его ждут неприятные новости. Тетя Азгуш сделала еле заметный знак девочкам, чтобы они покинули кухню, тяжело вздохнув, она сказала: “Прости меня, Арсен, скоро и я уйду в мир иной”.

- За что тебя простить, у меня на тебя не было никогда, обид – ответил Арсен, ощущая все больше тревогу.

- Прости и бабушку Ануш, прости нас сынок.

- За что?

Подперев голову руками, тетушка еще раз тяжело вздохнула.

- Артур не был твоим сынок.

Из груди Арсена вырвался вопль.

- Э, что еще за армяно-бразильский сериал? – завопил он.

- А чей? Нет, нет – крикнул он. О, не отвечай, я знаю! Айка! Да!

Он вскочил из-за стола, и стал ходить по кухне.

- Да, я дурак, тогда, Колька мне как-то, что-то говорит, сын на тебя не похож, а я принес альбом, тычу, ему на Айка, говорю, на дядьку похож, погиб в Спитаке, а Светка Мисропова его под столом ногой пинает.

Арсен остановился и опешив от посетившей его мыли, выпалил: “Так, вы все знали”!

Тетя Азгуша, в знак согласия покачала головой.

- Старые ведьмы, теперь мне все ясно и как вы меня с Маринкой развели и как Каринку подсунули, я тогда мальчишкой был, с армии только вернулся.

- Вы мне жизнь испортили – завопив неистово, Арсен ударил кулаком по столу перед самым лицом старухи.

- У меня, не было жены! Это не жена была, это было приведение, конечно, если бы денег больше, давно бы завел другую. Как девчонки подросли, так они и готовили и в доме убирали, а она только и знала Артуру стирать, да наглаживать, да в огороде копать. Одолжение сделала, за меня вышла!

Он рухнул на стул и зарыдал. В дверях кухни показалось заплаканное лицо Ани, Арсен мотнул головой, чтобы она ушла. Бабушка Азгуша, мудро выжидая когда, первая пена негодования сошла, продолжила разговор.

- Артур был хорошим тебе сыном, и ты был ему хорошим отцом, тебя все за святого считают.

Арсен приподнялся облокотившись на руки и дыша гневом в лицо старухи, прорычал: “А, я вас просил делать из меня святого”.

Потом обмякнув, он расплакался: “Да, Артур был, хорошим мальчишкой, весь район с ним пришел прощаться. Что, ей, вообще надо было, какие девчонки хорошие. Аня как после школы начала маникюры делать и в салоне и по домам, ни копейки не просила, Каринка институт заканчивает и немецкий тебе и английский, и французский, а Кира, вот, видишь рулету, она готовит, девчонки двенадцать всего.

- Не знаю сынок, кто в этом виноват и как надо было поступить, не смогла она смириться. Вот, демон и замучил. Ты же знаешь, её, воспитывала бабушка и старшая сестра, родители погибли. Ну, приехал Айк на свадьбу к брату, а тут Каринка. Влюбилась, Айк, да Айк. Он уехал, а она к Ануш, приходит - я беременная, мы даже не поверили. Сестра Айку звонить, вечером поговорили, а утром землетрясение. С горем пополам уговаривали её выйти за тебя, не хотели, чтоб что-нибудь случилось и позора боялись.

- А, позора боялись, видела бы ты тот, позор, который я видел, и который девчонки видели. Теперь каждый, кто к ним посватается, будет говорить, а это те, мать, которых плясала на похоронах сына. Вот, это позор! А то, что молодая девчонка, забеременела, это не позор.

- Это сейчас ты говоришь, все умные а раньше. Кто думал, что так вылезет. Огрызнулась старуха.

- Все понятно свой позор, вы жизнью моей заткнули.

- Вы, кажется, жили не плохо, когда Артур родился, она его так любила, мы и успокоились.

- Да, я с Каринкой уже лет пять как не жил, просто тянул лямку. Теперь задним умом понимаю, что отец мой недолюбливал её, косо смотрел. А Артур? Арсен вопросительно посмотрел на старуху.

- Нет, нет, Артур тебя считал отцом. Айк не был сыном твоего деда.

- Э,да хватит!

- Твоя бабушка была в юности влюблена, а отец её, прадедушка твой Аванес не дал ей выйти за Карена. Вот, бабушка твоя прожила двадцать пять лет с твоим дедом, потом он умер, а Карен тоже был один к тому времени, вот они и сошлись, Айка она родила в сорок девять лет, на три года старше тебя.

- Пряма не жизнь, а сплошной сюрреализм - вздохнул Арсен.

Бабушка Азгуша испуганно посмотрела на внучатого племянника: "Э, зачем ругаешься сюрризм, сюрризм".

"Да, думаю, может мне картины начать рисовать, а то на мою несчастную жизнь, слишком его много" - горько усмехнулся Арсен.

Дождь прекратился, и яркие лучи солнца освятили кухню, залаял пес. "Аня, проводи, покупатели пришли" – крикнул Арсен дочери.

- Продаешь? – спросила старуха.

- Карапетянам оставлю деньги, пусть Артуру в августе поставят памятник, а Каринке на следующий год. А мы в Армению уедем.

По набережной, под кружевной тенью пальм, красивая молодая женщина, катила двухместную детскую коляску, высоко над головой самолет рассекал небесное пространство. Малыш, показывая пальцем вверх, надувая щеки и выпячивая губы, загудел. Мать взяла его на руки, и они оба стали смотреть в след самолету, девочка в коляске захныкала. "Да, отдаю я тебе твоего Артурку, не плачь" – женщина поцеловала малышку.

Николай Шоластер

Лохматый

Локоны длинных вьющихся волос диким водопадом спускались на его неспортивные плечи, жидкое подобие бородки и пушок под носом в виде усиков, все же как-то, обозначали его принадлежность к сильному полу. Нельзя сказать, однако, что он сильно выбивался из общего потока таких же как он, хиппарей. Трудно было кого-нибудь удивить в институте длиной волос и жидкой бородкой, тем более, все это было неотъемлемой частью человеческого тела, и потому не требовало материальных затрат на приобретение. Отличался Лохматый, так его все называли, в основном детским простодушием и непосредственностью

Он не привык делать над собой усилие, если цель ему казалась не столь уж важной, куда лучше было спокойно сплавляться по течению, не дергая конечностями, смотреть вверх на облака и лениво думать о чем-нибудь хорошем. Однако сегодня, злая судьба поставила его мирную жизнь на дыбы, призвав к ответу за беззаботно проведенное время в течение всего семестра. Наступил горький час расплаты, присутствующий в жизни каждого студента - сессия! О, ужас, прежде чем сдавать экзамены, необходимо было получить еще и какие-то там зачеты, ах какая же несправедливая глупость!

Впрочем, иногда фортуна бывала к нему снисходительна, по крайней мере, один зачет он получил прямо сходу! Наивно полагая, что между людьми, близкими по возрасту, безусловно, существует взаимопонимание, он положил свою, девственно чистую, зачетку перед совсем еще молодым преподавателем и, свесив длинные локоны чуть не до стола, сделав скорбное затравленное лицо, тихим дрожащим голосом выдохнул:

- Чувак, зачет во как нужен! Без зачета не жить! – он провел пальцами напротив своего горла. Александр Михайлович был всего на несколько лет старше студента, однако, от такой фамильярности он сначала даже опешил, но потом, немного помедлив, молча, все же расписался в его зачетке. Что ж, просьба была изложена четко, ясно и крайне корректно, пусть даже и с присутствием хипового сленга. Безобидный, лохматый шалопай..., ну пусть поживет до экзамена, который он вряд ли так же просто сдаст.

В результате этой маленькой победы, у студента невероятно поднялось настроение, и он впал в эйфорию. Да, вот такие они, физики -

математики, не бросают в беде своих товарищей. Благожелательные и сговорчивые, не то, что идеологи. Вон Петр Степанович стоит, величественный, как памятник - наш «Научный Коммунист», весь такой...пламенно-возвышенный в строгом бордовом галстуке и массивных очках. Неприступная идеологическая крепость, глыба марксистско-ленинского учения! Эх, рискнуть, что ли, да с разбега - раз и в дамки!

- Зачет? Хм..., а покажите-ка мне ваши конспекты, уважаемый студент! – да, тут уже стало совершенно очевидно, что так запросто, таким нахрапом, его не возьмешь....

- Что-то маловато у вас конспектов для зачета...,- продолжал ехидным тоном идеолог, листая толстую тетрадь, не очень-то сильно исписанную, хотя и с двух сторон. Там были конспекты и по другим предметам!

- Я конспектирую, вы не подумайте плохого, просто завертелся, а времени-то уже в обрез, Петр Степаныч, скоро же экзамены! – изобразив скорбную озабоченность, плачущим голосом сказал Лохматый. Как будто Петр Степанович и был всему этому виной.

- Ну, еще хотя бы один! Вот принесете мне завтра конспект «Государство и революция» В. И. Ленина, тогда и поговорим!-

- А сейчас можно? Я быстро..., я в читальный зал смотаю!

- К сожалению, у меня уже нет времени, через пятнадцать минут я уйду, давайте завтра,- он даже брезгливо поморщился от такой назойливости студента.

- Я сейчас! - Лохматый исчез из поля зрения, а Петр Степанович пожал плечами и направился в кабинет кафедры научного коммунизма.

Но через пятнадцать минут коридоры института сотряслись, как от топота копыт Буденовской конницы! Это Лохматый мчался, спотыкаясь о ступеньки лестницы, ведущей с первого этажа, где располагался читальный зал, его длинные патлы, как крылья черного ворона, громко хлопали по плечам, а в руке вместо шашки была та самая тетрадка с конспектами. Перехватив преподавателя уже на выходе из кабинета, Лохматый радостно заверещал:

- Петр..., Петр Степааныч, вот! Все законспектировал, все как Вы сказали!-

Лохматый даже провел рукой по невидимой горизонтальной линии, как бы демонстрируя произведенное действие.

Петр Степанович, нахмурившись, уперся взглядом в страницу, всего лишь одну страницу, на которой студент сумел-таки за какие-то пятнадцать минут разместить, целый трактат великого мыслителя! Он

тщетно попытался прочитать написанное, поводил глазами, поправил очки пару раз, но там самым мелким убористым почерком были начертаны сплошные сокращения – «тырь... мырь... пырь... дырь».

- Да...хм...эээ...- нервно пропел Петр Степанович, - главы, однако, четко обозначены. Ну, давай сюда эту..., зачетку давай свою, черт с тобой!- как же он пожалел, что не ушел хоть на минуту раньше!

- Итак, первый уровень пройден! Ура, товарищи! – подумал так про себя ошастливленный очередным зачетом студент, только что впихнувший в себя изрядную порцию углубленных знаний пролетарско-ленинской теории. Но впереди его ждал еще более сложный уровень, сдача экзаменов.

Вот оно и свершилось! Листок был бел и пуст, как святая невинность, не испачканная мирскими тленными мыслями, он сидел в полном отчаянье и в голове его вертелись разные ужасные сценарии развития событий. Грустно направив свой взгляд в потолок, он упорно пытался вспомнить учебник термодинамики, но вспоминалась, почему-то только его обложка, такая оригинальная, с большим черным интегралом. Логическим путем было установлено, что «термо» - это тепло, а «динамика» - это сила, но дальше ничего не клеилось. И тут вдруг озарение колокольным звоном упало сверху на его лохматую голову и на бумагу посыпались слова. Легко, быстро и с вдохновением:

-Термодинамика! Ноздрев!
Интегралом будоражит душу!
Ученый из ученийших умов,
Лапшу вам вешает на уши!
Над буквой і поставим точку,
Да, я не знаю ничего!
А списывать, а списывать, что толку?
Я лучше дома прочитаю все.

Александр Абрамович подошел к удрученному скорбными думами, студенту, заглянул в листок:

- О! Даже так! Ай, да молодец, ай, да пиит! Так...хм...неплохо, неплохо! Ну, давай...

- Что давать? За... зачетку?

- Нет! Давай домой дуй! Как прочитаешь все, так милости прошу! На следующей неделе ко мне! Можно даже со стихами, но обязательно с ответами на все билеты и решением задач!

Вот...таким образом сессия для Лохматого несколько затянулась. Ну, не все так уж трагично было, пересдавать экзамены все-таки разрешали, а поскольку он не был безнадежно глуп, скорее, сказочно ленив, то после полученной встряски, неведомым образом и с удивлением для себя, все же сумел сдать экзамен на «международную» оценку (то есть – трояк). Однако, если физика как-то укладывалась в его логику мышления, то история КПСС была просто китайским языком или болезненным бредом. Хотя все вокруг твердили ему, что, мол, тут все просто, надо всего лишь красиво и уверенно продекламировать тезисы из книжки!

И вот уже в третий раз пришел он, вечный должник, к Сергею Александровичу на свою очередную попытку изложить, хоть что-то вразумительное по – поводу чего-то маловразумительного, с его, «Лохматой» точки зрения. Слова путались в хитросплетении непонятных терминов, порождая в его голове совсем не те ассоциации, которые подразумевались.

- Империализм-это есть...,- начал было он и тут же вспомнил строчки из революционной песни - «это есть наш последний и решительный бой», хохотнув про себя, продолжил:

- Империализм – это есть капитализм на последней стадии...,- он опять запнулся выражение «последняя стадия» навело какое-то недоброе продолжение, типа «болезни», «алкоголизма», «разложения», а что же там должно было быть, он забыл. Зажмурив глаза и скорчив мученическую гримасу, он стал вспоминать, применяя все известные ему методы аутотренинга и самогипноза.

- Ну, ну! – подбадривал преподаватель, - Смелее!

- Империализм – это катаклизм, ой...это капитализм...на последней стадии..., а, вот,...развития! Уфф, когда финансы поют..., ой, когда финансовые монополии с трестами... блин... - тут он окончательно запутался.

- Нет, нет – «блин» это, скорее всего, из другого учебника. Ну, напрягитесь!

-Ну, там это ... вывоз капитала ... дороговизна ... противоречия ... трудовому народу не нравилось ..., усилился гнет и эксплуатация! Вот! Вот именно, гнет и эксплуатация! – тут ему показалось, что он нашел-таки удачные слова.

- Да вы хоть по какой книжке занимались-то? – утомленно прикрыв глаза, спросил Сергей Александрович.

- Да фиг ее знает, по серенькой такой! – простодушно ответил Лохматый.

Тут Сергей Александрович неожиданно оживился, открыл глаза и засмеялся:

- По серенькой, говоришь! Он по серенькой книжечке готовился к экзамену по истории КПСС! Ха, ха, ха! Это же просто замечательно! Давай зачетку, студент! По серенькой, по серенькой такой книжице! Вот возьму и уеду в Урюпинск!- так смеясь, приговаривал он, ставя в зачетку очередной трояк студенту-юмористу.

Лохматый даже не сразу понял, что напомнил преподавателю старый политический анекдот. Ну, как бы там ни было, сессия сдана! Как раз в этот день в общежитии был назначен танцевальный вечер, на котором выступала группа Лохматого «Ржавые гвозди»!

На город опускалась тихая звездная ночь, загорались немногочисленные тусклые фонари городского освещения, но окна общежития №1, где обитали физики-математики, уже ярко сверкали золотом новогоднего праздника. На первом этаже в красном уголке уже расставлены были звуковые колонки и усилители, наконец, издав характерный мощный звук, штекеры воткнулись в сверкающие электрогитары. Веселый гомон довольной студенческой толпы затих в предвкушении.

- Тихо! Вокруг нас пришельцы! – громогласно и нараспев произнес короткую вступительную речь Лохматый и ударил по струнам, издав пугающий «роковый» аккорд. Его дружно поддержали остальные члены команды, бас-гитара в руках Юджина заиграла какой-то невероятный межгалактический танец под стремительный грохот барабанов в исполнении Мишеля. Это, собственно и была вся группа. Пространство общежития сотрясилось от мощной новоиспеченной композиции.

- Туманность Андромеды привет вам шлет,
Таинственный пришелец сегодня к вам придет.

«Привет, привет, друзья Земляне!

Я прибыл к вам с планеты дальней!»

Затем раздался долгий победный крик Лохматого, тут же подхваченный всей общагой. У всех была одна невероятная радость от трудной победы, от завершения смертельной битвы и предвкушения замечательного праздника, который продолжится теперь почти до самого лета!

Наталья Алексеевна Горенко.

Как летом 2008 на Валааме ждали Патриарха

Летом 2008 года я побывала на Валааме. Ждали Патриарха Алексия Второго. Он обычно посещал остров в этот знаменательный день.

Дорожка до Собора была уже выложена живыми цветами. Но пришло сообщение, что врач не разрешил Святейшему по состоянию здоровья предпринять эту поездку. Патриарху шёл уже восьмидесятый год и хотя у многих жителей Земли век удлинился, но нам был обещан век 70-80 лет.

А 5 декабря 2008 года я была дома, когда в 11 утра было объявлено, что в Переделкино скончался пятнадцатый Патриарх всея Руси, Алексей II.

Сообщили, что накануне Патриарх отслужил две Божественных Литургии.

По одному из телеканалов показали фильм «Остров», который ему очень понравился, и он благословил автора на создание новых фильмов, затрагивающих тему нравственности православного человека, монастырской жизни, подвига и дара старчества.

Передавали речь президента Медведева, который отменил поездку в Италию из Индии, в связи с этим печальным событием; и проникновенную речь премьера Путина. Был показан фильм о Патриархе.

И смерть его, как и жизнь его, служила прославлению Господа и Православной Церкви. На экране лицо Патриарха крупным планом и его слова: «...О чуде? А разве не чудо, возрождение Православия?»

Рассказ мой об означенных событиях 2008 года будет не полным, если не расскажу об одном эпизоде тех дней, уже рассказанном мной в новелле "Педагогические истории о необычном".

С коллегой Ириной мы встретились 7.12.2008; в воскресенье, по дороге в храм. Седьмое декабря день памяти Святой Мученицы Екатерины. Её мама Екатерина родилась и умерла в этот день.

На днях она приснилась Ирине. Они что-то делали вместе и во сне Ирина говорит: «Пойду готовить». Мама ей отвечает, что уже наготовила, и выносит из соседней комнаты блюдо с блинами. Блины румяные, красивые.

Ирина тогда заволновалась, не случится ли чего-то плохого в семье?

В семье ничего не случилось, но произошло событие, значимое для всей России - почил о Господе Святейший Патриарх всея Руси Алексей II.

Мы обе вспомнили, как Ксения Петербургская говорила людям перед смертью императрицы Елизаветы Петровны: «Пеките блины, пеките блины». Наши благочестивые предки пекли блины на поминки по умершим.

Я спросила Ирину, что, наверное, её мама была благочестивой женщиной? Ира подтвердила и добавила, что когда маму отпевали в Князь - Владимирском соборе, присутствовали человек пятьдесят прихожан, хорошо знавших её.

Ирина мама, находящаяся уже, по всей видимости, в Царствии Небесном, уже знала о скором приходе в Небесные Обители Святейшего Патриарха Всея Руси Алексей II и сказала ей во сне, что уже напекла блинов.

Всё это я слушала и откладывала в сердце своём, как свидетель сих исторических событий, происходящих на моих глазах. А что-то и записала, так как уже начала писать свою книгу Встречи.

Мыс Фиолент и царь Николай

В 2005 году мы с Коськой чудным образом, впервые, с группой педагогов, оказались в Крыму. Севастополь, Балаклава, Инкерман, место Крещения Князя Владимира, Ласточкино гнездо...

И уже в те годы экскурсоводы жаловались нам на притеснение русских.

На красивейшем месте Крымского побережья, мысе Фиолент, восстанавливается небольшой храм Святого Георгия Победоносца.

Однажды, по рассказу экскурсовода, туда поздно вечером приехал Чехов с каким-то генералом. Монахи не дали им самовар, потому, что поздно. Антон Павлович говорит: «Сказали бы, что Вы генерал, нам бы дали». А генерал говорит: «Сказали бы, что Вы Чехов. Тогда нам бы точно дали».

Так же однажды вечером, без предупреждения, в храм святого Георгия на вечернюю службу приехал царь Николай с кем-то из приближённых. Они стояли на службе. Вдруг раздался шум, началась какая-то беготня. Оказалось, что из своих келий, прорубленных в скале, вышли два схимника. Они не выходили уже много лет. Пищу: хлеб и воду, им оставляли на дорожке, ведущей к кельям. Поскольку она исчезала, знали, что они живы. Царь вышел из храма. Они низко поклонились ему.

Второй раз они вышли из своих келий, когда мимо мыса Фиолент проплывал царский корабль, и снова низко поклонились и стояли пока корабль не исчез из виду.

Наследный принц Уфы и Костромы

«...Но сгнили их конкретные умы
В процессе потребления продуктов.
Что им с того, что твой кузен кондуктор,
Наследный принц Уфы и Костромы».\

Борис Гребенщиков, песня из фильма «Чёрная роза эмблема печали....

Веришь ли ты, читатель, что на сотом километре, на шести садоводческих сотках имеет «дачу» человек, дедушка которого покоится в Царской усыпальнице Петропавловской Крепости Санкт-Петербурга?

Этот человек – женщина по имени Лариса, немного старше меня. Её участок в садоводстве находится по диагонали от нашего, практически мы соседи. Она тоже вдова. Муж её был инженером военного ведомства. Старшего сына, у которого в биографии был Чернобыль, она не беспокоит стройкой, жалеет. У младшего сына Саши абсолютный слух и Лариса помогает ему стать музыкантом с именем. Строитель, её Саша, никакой, что давало повод моим детям поглядывать на него свысока.

Помучившись, первые годы, Лариса с сыном бросили работы на участке, купили домик из вагонки, типа вагончика, за тысячу долларов и лишь изредка появляются на Сотом.

16 июля 1998 года мы с институтской подружкой Галиной и шестилетним сыном Константином приехали «принять участие в церемонии внесения останков Российского Императора Николая II, членов его семьи и приближённых в Петропавловский собор». Так говорилось в приглашении от Администрации Санкт-Петербурга, которые давали у Галины на работе в Райздраве. Там никто особенно этими приглашениями не интересовался, а я мечтала выразить свою солидарность с восстановлением справедливости в отношении царской семьи.

Я даже купила себе белую льняную кофточку для этого события. Бывало, что мне в этой кофточке сделают комплимент, а я говорю, что купила её на похороны Царя.

На этой церемонии мы встретили Ларису и узнали, что её дед - повар царской семьи Иван Михайлович Харитонов! Он не оставил Николая II после ареста и был убит с царской семьёй.

Он был почётным жителем Петергофа и имел там два дома. Ещё он имел много международных наград. А Лариса, дочь его старшего сына Петра. Мама уговорила её ещё в детстве сменить отчество, чтобы получить образование и для большей безопасности. В тот день Лара встретила в Петропавловке своих родственников из-за границы и, наверное, открыла новую главу в истории своей семьи.

А может Гагарин не долетел туда?

В 2013 году с группой экскурсоводов я побывала в Греции.

Врезалось в память, как однажды наша группа очень торопилась к назначенному в программе путешествия, месту. Мы твёрдой поступью пробирались вперёд. И вдруг в окружающей нас толпе, раздалось радостное: "Русские идут!"

В Греции мы побывали и на Метеорах – скалах-столбах, упирающихся в небо, на плоских вершинах которых разместились, с незапамятных времён, монастыри.

В женский монастырь на Метеорах мы отправились на службу. Монахини пели: "Кирио элейса", что значит "Господи, помилуй!"

А когда настало время читать "Символ веры", мы в двадцать с лишним женских голосов без запинки и с воодушевлением произнесли его на русском языке. Это было сильно!

На Греческом острове Корфу, рядом с церковью, где почивают более тысячи лет нетленные мощи Святителя Спиридона Тримифунтского, есть ещё церковь, в которой особенно почитают непобедимого русского флотоводца и святого - Фёдора Ушакова и святителя новейшего времени, русского врача - Луку Войно-Ясенецкого.

Запомнилась история, рассказанная греческим батюшкой этой церкви, о времени полёта в космос первого человека - Юрия Гагарина.

Сказали, что Юрий Гагарин побывал в космосе - а Бога не видел!

Даже какую-то часть греков это повергло в недоумение.

Тогда один маленький греческий мальчик на уроке поднял руку и сказал: «Учительница, можно спросить?»

Учительница говорит: «Можно, спрашивай.»

«А может Гагарин не долетел туда, где Бог?» - спросил мальчик.

И всё пошло по-старому. Греки – народ верующий, православные христиане. Без антиклерикализма.

Шестидесятники

Некоторые «шестидесятники» и "семидесятники" в свободное от работы или учёбы время заходили в «Сайгон» - кафетерий на углу Невского и Владимирского проспектов. И мы с моим будущим мужем Александром, когда встречались, иногда заходили туда. Саша говорил, что некоторые посетители считали, что в кафе ведётся видеонаблюдение за входящими и приветствовали наблюдателя поклоном и словами: «Здравствуйте Иван Петрович».

Там можно было заказать двойной или тройной, маленький или большой кофе, и почувствовать себя крутым и независимым, стоя за чашечкой кофе и поглядывая в окно на бурлящий Невский или Владимирский.

Через несколько лет после перестройки, там был устроен магазин сантехники. Видимо, там могли продавать и унитазы. Я не заходила в него «...И ни церковь, ни кабак, ничего не свято.

Эх, ребята, всё не так. Всё не так, ребята.»

«Шестидесятники» любители фотографии и фотоаппаратуры собирались в Апраксином Дворе, в фото отделе комиссионного магазина. Саша называл это – «сходить в клуб».

Однажды там ему поплакался в жилетку директор фабрики музыкальных инструментов. У него на проверке камертонов стоял молодой человек, за которого зарплату получали родители, в связи с его полной психической и умственной несостоятельностью. Парень собрался уходить, и директор не представлял где взять ему замену, так как у него был абсолютный слух.

Был момент, когда мой сын засомневался о наличии у себя дарований и предназначенности, тогда я напомнила ему эту историю.

Холодное лето 2019

На даче мы с приятельницей пошли к реке, но искупаться не решились - холодно; Возвращаясь, начала читать ей с телефона свою миниатюру о встрече блогера Ильи Варламова в телепередаче *Не верю.

Мимо шедший к реке подросток с собакой оживился, услышав имя блогера. «Это с такими волосами?» Он изобразил на себе пышную шапку волос Подтвердила. Парень заметил, что он тоже не верит.

Говорю: Значит ты отказываешься от помощи Божьей. Погрустнел.

Еще есть неоспоримое доказательство. Вся наука и технологии не могут вдохнуть жизнь, в то, где ее нет. Будь то бактерия или животное.

Спрашивает: "А как же клонирование?"

Клонирование, это когда живую клетку помещают в живой организм. Поэтому клонировать мамонта не получится - нет живых клеток мамонта. А Дыхание Жизни прерогатива Творца.

Контактная информация авторов

Шоластер Николай	<i>nicolas1955@yandex.ru</i>
Арсланова Эльзара «Изабелла Блейз»	<i>izabella.blaze17@gmail.com</i>
Виктор Астанин	<i>astanin1948@mail.ru</i>
Еронская Эллада «ellochka»	<i>ellada_er@tut.by</i>
Колесов Борис	<i>kolesov@niic.nsc.ru</i>
Анна Логинова Трушкова	<i>truann13406@mail.ru</i>
Романов Олег	<i>moy_yaschic@list.ru</i>
Андрей Романов	<i>al-capone-13-2@yandex.ru</i>
Еремина Наталия	<i>eremina0604@mail.ru</i>
Никитенко Елена «Елена Мария Вербалес»	<i>nkt67630@yandex.ru</i>
Макаренко Наталья Алексеевна "Наталья Алексеевна Горенко"	<i>nag08@list.ru</i>

Сборник прозы

«Сокровенные мысли»

Выпуск 19

Все права на произведения принадлежат
исключительно их авторам

Составитель-редактор:
Независимое Издательство «Первая Книга»
www.перваякнига.рф